



Шерлок Холмс в России

Антология
русской
шерлокианы

Том 1

**НОВАЯ
ШЕРЛОКИАНА**



Salamandra P.V.V.

ШЕРЛОК ХОЛМС В РОССИИ

Антология русской шерлокианы
первой половины XX века

Том 1

Составление, вступ. статья
и комментарии А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Шерлок Холмс в России: Антология русской шерлокианы первой половины XX века. Том 1. Сост., вступ. статья и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 274 с., илл. — (Новая шерлокиана).

В антологии впервые собрана русская шерлокиана, опубликованная в период с начала XX в. и до Второй мировой войны. В это масштабное по полноте и широте охвата издание включены вольные продолжения и пастиши, пародии и юмористические рассказы, истории о приключениях Шерлока Холмса в городах и весях Российской империи и Советского Союза и статьи критиков и интерпретаторов. Многие произведения переиздаются впервые.

© Authors, estate, 2019

© А. Sherman, состав, предисловие, комментарии, 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

ШЕРЛОК ХОЛМС
В РОССИИ

Шерлок, придавший логике прелесть грезы, Шерлок, составивший монографию о пепле всех видов сигар и с этим пеплом, как с талисманом, пробирающийся сквозь хрустальный лабиринт возможных дедукций к единственному сияющему выводу...

В. Набоков, «Защита Лужина»

БЕЙКЕР-СТРИТ, ПЕТЕРБУРГ

Русская шерлокиана первой половины XX века

«Завтра мы отправляемся.
— Куда?
— В Россию.
— В Россию?!»

— Да, дорогой Уатсон. Уложите самые необходимые вещи, не забудьте положить на всякий случай в карман ваш револьвер, и едем...

Признаюсь, мне никогда не приходило в голову, что я могу отправиться так внезапно в страну снегов...»

Доктору Уотсону было чему удивляться. В снега? К дикарям? Но Артура Конан Дойля, надо думать, российская эскапада Шерлока Холмса и его верного друга и оруженосца Уотсона удивила бы значительно меньше. Разве не он в *Скандале в Богемии* (1891), первом из пятидесяти шести рассказов холмсианского «канона», кратко сообщил о путешествии Холмса в Одессу? Шестьдесят с небольшим лет спустя сын писателя Адриан Конан Дойль и Джон Диксон Карр построили на этом упоминании рассказ *Тайна семи циферблатов*.

Конан Дойль был вполне осведомлен о феноменальном успехе Холмса в России, откуда получал много читательских писем. А начиналось все скромно — с *Пестрой банды*. Так был озаглавлен анонимный перевод рассказа *The Adventure of the Speckled Band* (1892), опубликованный в 1893 г. в №№ 50-52 (12, 19, 26 декабря) еженедельного иллюстрированного журнала *Звезда*, издававшегося в то время П. П. Сойкиным (1862-1938).

К концу 1901 г. на русском языке насчитывалось шесть рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе, опубликованных в периодике, две отдельных книги и три тома собрания сочинений Конан Дойля, целиком состоявших из «канонических» произведений. Затем снежный ком превратился в лавину. С лета 1902 по конец 1903 г. было издано около 20 книг о Холмсе; выпуском книг об английском детективе занимались в 1902-1907 гг. не менее 20 российских издательств.

Имя детектива с Бэйкер-стрит сделалось в России не просто общеизвестным, а стало нарицательным <...> Он овладел умами и серд-

цами тысяч русских поклонников, он перестал быть детищем своего создателя, он стал общественным достоянием, явлением наднациональным. О нем ставили пьесы, пользовавшиеся бешеным успехом, ему подражали мальчишки, люди постарше пытались применить его метод на деле, о нем писали пародии, его имя красовалось на фасадных вывесках, на товарных этикетках, книжки о его приключениях читали все, даже члены августейшей семьи.

Цитата, как и цифры, взята нами из написанной с большой увлеченностью статьи библиографа русского детектива Г. К. Пилиева, в которой довольно обстоятельно прослежена история первых русских публикаций Конан-Дойля¹. К сожалению, в труд Пилиева вкралась досадная и существенная ошибка — появление «русского» Шерлока Холмса, иначе говоря, первого русского пастиша, автор относит к 1907 г. В действительности произошло это в 1905 г., а если говорить о совокупности русской *производной шерлокианы*, то и намного раньше.

Эволюция русской шерлокианы, представляющей собой весьма любопытное литературное и социальное явление, до сих пор не достаивалась сколько-нибудь серьезного рассмотрения. Исключением являлись отдельные заметки энтузиастов Шерлока Холмса, сопроводительные тексты автора настоящей статьи к ряду изданий русской шерлокианы² и несколько явно оставляющих желать лучшего статей М. А. Кривошеиной³. Нельзя пройти мимо книг аме-

¹ Пилиев Г. A Study in Russian: Being an account of... Отчет о неизвестном эпизоде из биографии мистера Шерлока Холмса, связанном с его пребыванием в России // <http://www.acdoyle.ru>. На данном сайте содержится наиболее подробная библиография переводов Конан Дойля на русский язык.

² Предисловия и послесловия к кн. *Шерлок Холмс на сцене* А. Конан Дойля и У. Жилетта, *Шерлок Холмс и дело «Огонька»*, *Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертон в России* и *Похождения Шерлока Холмса в Сибири* П. Орловца, *Загробный гость* и *Черный ворон* П. Никитина, выпущенным изд-вом Salamandra P.V.V. в серии «Новая шерлокиана» в 2011-2014 гг. Эти работы использованы нами при написании данной статьи.

³ Кривошеина М. «Ватсон, мы отправляемся в страну чрезвычайных охран...»: (Шерлок Холмс, эпигоны и первая русская революция) // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2016. Т. 12. № 1; она же. «Шерлок Холмс вздумалъ посетить русскія владенія»: Проблемы рецеп-

риканских исследователей Д. Брукса и Б. Дралюка, однако в них в основном рассматривались так называемые сыщицкие «выпуски» и практически не уделялось внимание шерлокианским пастишам⁴; то же справедливо и в отношении А. И. Рейтблата, обрисовавшего с большими лакунами становление уголовно-детективного жанра в дореволюционной России⁵.

Значительный шаг в изучении русской шерлокианы был сделан в 2017 г. с выходом книги собирателя А. А. Лапудева *Шерлокиана: Опыт русской библиографии*⁶; со времени выхода книги были обнаружены дополнительные неучтенные произведения. Наконец, в недавней статье М. А. Жировой был предложен анализ приемов и поэтики некоторых произведений виднейшего автора русской шерлокианы П. Никитина⁷.

Не без политики

Громадная популярность Шерлока Холмса не могла не вызвать литературных откликов. Уже в 1902 г. беллетрист, драматург и актер В. А. Тихонов (1857-1914) опубликовал весьма симптоматичный рассказ *Сыщик* о юном и фанатичном поклоннике детектива с Бейкер-стрит, генеральском внуке Левушке Буртасо-

ции образа в России 1900-1910-х гг. // *Studia Slavica XIV*: Сборник научных трудов молодых филологов. Таллинн, 2016; она же. Шерлок в Петербурге (<https://arzamas.academy/materials/541>); она же. Шерлок Холмс и «элитарная культура» в России 1900-1910-х гг. // *Русская филология 27*: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2016.

⁴ Brooks J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917*. Princeton: Princeton UP, 1985; Dralyuk B. *Western Crime Fiction Goes East: The Russian Pinkerton Craze 1907-1934*. Leiden: Brill, 2012.

⁵ Рейтблат А. И. Детективная литература и русский читатель: (Вторая половина XIX – начало XX века) // Рейтблат А. И. *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*. М., 2009.

⁶ Лапудев А. А. *Шерлокиана: Опыт русской библиографии*. М., 2017 (электронное изд.).

⁷ Жиркова М. А. Русский Шерлок Холмс и его авторы: П. Никитин // *Art Logos*. 2017, № 1; электронная версия: <https://cyberleninka.ru/article/v/russkiy-sherlok-holms-i-ego-avtory-p-nikitin>.

ве⁸. Тихонов тяготел к консерваторам, и в его рассказе генерал Буртасов в постоянных спорах с либерально настроенным сыном и невесткой защищает Шерлока Холмса с откровенно охранительских позиций:

<...> Этот Шерлок Холмс прямо-таки молодчина! Умный, ловкий! Да этого мало! Еще и храбрый к тому же.

— Да, в современной Англии detective является героем! — вставил Александр Львович.

— Что ж такого? Раз разрушители порядка могут быть героями, то почему же охранителей его не считать таковыми же?

— Сыщик и герой — как-то плохо вяжется одно с другим, — с презрительной grimасой проговорил Александр Львович.

— Ах, господа либералы! Господа либералы! Какие же вы все, однако, консерваторы! — буркнул старик <...> (стлб. 195).

Даже свободомыслящий наставник, нанятый для Левушки родителями, интеллигентный выходец «из народа» Хоботов, не хотя вынужден признать, что

хороший сыщик такая же необходимая единица в общем порядке управления, как и хороший прокурор, только это непочтенно <...> сыщик действует не открытыми средствами, а исподтишка, сам ничем не рискуя... (стлб. 202-203).

Левушка, конечно же, тотчас бросается на защиту храброго и самоотверженного Шерлока Холмса. Тем временем генерал Буртасов заключает, что чтение Конан Дойля развивает в мальчишке «пытливый ум и большую наблюдательность. Теперь вот он их развивает на вздоре, на пустыках, а впоследствии — кто знает — как это ему пригодится!» Уж не для борьбы ли с «разрушителями порядка»?

Одного холодного ума и наблюдательности, тем не менее, для истинного охранителя недостаточно. По воле писателя, Левушка на своем жеребце «Шерлоке Холмсе» скачет в погоню за беглым преступником, настигает затравленного беглеца и — шадит несчастного. В ночном кошмаре былой кумир Холмс видится теперь Левушке своим полным антиподом: жирным человечком во

⁸ Тихонов В. А. Сыщик // Нива. Ежемесячные литературные приложения. 1902. № 10, октябрь. С. 382-399.

фраке и цилиндре, олицетворением механистичного, безжалостного правосудия. В финальном диалоге Буртасова и его сына последнее слово остается за генералом:

<...> В специально детских журналах печатается такая бездарная чепуха, что более или менее развитого мальчика можно заставить их читать разве что из-под палки. Да и они просто портят изящный вкус у детей. А с другой стороны, вот этикие Конан-Дойли направляют их фантазию в совершенно нежелательную сторону. Они начинают увлекаться... <...> Делать себе героя из сыщика Шерлока Холмса, это...

— Не беспокойтесь за вашего сына. Никакие увлечения для него не опасны! У него есть славный якорь, который всегда удержит его от всяких нежелательных увлечений.

— Какой же это якорь? — спросил Александр Львович.

— Честное сердце, — отрезал старик и, надев фуражку, пошел в сад, навстречу бежавшему к нему внуку (стлб. 214).

Как тут не вспомнить пресловутые чекистские «чистые руки, холодную голову и горячее сердце»!

Мы не без причины так подробно остановились на этом рассказе с «направлением» и «тенденцией», ибо *Сыщик* Тихонова был произведением крайне показательным и программным. Именно благодаря своей схематичности и топорности, рассказ ярко отразил суть складывавшегося вокруг Шерлока Холмса идеологического конфликта. С 1902 г. Холмс начал превращаться в заметный социокультурный феномен, и рецепция его в условиях российской действительности стала спешно и неизбежно окрашиваться в идеологические тона. Исследователи, в частности Б. Дралюк, уже подмечали известные политические составляющие в восприятии образа Холмса и других сыщиков, связывая их с периодом реакции, наступившим вслед за подавлением «первой русской революции» 1905-6 гг. Однако, как можно видеть на примере В. А. Тихонова, Холмс в России был политизирован почти изначально.

В последующие годы вокруг Холмса ожидаемо начали концентрироваться некоторые национал-шовинисты и консерваторы правого толка. Не вдаваясь в подробности и объяснения (наиболее очевидным и приблизительным из которых будет жанровый *mass appeal*), можно отметить, что и до, и во время, и после всплеска сыщицкой литературы в России — в том числе и в XXI в. — детективный и фантастико-приключенческий жанры в целом привлека-

ли и продолжают привлекать огромное количество подобных литераторов, в Европе же среди соответствующих авторов было немало фашиствующих. Предреволюционным российским консерваторам Холмс, интуитивно или осознанно, виделся защитником государственно-социальных «устоев» и институций. Сыщик с Бейкер-стрит как бы реабилитировал презируемую либералами охранку и всевозможных «сыскных», «шпиков» и провокаторов⁹. В этом смысле консервативно-охранительный лагерь выступал своеобразным предшественником советского и постсоветского соцзаказа сперва на «красного Пинкертон», а затем и на образы «доблестных чекистов» и прочих рыцарей охраны порядка. Так, активнейшим переводчиком шерлокианского «канона» и других сочинений Конан Дойля был черносотенный журналист и публицист, один из руководителей Союза Михаила Архангела Н. Д. Облеухов (в общей сложности им было переведено около 60 произведений). Фактический редактор *Нового времени*, консерватор и антисемит М. А. Суворин (1860-1936), написал в соавторстве пьесу о Холмсе. Ярм пропагандистом лондонского детектива был блестящий и одиозный В. В. Розанов, для которого Холмс — даже не сыщик Конан Дойля, а Холмс грошовых «выпусков» — воплощал «пафос к добродетели и истинное отвращение к преступлению. Книжки его везде нравственны, не циничны, и решительно добропорядочнее множества якобы “литературно-политических” газет и беллетристики»¹⁰. Восходящие к Шерлоку Холмсу фигуры русских сыщиков использовали для антиреволюционной и юдофобской агитации автор серии выпусков *Гений русского сыска И. Д. Путилин: Рассказы о его похождениях (1908-1909)* Роман Добрый (Р. Л. Антропов), издатель и вероятный автор чудовищного *Сыщика-черносотенца* (Харьков, 1908) И. А. Креминский и пр.

Как справедливо отмечает А. И. Рейтблат, во второй половине XIX в. «уголовный роман был не в чести у критиков и во-

⁹ Вдвойне удобно было то, что Холмса невозможно было при этом заподозрить в принадлежности к государственной машине.

¹⁰ Розанов В. Опавшие листья: Короб второй и последний. СПб., 1915. С. 96-97. Ср. запись в *Мимолетном* от 3.VI.1915 в характерном юдофобском и антиреволюционном контексте: Пинкертон «лучше, благожелательнее, чище, в обыкновенном и простом смысле, чем обманные “Песни революции”» и т. д. (Розанов В. В. Мимолетное // Собр. сочинений под общ. ред. А. Н. Николюкина. [Т. 1]. М., 1994. С. 150.

обще литературной элиты. Русская литература издавна ориентировалась на “учительность” и “духовность”, поэтому стремление просто изобразить преступление, вовлечь читателя в действие и обеспечить ему интересное времяпрепровождение квалифицировалось как пустое развлекательство, а то и духовное развлечение публики»¹¹. Опыт Ф. М. Достоевского и появление целой когорты русских авторов уголовных романов мало что изменили, и в либеральном лагере царило в целом настороженное отношение к Шерлоку Холмсу, причем распространение шерлокианских произведений часто воспринималось как подспудная или явственная пропаганда сыска.

Тем не менее, и в оппозиционной среде Холмс эксплуатировался в политических целях. В стихотворном фельетоне «Бой-кота» (О. Н. Чюминой) *Взаимное обучение или Шерлок Хольмс в Малом театре (1905-1906)*¹² Холмс бичевал реакционных политиков и публицистов, в серии карикатур, опубликованных в журнале *Сверчок*, с помощью Холмса высмеивались черносотенные газеты и организации¹³, а разоблачитель Е. Азефа В. Л. Бурцев (1862-1942) именовался в газетах «Шерлок Холмсом революции». Некоторые осторожные либеральные замечания позволил себе В. Рудин в новелле *Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком (1907)*, переизданной позднее под заглавием *Загадочное объявление: (Моя встреча с Шерлоком Холмсом)*¹⁴. В России «идет борьба за свободу», заявлял рудинский

¹¹ Рейтблат А. И. Детективная литература, с. 297.

¹² Бой-кот. На темы дней свободы: Победители и усмирители. Заря свободы. Думская весна. Военное обновление. 1905-6. СПб., 1906. С. 46-49.

¹³ Шерлок-Холмс в Петербурге // *Сверчок*. 1907. № 20, 18 ноября.

¹⁴ В. П. Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком: (Из воспоминаний недавнего прошлого). СПб., 1907. Под авторским именем в сб. переводов из Конан Дойля и др. авторов: В царстве тайны: Сборник новейших рассказов... Пер. Рудина. СПб, 1914, куда В. Рудин помимо *Загадочного объявления* включил также свой мистическо-детективный рассказ *Тайна флигеля*. Хотя новелла «В. П.» несколько раз попадала в поле зрения библиографов и исследователей (см., например, Зоркая Н. Фольклор, лубок, экран. М., 1994. С. 74; Кривошеина М. «Ватсон, мы...». С. 41-44), тождества текстов и расшифровки криптонима в сб. *В царстве тайны* никто из них не заметил.

Холмс русскому гостю; настанет время, когда «свободная Англия подаст руку свободной России»¹⁵. Вместе с тем, политическая нагруженность образа Холмса оставалась достоянием относительно элитарных культурных слоев и даже в годы расцвета сыщицких «выпусков» едва ли рефлексировалась широкой читательской и издательской массой.

Идеологические копыя ломались вокруг Шерлока Холмса и впоследствии: английский сыщик, к примеру, фигурировал в советских пропагандистских фельетонах К. Радека и Д. И. Заславского, в *Пропавшей кухарке* Р. Волженина¹⁶ издавался над Невиллом Чемберленом, а в фельетоне *Дипломат Митька* А. А. Дикгофа-Деренталь (1885-1939), участника убийства Г. А. Гапона и соратника Б. В. Савинкова, разоблачал красного дипломата-уголовника¹⁷. Исключительно интересна невинная на первый взгляд пародия литературоведа и писателя В. В. Сиповского (1872-1930) *Двадцатипятилетний юбилей Шерлока Холмса*, где воровское чествование великого детектива мало-помалу обретало черты официозного советского собрания с должной «проработкой» и покаянием¹⁸. Председательствующий, пишет в рассказе доктор Уотсон, называл коллег по ремеслу «товарищами убийцами и грабителями», а один из докладчиков-воров

указал, что основная точка зрения моя неправильна, что я стою на устаревшей «идеалистической точке зрения» и совсем не учитываю новых идей «исторического материализма». Это было справедливо. Не умаляя достоинств Холмса, оратор ловко провел

¹⁵ Рассуждения Холмса в новелле Рудина, однако, в целом были проникнуты вселенским пессимизмом и неверием в прогресс: и в «передовой» и свободной Англии, утверждал он, «счастье остается <...> таким же неуловимым призраком, как и в стране каких-нибудь готтентотов. В общем, свобода есть предельная грань нашего полета».

¹⁶ Волженин Р. [Некрасов В. М.]. Пропавшая кухарка: Новейшее приключение Шерлока Холмса: (Из воспоминаний д-ра Ватсона) // Бегемот. 1927. № 11, с. 2-3.

¹⁷ Дикгоф-Деренталь А. В наши дни. Прага, 1922. С. 44-49. Холмс коротко упоминается и в вошедшем в эту книгу фельетоне *Чудо святого Амура: (Великосветский роман)*.

¹⁸ В. С. [Сиповский В. В.]. Двадцатипятилетний юбилей Шерлока Холмса: Из записок доктора Ватсона // Мир приключений. 1924. № 1. Стлб. 65.

идею о значении масс, говорил, по-моему, слишком много о «классовом самосознании». Закончил он свой доклад перечнем фактических ошибок, которые я допустил в своих очерках, слишком субъективно представив деятельность Холмса.

Занятно, что и в 1985 году, на заре «перестройки», Холмс и Уотсон продолжали обсуждать в советской прессе бедственное положение британских безработных¹⁹.

Предпринимались и попытки, так сказать, объективной апологетики Холмса. В 1904 г. психиатр М. М. Маевский (1871-1954) опубликовал брошюру *Конан-Дойль: «Приключения сыщика Шерлока Холмса»*, в которой превозносил методы наблюдения и дедукции британского сыщика²⁰. Немного позднее дедуктивным способностям и личным качествам Холмса пели дифирамбы педагог В. Н. Сорока-Россинский (1882-1960) и философ Н. О. Лосский (1870-1965)²¹.

Шерлок Холмс прибывает в Петербург

В 1905 г. Шерлок Холмс впервые ступил на русскую землю. Первый выявленный исследователями и собирателями русский пастиш, подписанный криптонимом «К. Н. В.» неприятный рассказ *Шерлок Холмс в России*, зародился в стане охранителей и был напечатан в иллюстрированном приложении к суворинскому *Новому времени* 8 (21) января 1905 г. — за день до Кровавого воскресенья и начала революции.

¹⁹ Карикатура Е. Шукаева (Крокодил. 1985. № 2). Репродуцировано в: Приключения Великого Детектива Шерлока Холмса. Т. II. Екатеринбург, 1992. С. 14.

²⁰ Маевский М. Конан-Дойль: «Приключения сыщика Шерлока Холмса». Вильно, 1904. Переизд.: Б. м., Salamandra P.V.V., 2014.

²¹ Сорока-Россинский В. Нат Пинкертон и детская литература // Русская школа. 1910. №№ 1-2. Переизд.: Сорока-Россинский В. Н. Педагогические сочинения. М., 1991. С. 18-54; Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. СПб., 1906. В *Сборнике элементарных упражнений по логике* (СПб., 1908, 1911) Лосский также привел рассказ Конан Дойля *Рейгейтские сквайры*.

«Уложите самые необходимые вещи, не забудьте положить на всякий случай в карман ваш револьвер, и едем...»

В судьбоносный день 8 января, когда министры и Николай II лихорадочно обсуждали письма и петицию Гапона и размещали в Петербурге войска, на страницах *Нового времени* читателя ждала замаскированная под детектив беззубая сатира. К. Н. В. посмеивался над наивными иностранцами, воспринимавшими Россию как страну белых медведей и жующих сальные свечи казаков, попутно же со снисходительной улыбкой подмечал мелкие общественные пороки. Сталкиваясь с отдельными изъянами благостного российского быта, Шерлок Холмс пускался в криминалистические построения и строил дедуктивные выводы, не имеющие ничего общего с реальностью²². Удачный прием использовался авторами-сатириками (Long ongle, А. С. Бухов, Л. И. Лагин и др.) вплоть до 1930-х гг.: Холмс на российском и советском фоне, если воспользоваться формалистической терминологией, служил превосходным инструментом острашения.

Екатерининский кан., 90. Телеф. 257—82.	Екатери́нхский Театр	Дирекция Н. Г. Стверского.
Сегодня 12-го Ноября 12-е предст. сенсацион. опер. оперет. в 3 д. Текстъ Ратмира, муз. Н. О. Рощина.		
„Шерлокъ Холмсъ въ Петербургѣ“ !!!		
Смотрите ежедневно!!! Полные сборы!!!		
Грандиозная постановка!!! Фонтанъ духовъ! Баталя конфетти! Серпантинъ! Битва цвѣтовъ!		
Н О В О!!!	ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ НАРУСЕЛЬ!!!	ОРИГИНАЛЬНО!!!
Режиссеръ М. А. Полтавцевъ. Гл. канцеляр. А. К. Пауди.		
— — — — — ❁ ❁ ❁ ❁ — — — — —		

Следующая попытка пересадить Холмса на российскую почву была сделана в 1906 г. — осенью в петербургском Екатерининском театре была поставлена «сенсационная оперетта» *Шерлок Холмс в Петербурге*²³. Кричащая реклама обещала фонтан духов, баталию конфетти, электрическую карусель и битву цветов, а в числе действующих лиц значились репортеры, кокот-

²² К. Н. В. Шерлок Холмс в России // Новое время (иллюстрированное приложение). 1905. № 10367, 8 (21) января.

²³ Текст Ратмира, муз. Н. О. Рощина, постановка М. А. Полтавцева. В 1913 г. под псевдонимом Ратмир в *Одесской почте* была опубликована нашумевшая серия очерков о знаменитой воровке Соньке Золотой Ручке.

ки, белые арапы, агенты и кафешантанная дива Эльвира. Сохранилось краткое описание постановки:

Действие первое: В доме графа Слободского пропало драгоценное ожерелье из голубых бриллиантов, принадлежащее графине. Розыски не дали результатов и граф решил выписать из Лондона знаменитого сыщика Шерлок Хольмса. На Варшавском вокзале его встречают. Проходит ряд типов. Является барон фон Зет — у него назначено свидание с графиней. Выясняется, что в исчезновении ожерелья замешан барон Зет, которому графиня дала его, чтобы заплатить крупный карточный долг. Неожиданное появление Шерлока, который уже неделю как в Петербурге. Действие второе: Бал-маскарад у графа Слободского. Сеансы Шерлока Хольмса. Хольмс догадывается, что ожерелье спрятано в доме. Он производит ряд переодеваний и таким путем подтверждает свои выводы. Чтобы узнать место, где спрятано ожерелье, он симулирует пожар, Изобличенный барон Зет приказывает своим сообщникам убить Шерлока, Покушение неудачно. Во время пожара ожерелье найдено: тайну невольно раскрыла сама графиня. Но оказывается, что настоящие бриллианты вынуты и заменены поддельными. Действие третье: В воровской и игорный притон «Красный кабачок» является барон Зет. Здесь заложены бриллианты у содержательницы притона ростовщицы Сычихи. Чтобы выманить денег у графини, барон вызывает ее в этот притон за получением бриллиантов. Шерлок, переодетый, проникает в притон, раскрывает все преступления барона и, предав его в руки правосудия, возвращает владельцу похищенные бриллианты²⁴.

Все те же Ратмир и Н. О. Рощин, набив руку, сочинили затем оперетту *Новые приключения Шерлок Хольмса в Петербурге*, дебют которой в постановке В. И. Владимирова состоялся 26 декабря в театре Неметти. Действие вновь вращалось вокруг исчезнувших бриллиантов:

У миллионера Рогачева пропали бриллианты, приготовленные в приданое для его дочери Нади, на сумму полтораста тысяч

²⁴ Обозрение театров. 1906. № 1, 12 ноября. С. 12. Фабульный ход с пожаром, скорее всего, заимствован из рассказа Конан Дойля *Скандал в Богемии*, хотя сходный прием был и в *Подрядчике из Норвуда* (1903).

рублей. Старик Рогачев решил во что бы то ни стало разыскать их, для чего выписал в Петербург знаменитого английского сыщика Шерлок-Хольмса. К дочери Рогачева, Наде, сватается некий граф Ташкентский, но получает отказ. Граф, видя, что он теряет влияние на дом Рогачевых и желая его сохранить, устраивает свою любовницу, француженку Пальмиру, компаньонкой к дочери Рогачева, Старик Рогачев безумно влюбляется в компаньонку, которая действует согласно желаниям графа. Приезжает Шерлок-Хольмс, производит сеансы посредством усовершенствованных машин и икс-лучей и распутывает интриги графа. Оказывается, граф Ташкентский не кто иной, как бывший каторжник, бежавший из тюрьмы. Все раскрывается и виновные предаются в руки правосудия²⁵.

Холмс на театральных подмостках

Драматургические произведения и театральные постановки — наименее известная и изученная часть русской шерлокианы. Некоторые пьесы известны лишь по названиям, те или иные постановки отражены только в рекламе. Мы имеем, однако, достаточно неплохое представление о петербургском сезоне 1906-1907 г. Помимо *Шерлока Хольмса в Петербурге* и *Новых приключений Шерлока Хольмса в Петербурге*, в Новом театре О. В. Некрасовой-Колчинской шла пьеса Ф. А. Бера *Мариани* в постановке В. М. Янова (Мариани, «предводитель шайки разбойников», был инкарнацией «Наполеона преступного мира» профессора Мориарти), в театре «Пассаж» — «злободневное обозрение-фарс» «Трех граций» (С. Ф. Сабурова) *Жена Шерлок Хольмса*. Холмс входил также в число действующих лиц еще одного «злободневного обозрения» в «Пассаже» — *Мотофозо VI в Петербурге* Л. Иванова.

«Гвоздем сезона» 1906-7 гг. в Малом театре Суворина (театре Литературно-художественного стала переведенная В. В. Протопоповым пьеса немецкого актера, режиссера и драматурга Ф. Бонна (1861-1933) *Шерлок Холмс*²⁶. «О Шерлоке говорит “весь

²⁵ Обозрение театров. 1906. № 37, 26 декабря. С. 9.

²⁶ Бон Ф. Шерлок Холмс : Пьеса в 4 актах по роману Конан-Дойля. Пер. с нем. В. В. Протопопова. СПб., 1906; Бон Ф. Шерлок Хольмс: Пьеса в 4 д. по романам Конан-Дойля. Пер. с нем. В. О. Шмидт. М., 1907. Бонн (Бон) был также автором сценической адаптации *Собаки Баскервильей*: Бон Ф.

Петербург»», — писал журнал А. Р. Кугеля *Театр и искусство*²⁷ Постановка Г. В. Гловацкого выдержала с начала сентября более 50 представлений; роль Холмса исполнял известный актер и режиссер, сценический новатор, позднее один из пионеров русского кинематографа Б. С. Глаголин (1879-1948). Оппозиционная пресса с издевкой подчеркивала уместность пьесы. «В общем все было хорошо: и самая мысль — дать *апологию сыска*, и время, и место, где эта мысль получила осуществление», — писал О. Дымов²⁸. Поэт, драматург и театральный деятель Л. Г. Мунштейн-Lolo (1866-1947), рецензируя спектакль, замечал:

<...> Кроме внешней занимательности зрелища, есть еще нечто, что привлекает публику в «Шерлоке Хольмсе». Это — тоска буржуазного общества по порядку, вера в непререкаемость «священных» основ собственности и неизбежность кары, которая должна постигнуть преступление. *Хольмс — это гений полиции-вседержительницы, разумной, справедливой и неподкупной. Разве это не идеал современности?*²⁹

Торопясь закрепить успех, Глаголин и М. А. Суворин спешно сочинили пьесу *Новые приключения Шерлока Холмса*, взяв за ос-

Адский пес: «Баскервильская собака»: Пьеса-эпизод из походов Шерлок-Хольмса. Пер. с нем. Э. Маттерна и И. Марко. М., 1907; Бон. Ф. Баскервильская собака: Пьеса в 4 д. по Конан-Дойлю. Пер. с нем. Л. И. Б. Г. [СПб.], б. г.

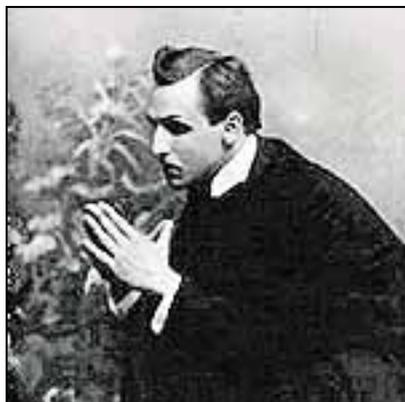
²⁷ Театр и искусство. 1906. № 38, 17 сентября. С. 573.

²⁸ Д-в О. [Дымов О.] Исправленный Конан-Дойль // Свобода и жизнь. 1906, 10 сент. (курсив наш). См. Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года. Обзорное-путеводитель. СПб., 1994. С. 213, где статья ошибочно отнесена к *Новым приключениям Шерлока Холмса* (та же ошибка повторена М. А. Кривошеиной в указанной ниже статье).

²⁹ Ло [Мунштейн Л. Г.]. Малый театр // Театр и искусство. 1906. № 38, 17 сентября. С. 577 (курсив наш). Частично цитируя этот отрывок, М. А. Кривошеина допускает ряд грубейших ошибок: не замечая подписи, называет автора «анонимом» и утверждает, что рецензировалась постановка пьесы Бона *Адский пес* (!) (см. Кривошеина М. «Ватсон, мы...», с. 36). Сам Глаголин, надо заметить, был настроен оппозиционно и в одном из шерлокианских спектаклей позволил себе ремарку-импровизацию о «чрезвычайной и усиленной охране», за что получил взыскание.

нову рассказ Конан Дойля *Пенсне в золотой оправе* (1904) — благо вращался он вокруг злободневных образов русских революционеров³⁰. Дебютный спектакль в постановке того же Гловацкого состоялся 1 декабря в бенефис Глаголина. Однако интерес к суворинско-глаголинскому сыщику вскоре иссяк, тем более что П. Г. Баратов, также игравший Холмса в театре Суворина, копировал манеру Глаголина. «Как актер я скажу, что я возмущался, когда Баратов, играя Шерлок Холмса, обокрал меня с ног до головы: взял исправленный мною и *дополненный* мною текст роли, взял мною придуманные детали и трюки, взял мой грим и костюм, взял все, над чем я работал 10 репетиций и, посмотрев меня на семи спектаклях, собезьянничал и выдал все за свое. Неужели в этом нет плагиата?» — негодовал Глаголин³¹.

Б. С. Глаголин в роли
Шерлока Холмса



Пьесы о Холмсе широко шли и в провинции. В одной только Пензе, к примеру, в сезон 1906-1907 гг. были представлены *Шерлок Холмс* Бонна, *Новые приключения Шерлока Холмса*, *Мариани* и *Месть Мариани*³². Характерно, что местные газеты сочли спек-

³⁰ Новые приключения Шерлока Холмса: Пьеса в 4 д. по Конан-Дойлю М.А.С. и Б.С.Г. СПб., 1907.

³¹ Русский Протей: Письма Б. С. Глаголина А. С. Суворину (1900-1911) и Вс. Э. Мейерхольду (1909-1928). Публ., вступ. статья и комм. В. В. Иванова // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М., 2009. Вып. 4. С. 100. Курсив авторский.

³² Возможно, пьеса Н. А. Смурского.

такли о Холмсе признаком «падения сценического искусства» и губительного влияния политической «реакции» на вкусы публики³³.

Но это была лишь верхушка айсберга. Не считая переводных, имеются данные о по меньшей мере двух десятках шерлокианских пьес, написанных русскими авторами в 1906-1917 гг. В 1908-1909 гг. пантомима *Шерлок Холмс* шла с большим успехом в цирках Труцци³⁴; выступали в дореволюционных цирках также эскаписты и фокусники со сценическими именами «Шерлок Холмс», «Нат Пинкертон» (Г. Нагель) и «Ник Картер»³⁵.

«Пинкертоновщина»

В 1907 г. пейзаж русской шерлокианы претерпел радикальные изменения. Осенью необъятную Российскую империю наводнили так называемые «выпуски» — копеечные книжки о приключениях всевозможных сыщиков. Публиковались они по всей Европе, в Россию же пришли из Германии через Польшу; практически мгновенно возникли и собственно русские аналоги.

В числе первых четырех детективных серий, отпечатанных в Петербурге и Варшаве, были и две холмсианские— *Шерлок Хольмс: Его похождения в Германии или Тайна Красной Маски: Сенсационный роман по запискам известного германского агента сыскальной полиции Гастона Ренэ* (96 выпусков) и *Из тайных документов знаменитого сыщика Шерлока Холмса* (48 выпусков). Как пишет Г. Пилюев,

вслед за первыми «пинкертонами» и «шерлоками холмсами», в России сразу же появились Ник Картер («Американский Шерлок Холмс»), лорд Листер («Гроза полиции»), Жан Лекок («Интернациональный первый в мире живой сыщик всех стран»), Ока Шима («Знаменитый японский сыщик»), Билль Канон («Знаменитый американский сыскальной комиссар»), Видок («Знамени-

³³ Сиротин О. Шерлокъ Холмсъ на провинциальной сцене // Клуб «Шерлокъ Холмсъ» (<http://sherlockholmes.pnz.ru/penza1.htm>, архивная копия).

³⁴ Альперов Д. На арене старого цирка: Записки клоуна. М., 1936. С. 249-250, 256.

³⁵ Вадимов А. А., Тривас М. А. От магов древности до иллюзионистов наших дней. М., 1966. С. 150-151, 224.

тый французский сыщик»), Гарриет Болтон-Рейт («Женщина-сыщик»), Треф («Первый сыщик в России»), граф Стагарт («Немецкий сыщик»), Этель Кинг («Женщина-Шерлок Холмс»), Эвно Азеф («Анархист-сыщик»), безмянный «сыщик-черносотенец» и многие, многие, многие другие, имя которым — легион. Ловкие издатели и шустрые сочинители вспомнили всех известных сыщиков и несыщиков, литературных героев и реальных людей, и, делая их героями своих «грошовых» опусов, пытаются заработать на известном имени. Естественно, одной из самых популярных «жертв» был Шерлок Холмс³⁶.

В 1907-1910 гг., по данным Пилиева, было издано не менее 20 крупных холмсианских серий (5 и более выпусков). В лидеры вскоре выбилось петербургское издательство «Развлечение» Н. Александрова с серией *Шерлок Холмс* (98 выпусков с 5 апреля 1908 по 3 апреля 1910 г., суммарный тираж 2 261 000 экз.).

Цифры и в самом деле потрясали воображение. «Развлечение» напечатало в 1908 г. 3 334 000 экземпляров различных «выпусков», всего же их в России только в 1908 г. было издано от 10 до 12 миллионов³⁷. В 1910 г. Д. М. Березкин писал:

О том, насколько велик в настоящее время сбыт произведений сыщицкой литературы, можно судить уже по тому, что, по официальным только данным, ее расходуется в одном лишь Петербурге около *семи с половиной миллионов книжек в год*. За один лишь август месяц прошлого года, когда пред началом ученья типографии бывают заняты, обыкновенно, главным образом печатанием учебников, в Петербурге было напечатано 898 710 экземпляров сыских брошюр, вес которых равнялся 2488 пудам 17 фунтам³⁸.

Феномен так называемой «пинкертоновщины» многогранен и может рассматриваться с различных точек зрения, одна-

³⁶ Пилиев, там же.

³⁷ См. Brooks J. *When Russia Learned*, с. 142; Пилиев, *op. cit.*

³⁸ Березкин Д. М. *Современные кумиры: Очерк современной сыщицкой литературы. Речь к учащемуся юношеству*. Изд. второе. СПб., 1914. С. 4 (курсив авторский).

ко несомненна его психологическая и терапевтическая функция в эпоху пост-революционной реакции 1900-х гг., на чем настаивают и Брукс, и Дралюк. «Выпуски, — указывает последний, — эти колоритные и общедоступные притчи, повествующие о манихейской справедливости в экзотическом антураже, позволяли молодым читателям вытеснить собственное мучительное беспокойство, вызванное смятением в стране вследствие революции 1905 г. и наступившей реакции»³⁹. Юные читатели составляли несомненное большинство, однако читательскую аудиторию «выпусков» не следует ограничивать, подобно Ю. К. Щеглову, «кухарками, горничными и гимназистами»⁴⁰; она была, как показал А. И. Рейтблат, достаточно разнообразна. «Двенадцатилетние школьники и умудренные годами сенаторы проводили бессонные ночи над этим упоительным, хотя и безграмотным чтивом», — вспоминал в *Истории русской литературы* Д. С. Святополк-Мирский (1890-1939)⁴¹. Многие тогдашние мальчишки (В. П. Катаев, Л. И. Борисов и др.) сохранили до сего теплые воспоминания о чтении «выпусков» и посвятили им проникновенные строки. Визуальное оформление «выпусков» оказало глубокое влияние на С. М. Эйзенштейна, а эпистолярные подражания их стилистике можно найти в письмах А. А. Блока и С. А. Есенина⁴². Прямым следствием близкого знакомства с «пинкертоновщиной» стал роман М. С. Шагинян *Месс-Менд, или Янки в Петрограде* (1924), причем «выпуски» служили образцом для подражания и другим авторам ранней советской авантюрно-приключенческой прозы. Но так называемым «красным Пинкертоном» влияние их не ограничивалось. Отсылки к «Пинкертонам» обнаруживаются в *Белой гвардии* М. А.

³⁹ Dralyuk, *Western Crime Fiction*, с. 18 (здесь и далее пагинация дана по авторской машинописи).

⁴⁰ Щеглов Ю. Романы И. Ильфа и Е. Петрова. Т. 1: Введение. Двенадцать стульев. Вена, 1990. С. 177.

⁴¹ Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 645.

⁴² См. Dralyuk, *Western Crime Fiction*, с. 22-23, 32-33. Эйзенштейн проявлял постоянный интерес к Шерлоку Холмсу: в 1922 г. он выполнил эскизы шерлокианских костюмов для театральной мастерской Н. М. Форрегера, во время визита в Англию в 1929 г. посетил «дом Шерлока Холмса», с детства хранил вырезки из *The Strand Magazine* с рассказами Конан Дойля о Холмсе и т.д.



С. М. Эйзенштейн. Эскиз костюма Шерлока Холмса (1922)

Булгакова⁴³, к шерлокианскому «канону» Конан Дойля — у И. А. Ильфа и Е. Петрова.

В. В. Розанов, как водится, оказался откровенней многих интеллигентов, не решавшихся признаться в «постыдном» увлечении:

— Дети, вам вредно читать Шерлока Холмса.

И, отобрав пачку, потихоньку зачитываюсь сам.

В каждой — 48 страничек. Теперь «Сиверская-Петербург» пролетают как во сне. Но я грешу и «на сон грядущий», иногда до 4-го часу утра. Ужасные истории⁴⁴.

В 1908 г. копеечные книжки о Шерлоке Холмсе и других сыщиках, а также шерлокианские театральные постановки, довольно часто обсуждались в окружении Л. Н. Толстого в Ясной Поляне⁴⁵. Интересно, что один из разговоров коснулся и *Сыщика* В. А. Тихонова; охранительский пафос, насколько можно судить, прошел мимо собеседников, и они усмотрели в рассказе лишь описание нравственного очищения:

Татьяна Львовна рассказала про восьмилетнюю девочку, у которой были десять томов Шерлока Холмса и десять томов Нат Пинкертона, прочтенных. Восхищалась ими и говорила, что будет сыщицей. Владимир Григорьевич <Чертков> говорил, что Шерлок очень интересен, он его читал. И передал русский рассказ, который он читал в английском переводе, под названием «Русский Шерлок Холмс». Выследил преступника в канаве, увидел его жалкое лицо, пожалел его и ушел. <...>

Чертков вспомнил, как Хилков наткнулся на беременную бабу в своем лесу; это сильно подействовало на его нравственное пере рождение⁴⁶.

⁴³ Шаргородский С. Визуальные контексты «Белой гвардии» М. Булгакова // Toronto Slavic Quarterly. № 40, Spring 2012. С. 354-356.

⁴⁴ Розанов В. Опавшие листья [Короб первый]. СПб., 1913. С. 341.

⁴⁵ У Толстого: 1904-1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. третья: 1909-1909 (январь-июнь). М., 1979 (Литературное наследство. Т. 90 в четырех кн.). С. 43, 149, 182, 186, 241, 364.

⁴⁶ У Толстого, с. 241. Ср. с газетным сообщением: «За границей начинается литературный протест против так называемой “детективной” беллетристики, т. е. беллетристики, специализирующейся на воспевании с

Педагоги и критики били тревогу. Маститый правовед и криминолог М. Н. Гернет (1874-1953) предупреждал, что

чтение походов сыщиков, знакомство по этой литературе с миром кровавых преступлений приводит юнца к подражанию жестоким героям романа значительно чаще, чем это думали. В некоторых случаях было установлено точное воспроизведение юными читателями Холмса и другой подобной литературы преступлений, описанных ими. Так, в Москве были получены домовладельцами письма с требованиями доставить под угрозой смерти деньги. Полицией был задержан вымогатель, оказавшийся совсем юнцом; в его кармане был найден выпуск с описанием того самого преступления, которое он сам совершил, а письмо с угрозами смерти оказалось точной копией одной из страничек найденной при мальчике книжки. Еще более тяжелый случай такого же влияния литературы был установлен судебным разбирательством в Елизаветграде. На скамье подсудимых сидели четыре мальчика 14-17 лет, обвинявшиеся в убийстве. Прочтя рассказ о «клубе шантажистов», они организовали свой «клуб бомбистов». Так же, как и юный московский вымогатель, они списали из книжки письмо к домовладельцам Елизаветграда с требованием от них денег под угрозой смерти (они подписывали письмо так: «Клуб бомбистов Царь ночи № 6»). Когда требование о доставке денег не было исполнено, угроза убийством была приведена в исполнение: юнцы убили двух мальчиков — сыновей домовладельцев⁴⁷.

Ярчайшим выступлением против «пинкертоновщины» стала книга К. Чуковского *Нат Пинкертон и современная литература* (1908, дополненное изд. 1910). В сыщике с пудовыми кулаками, сменившем романтического, утонченного и рыцарственного, пусть и «мещанского» Шерлока Холмса, Чуковский пророчески ус-

легкой руки Конан-Дойля подвигов гениальных сыщиков. Будет издаваться специальный журнал такого типа. К делу протеста причастен, между прочим, Л. Н. Толстой. Одной из первых вещей, открывающих журнал, будет рассказ нашего беллетриста Вл. Тихонова. Рассказ уже просмотрен и одобрен масститым писателем» (Раннее утро. 1908. 8 марта).

⁴⁷ Гернет М. Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. [М., 1914]. С. 410-411. Газеты нередко сообщали, однако, и о «юных Шерлоках Холмсах», успешно выслеживавших воров и т.п.

мотрел пришествие «миллионного готтентота», разлагающего и поглощающего все на своем пути — включая утратившую последние идейные ориентиры русскую интеллигенцию. Это резкое, страстное и пристрастное описание «восстания масс» опередило свое время: на Чуковского обрушились и «слева», и «справа»⁴⁸.

«Роковые танцовщицы»

Наиболее долговечной шерлокианской мистификацией в России стал анонимный пастиш, опубликованный под именем Конан Дойля отдельным изданием в Петербурге в 1908 г.: *Нож танцовщицы: Последние приключения Шерлока Холмса. Пер. с рукописи*. Для пущей убедительности дан был и безграмотный английский подзаголовок: *The knife (sic!) of a dancing girl*.

Холмс и Уотсон путешествовали в этом пастише в Швецию, Петербург и Москву, расследуя дело об исчезновении молодого и состоятельного баронета; текст изобилует абсурдными деталями и был не лишен расистских ноток. И все-таки вскоре он был «канонизирован» и вошел в ПСС Конан Дойля в издании П. П. Сойкина (1909-1911) как перевод некоего «Г. С.».

Удивительно, что не только Сойкин, но и такой проницательный читатель, как В. Б. Шкловский, не распознал подделку: в книге *Развертывание сюжета* (1921) он цитировал *Нож танцовщицы* как произведение Конан Дойля⁴⁹.

Мистификация была разоблачена еще в 1966 г. в статье Р. Олюнина *О двойниках, роковых танцовщицах, или Шерлок Холмс в России: К истории первых изданий Конан Дойля*⁵⁰. Но это никак не остановило новорусских дельцов от книгоиздания: с 1993 г. они умудрились опубликовать *Нож танцовщицы* в десяти с лишним собраниях произведений Конан Дойля, выпущенных в семи различ-

⁴⁸ Свод критических отзывов см. в: Чуковский К. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 7. М., 2012. С. 645-647.

⁴⁹ Шкловский В. Развертывание сюжета. Пг., 1921. С. 56-57.

⁵⁰ Олюнин Р. О двойниках, роковых танцовщицах, или Шерлок Холмс в России: К истории первых изданий Конан Дойля // В мире книг. 1966. № 12. С. 30-31.

ных издательствах; новелла также обрела новых «переводчиков», например Б. С. Акимова или А. В Горского.

Холмс и дело «Огонька»

Куда более дерзкой по замыслу и размаху была другая мистификация — так называемое «дело “Огонька”», один из самых замечательных и оригинальных эпизодов русской шерлокианы, за которым стоял видный издатель С. М. Проппер (1853/5-1931).

В 1880 г. Проппер, австрийский подданный, плохо владевший русским языком, купил за бесценок жалкий листок — и превратил *Биржевые ведомости*, в просторечии «Биржевку», в ведущую ежедневную общероссийскую газету. Газету популярную, умеренно-либеральную, коммерчески успешную, со сравнительно большими тиражами и относительно щедрыми гонорарами. Осенью 1907 года, на волне сыщицкого бума, Проппер твердо нацелился на кусок детективного пирога. Игру он повел осторожно и осмотрительно, выпустив в ноябре восемь номеров иллюстрированного журнала *Всем* с переводными историями о Шерлоке Холмсе, Нике Картере и сыщице «Гарриэт Больтон-Рейдт». Но многоопытный издатель и редактор отдавал себе отчет в том, что еще один рассказ и еще одно сыщицкое приключение не могли переломить ситуацию в его пользу — требовался какой-то неслыханный, небывалый ход.

Решение было подсказано, видимо, опереттой *Шерлок Холмс в Петербурге* и позабытым рассказом К. Н. В. из *Нового времени*. Холмс должен был действовать в России!

Девятый номер *Всем* от 29 ноября одарил читателей анонимной новеллой *Шерлок Холмс в Петербурге: (Из записок всемирного полицейского сыщика)*. Проппер умело распределял материал между своими изданиями — 19 января 1908 г. *Шерлок Холмс в Петербурге* был опубликован в *Биржевых ведомостях*. В то же время, страницы *Всем* пестрели рекламой, отсылавшей к журналу *Огонек*, где обещаны были «рассказы из деятельности прославленных следователей-сыщиков: Шерлока Холмса (Конан Дойля), Ник Картера, Нат Пинкертона, Этель Кинг и др.».

Огонек в то время отчаянно нуждался в притоке читателей. С 1908 г. Проппер превратил это иллюстрированное приложение к *Биржевым ведомостям* в самостоятельный и полноценный «художественно-литературный журнал». В издании резко возрос-

ло количество иллюстраций, переводной и российской беллетристики. Новый «формат» журнала был счастливой находкой: достаточно сказать, что легендарный советский *Огонек* 1920-х гг., возрожденное из пепла детище М. Е. Кольцова (дореволюционный журнал большевики закрыли в 1918 г.) — являлся не более чем клоном пропперовского журнала.

Обновленный *Огонек* с первых же номеров взял курс на детективные, авантурные и «мистические» повести и рассказы; в одном из этих номеров нашлось место и для небольшой переводной новеллы о Шерлоке Холмсе. И наконец, в № 12 от 23 марта 1908 г., в журнале был напечатан рассказ *Шерлок Холмс в Москве*. Он-то и ознаменовал начало «дела журнала “Огонек”».

Публикация была обставлена со всей возможной таинственностью. Как сообщала редакция,

14-го марта получена нами отправленная из Москвы (13-го марта, в 2 ч. дня) телеграмма следующего содержания:

«Шерлок Холмс в Москве. Посылаю заказным повествование об его московских приключениях. Ставлю условием напечатать в ближайшем номере “Огонька”».

Телеграмма без подписи.

Через день редакцией, действительно, получена в закрытом пакете рукопись, отпечатанная на пишущей машине, — и опять без обозначения фамилии автора.

Редакция приглашает анонимного автора снять маску (с. 2).

Прием был далеко не нов, но действенен. Чем-то напоминал он цирковые чемпионаты французской борьбы, на которых в те годы нередко появлялись окутанные покровом тайны борцы в черных или красных масках, бросавшие вызов прочим силачам. Двадцатого апреля в № 16 появилась новая история о Холмсе — *Шерлок Холмс в Одессе*. Как и прежде, редакция вместе с читателями терялась в догадках по поводу личности загадочного автора...

Одесса выбрана была с умыслом: автор или авторы, по всему судя, были неплохо знакомы с бытом южных окраин империи, включая Закавказье. К тому же, если верить Конан Дойлю, Шерлок Холмс уже побывал однажды в черноморском порту: в *Скандале в Богемии*, как мы помним, упоминается о его поездке в Одессу в связи с «убийством Трепова». Фамилию эту, вероятно, Конан Дойль одолжил у петербургского градоначальника

Ф. Ф. Трепова, раненого в 1878 г. революционеркой В. И. Засулич (прожил он еще долго и умер в 1889 г., за два года до первой публикации *Скандала* в журнале *Стрэнд*). Однако анонимный автор *Шерлока Холмса в Одессе* словно бы намекал на другого и также недавно умершего Трепова, сына градоначальника — генерал-губернатора Санкт-Петербурга, шефа полиции и командующего жандармским корпусом Д. Ф. Трепова (1855-1906), который прославился жестким подавлением революционных выступлений 1905 г. и приказом «патронов не жалеть». Этим роковым годом и были датированы события *Шерлока Холмса в Одессе*.

Одесское расследование Холмса разворачивалось на фоне кровавых зорь «первой русской революции», в том числе восстания на броненосце «Потемкин». Разгул революционной стихии изображен в рассказе с известным мастерством. При чтении этих описаний невольно закрадывается подозрение, что анонимный автор умеет в прозе гораздо больше, чем желает показать:

В это время на море, сверху донизу, как гигантские факелы, горели уже подожженные пароходы, и далеко-далеко, между этими стройными столбами огня, виднелся пустынный берег Пересыпи, залитый светом⁵¹.

Если три размашистых рассказа о Холмсе и скрывали литературное умение, то уж никак не революционные симпатии: в событиях 1905 г. автор видел «бессмысленный и беспощадный» бунт под предводительством вездесущих и не знающих жалости «анархистов». В рассказе *Шерлок Холмс в Баку* (№ 20) именно они скрываются за кулисами ужасающих межэтнических столкновений, вошедших в историю под названием «армяно-татарской резни» 1905-6 гг. (закавказскими татарами именовали тогда азербайджанцев).

Публикуя этот рассказ, редакция *Огонька* предупреждала читателей, что «цель, которую преследует автор» в цикле о Холмсе, определяется здесь «совершенно ясно». В чем состоял замысел, донельзя заинтригованным читателям вскоре поведал... сам Шерлок Холмс.

Выдержав должную паузу, *Огонек* опубликовал в № 24 от 15 июня разгневанную телеграмму за подписью лондонского сыщика:

⁵¹ В данном и последующих номерах пагинация отсутствует.

«Огонек» печатает осмеивающие мою деятельность рассказы о моем пребывании в Москве, Одессе, Баку. Кто автор? Немедленно дайте фамилию. Полагаю — соперник.

Шерлок Холмс.

И эта, и все дальнейшие публикации шли под заголовком *Дело журнала “Огонек” и Шерлока Холмса*. Мистификация была выполнена со знанием дела — приводились факсимиле телеграмм, в редакционных материалах постоянно выражалось сомнение в том, что прибывший в Россию англичанин, копия героя Конан Дойля, действительно являлся Шерлоком Холмсом и т.д.

Предпринятые Холмсом поиски неуловимого автора — некоего Лосева — повторяли маршрут рассказов (из Москвы через Одессу в Баку), но не шли с ними ни в какое сравнение. Некоторой изобретательностью отличалась разве что ехидная пародия на шерлокианцев и прочих поклонников литературы выпусков — вставная история о соперничающих школах юных сыщиков в Одессе (№ 28 от 6 июля), явно навеянная статьей *Школы Шерлоков Холмсов* из № 11. Вторым источником послужило опубликованное в *Биржевых ведомостях* 23 мая сообщение некоего Будимира, который рассказывал о появлении в Киеве «Общества почитателей Холмса и Пинкертона». В это, вполне возможно, вымышленное общество якобы входили учащиеся во главе с сыщиком-профессионалом: они собрали полную библиотеку «сыщицкой» литературы, делали доклады о различных детективах и разрабатывали новейшие «теории сыска»⁵².

В «деле», печатавшемся и в *Биржевых ведомостях*, использовались не только невинные заимствования, но и откровенная лесть: таковы портреты любезнейшего и законопослушного чиновника из Главного управления по делам печати и «статного генерала»-градоначальника (№ 27). По всей вероятности, они были инспирированы — если не написаны — самим главным редактором С. М. Проппером.

Архив *Биржевых ведомостей* не сохранился, но до потомков дошел отчет Департамента полиции за 1908 г. с докладом на газету. Полицейские чины предлагали принять «решительные меры», поскольку «стремление газеты изо дня в день писать несо-

⁵² Будимир. Киевские недра // Биржевые ведомости. 1908. 23 мая, веч. вып. (цит. по Рейтблат, с. 305).

гласно с действительностью, а также и в полное противоречие с нею, указывает на чрезмерное развитие в настоящее время анархических проявлений в разных местностях, заставляет признать это периодическое издание вредным, особенно в виде того, что оно имеет весьма широкое распространение в низших слоях городского населения». Однако на высшем уровне полицейское рвение отклика не нашло. В одном из ответных писем старший инспектор Инспекции по надзору за типографиями, литографиями и книжной торговлей в Петербурге указывал, что начальник Главного Управления по делам печати «по сие время не поставлял меня в известность ни о вредном направлении этой газеты, ни о желательности ее приостановления»⁵³.

Видимо, Проппер решил отблагодарить таким образом градоначальника и чиновников из Главного управления по делам печати за лояльное отношение к газете. Подобный «обмен любезностями» был вполне в стиле редактора — не стеснялся же Проппер в начале своей карьеры шантажировать фирмы, которые отказывались печатать в его газете объявления, и печатно называть их некредитоспособными⁵⁴.

Затянувшаяся мистификация завершилась в № 30 от 27 июля (9 августа). Приезжий англичанин, чье расследование зашло в тупик, объявлялся здесь «маньяком», присвоившим себе имя Холмса, «до мелочей» скопировавшим его внешность и взявшим на себя «защиту профессиональной чести» сыщика. «Редактор» намекал, что автором рассказов являлся он сам; в заключительном монологе осмелевшего «редактора» проскальзывали достаточно вольные нотки:

Сколько горя, несчастий, разочарований принесла уже эта пресловутая дедуктивная система! Сколько преступлений, в о и м я п р а в о с у д я, совершено следственной властью <...> у нас, при юрисдикции военного суда, где последняя инстанция — веревка палача, сколько невинно пострадавших жертв имеет на своей совести ваша система дедукции? <...> Шерлокиада, правда, набила уже оскомину и, как вы сами убедились в конце концов, преслову-

⁵³ Коновалова А. В. К вопросу об истории газеты «Биржевые ведомости» // Экономическая история: Обзорение. М., 2001. Вып. 6. С. 117-118.

⁵⁴ Там же, с. 119. Такого рода шантаж, замечает автор, практиковали и другие биржевые издания эпохи.

тый метод — та же палка о двух концах <...> Он развратил все, к чему прикоснулся... Он развратил детей, из области невинных детских грез перенес их мысли и сосредоточил на самом возмутительном и растлевающем детскую душу: на сыске, на подглядывании и выслеживании. <...> И не только детей и юношей: он развратил и взрослых, что опаснее всего, ибо, чтобы взрослый заразился микробом Шерлокиады, прежде всего нужно, чтобы он... как мы это явно видим... с о ш е л с у м а.

В подписанной собственным именем заметке *От редакции*, которая сопровождала этот анонимный текст, Проппер конкретизировал обвинения. Будучи деловым человеком и собственником, Проппер не мог, естественно, приветствовать кровавую смуту — эксцессы революции, о чем свидетельствовала серия «географических» шерлокианских рассказов, его пугали и отвращали, а вольнодумство не распространялось дальше критики повсеместно воцарившейся атмосферы сыска:

Сыщик стал героем. Мальчики <...> возмечтали о «лаврах» агентов сыска полиции. <...> Со всех сторон доходят сообщения о том, что то там, то здесь гимназисты предлагают свои услуги сыскным отделениям, что они стали заниматься сыском над товарищами, преподавательским персоналом, даже родителями...⁵⁵

Павлики Морозовы образца 1908 года вряд ли вняли проповеди редактора, но само «дело» увенчалось блестящим коммерческим успехом: популярность *Огонька* и *Биржевки* выросла, и с легкой руки Проппера Холмс зашагал по городам и весям России от Петербурга до самой Сибири.

⁵⁵ Вновь можно видеть, что первоисточником являлось сообщение в *Биржевых ведомостях* от 19 мая все из того же Киева: «Установлено, что киевское сыскное отделение пользуется услугами учащихся в средне-учебных заведениях, которые, начитавшись пинкертонов и шерлок-холмсов, поступили в добровольные сыщики. Им дают разные поручения по сыску и посылают в места развлечений для слежки». Подобные сообщения находили значительный резонанс в обществе; ср. у Маковицкого: «У нас было несколько случаев, когда мальчики, начитавшиеся их <выпусков>, предлагали себя в сыщики» (У Толстого, с. 364).

Шерлокианская сибиряда

Бойкие авторы забрасывали Холмса в Симбирск и Пензу, во Владикавказ и на станцию Куракино, в Харьков и Нижний Новгород, в Казань и Симбирск...

Наиболее курьезным, пожалуй, выдалось пребывание Холмса в Пензе. В апреле-мае 1908 г. *Пензенские ведомости* напечатали в пяти номерах анонимную новеллу *Шерлок Холмс в Пензе*. Увы, повествование о схватке Холмса с ловким вором Стиксом было без всяких объяснений оборвано на самом напряженном моменте.

Эстафету подхватил некий «Меч» в опубликованном в той же газете «фельетоне»-пародии *Шерлок Холмс наизнанку*. Но описания походов Холмса вскоре ему надоели: автор, как Бог из машины, вторгся в собственный текст и быстро свернул свою пародию на пастыш.

В июле 1910 г. «газета-копейка» *Наша Пенза* рассудила, что так негоже, и приступила к публикации «романа в современном вкусе» *Тайны нашего города*. Вводная заметка в № 29 сообщала:

Два года тому назад на страницах «Пензенских ведомостей» печатался сенсационный роман под заглавием «Шерлок Холмс в Пензе». Однако по роковому стечению обстоятельств он не был окончен... Говорили тогда, что автор его вместе с рукописью исчез неизвестно куда, кроме того, как оказывается, многие главы романа были выкинуты, а некоторые переделаны и искажены. Все зачитывались похождениями Стикса и одураченного им сыщика, но никто из читателей, может быть, так и не догадался, что Шерлок Холмс, действовавший столь неудачно в нашем городе, был вовсе не настоящим Шерлоком Холмсом, а его двойником — варшавским сыщиком Вилляром. Истинный и неподдельный Шерлок Холмс явился потом и словил-таки ловкого мошенника...

Имея теперь в своих руках все нити этого таинственного и занимательного приключения и рукописный подлинник произведения, написанного неизвестным автором, редакция «Нашей Пензы» решается напечатать его в фельетонах своей газеты⁵⁶.

⁵⁶ Тайны нашего города (Роман в современном вкусе) // Наша Пенза: Местная газета-копейка, посвященная городской хронике и увеселениям. 1908. № 29, 25 июля. С. 1.

Далее следовал «Пролог», описывавший ночной визит таинственного автора, и... немного переделанный текст *Шерлока Холмса наизнанку*. Газета публиковала роман с перерывами; к № 46 плагиаторский пыл угас, и уже третий пензенский шерлокианский текст был оборван на полуслове.

В Сибирь и на Дальний Восток Шерлока Холмса отправил крайне плодовитый низовой беллетрист П. Орловец (П. П. Дудоров, 1872 – после 1929). Имя его сегодня помнят разве что завязые шерлокианцы либо любители старой фантастики. Немногое известно и о его жизни: остались лишь книги и скупые строки в энциклопедиях. Из них мы узнаем, что П. Орловец сотрудничал в газетах, подписывал свои праведные труды также П. П. Антонов-Орловец, П. Антонов и П. Дудоров, работал буквально во всех жанрах — писал детские сказки, бульварные романы, путевые очерки... При этом он проявлял завидную разносторонность: из-под пера Орловца с равной легкостью выходили, скажем, *Дедушкины рассказы про птиц* (1909) и *Избранные русские сказки* (1913-15), повесть «из быта исландских рыбаков» *Дочь волны* и «сенсационный роман» в двух частях *«Три героя»: Лбов, Савицкий и Азеф* (1910), исторические книги *Друг народа боярин Артамон Матвеев* (1911), *Первый русский печатник Иван Федоров: Исторический рассказ из времен царя Ивана Васильевича Грозного* (1912) и «рассказ из запорожской старины» *Праведный старец* (1912), повесть *Два таланта* (1909) и очерки *В лесах* (1910), *В горах* (1910) и *По Туркестану* (1911), книга *В стране марионеток: Воспоминания об Японии* (1904) и *Мурка: (История одной кошки)* (1912).

Мы перечислили только небольшую часть сочинений Орловца) — их наберется еще не один десяток, хотя по большинству это тоненькие книжки, выходившие в Москве в издательстве М. В. Клюкина. Писательская всеядность помогла Орловцу и после революции: в его библиографии, среди прочего, значатся сборник стихов *Даешь крестьянам самолет* (1925), книжки *Под сенью домны* (1924), *Ваня-металлист* (1924), *Стеклянная куколка* (1924), *Чудесная искра* (1924), *Под небом над республикой* (1925), *Паровозы на дыбы* (1925), *Петькина книга: (История книгопечатания)* (1925) и т.д. Многие из них относились к распространенному в те годы жанру «производственной литературы» для детей и знакомили юную аудиторию с представителями различных профессий.

Любопытствующий читатель может также узнать, что Орловец был корреспондентом либеральной ежедневной газеты *Русь* на русско-японской войне, в боях под Ляояном получил тяжелую контузию и был отправлен в госпиталь, в 1910-х гг. редактировал пятигорскую газету *Кавказский край*, в 1907-1915 гг. сотрудничал во множестве периодических изданий: *Современная Русь*, *Раннее утро*, *Юная Россия*, *Историческая летопись* и пр., в 1920-х гг. публиковался в юмористических журналах.

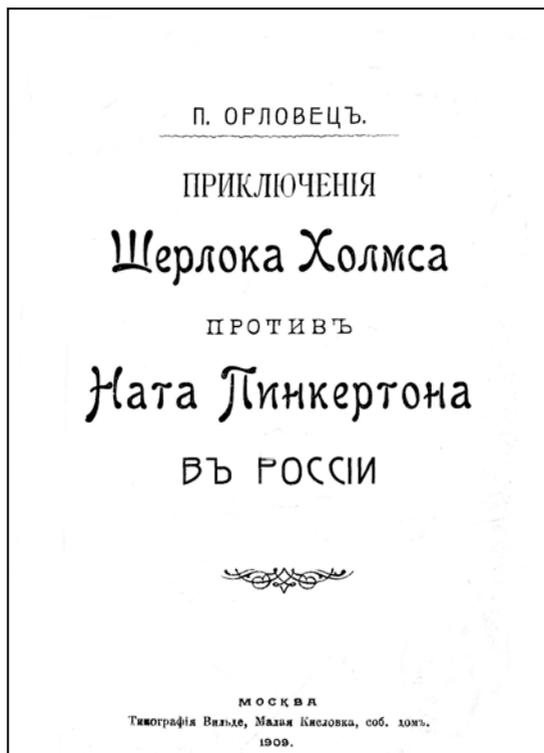
По иронии судьбы, свое скромное место в истории литературы Орловец занял благодаря тем книгам, от которых в гнев отворачивались просвещенные читатели дореволюционной России. «Пресловутый Орловец», как именовали писателя в некоторых советских изданиях, внес заметный вклад в русскую шерлокиану и фантастику: в научно-фантастическом романе *Клады великой Сибири (1909)* он рассказал о необычайном летательном аппарате и приключениях его изобретателя и экипажа, сражающихся с японцами.

К «криминальному чтиву» Орловец обратился в разгар сыщицкого бума и в 1908 г. опубликовал роман *От каторги к миллионам: Приключения «Золотой ручки»* и серию рассказов *Приключения Карла Фрейберга, короля русских сыщиков*. Рассказы о подвигах хитроумного петербургского детектива Фрейберга и его помощника Пиляева издавались сперва выпусками с завлекательными названиями (*Похититель живых людей*, *Страшная теятина*, или *Тайна подполья*), а затем были объединены в книгу.

На переполненном рынке сыщицкой литературы новому и неизвестному герою пришлось нелегко, и после пяти рассказов Орловец к Фрейбергу охладел. В 1909 г. он одну за другой публикует книги *Похождения Шерлока Холмса в Сибири* и *Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертон в России*. Дошла до нас и написанная Орловцем по горячим следам сенсационного убийства книжка с ледящим кровью заглавием *Скальпированный труп. Воскресший Гилевич. Ужасное преступление в Лештуковом пер., в Петербурге (1909)*.

Само собой разумеется, что Орловец был далек от мастерства Конан Дойля и даже не пытался подражать создателю Холмса. Подражал он скорее подражателям — авторам шерлокианских «выпусков». «Русский Холмс» Орловца механистичен, авантюрен, по временам тщеславен и начисто лишен налета оригинальности, так оживлявшей героя Конан Дойля. Как и в случае Фрейберга, загадка преступления и самого сыщика подменялась у Орловца эксцентричностью и зачастую бульварностью тематики. Однако

и этот Холмс был всегда готов стать на защиту обездоленных и несправедливо обвиненных и не на жизнь, а на смерть схватиться с самым лютым преступником.



*Приключения Шерлока Холмса против Ната Линкертон в России*⁵⁷ явно были спешным коммерческим начинанием и получились довольно-таки ходульными. Перед читателем предстал хамоватый, самовлюбленный сыщик, страдавший избирательным

⁵⁷ Идеи подобных «кроссоверов», как называется такой прием на языке создателей современных «фанфиков» и вольных продолжений пришла к русским авторам из Франции, где М. Леблан еще в 1906 г. заставил своего «вора-джентльмена» Арсена Люпена скрестить шпаги с Шерлоком Холмсом (подробнее см. в комментариях).

склерозом: например, в книге Холмс осведомляется, отчего Уотсон не курит и умеет ли этот ветеран афганской кампании стрелять. Орловец, надо сказать, лихо расправлялся с излишними сложностями — Холмс знал Россию не хуже Лондона и, как и его соперник Пинкертон, превосходно говорил по-русски.

Похождения Шерлока Холмса в Сибири выгодно отличались от этой поделки (хотя подводная лодка в глубинах Фонтанки великолепна!). Орловец сумел использовать в книге собственный опыт путешествий через Сибирь и Дальний Восток на японский фронт и обратно. Экзотика сибирского фронта с его мрачными таежными дебрями и суровым Байкалом, искателями золота и свирепыми каторжниками, вечно пьяными машинистами и речными капитанами, с до боли знакомыми казнокрадством, показухой и безнаказанностью власть имущих — стала для писателя благодатным фоном, да и Холмс с Уотсоном были обрисованы живее и в чем-то походили на прототипы. Без несуразниц все же не обошлось: великий сыщик и его напарник никогда не слышали песни *Славное море, священный Байкал*, но в то же время досконально разбираются в тонкостях сибирской жизни, в тайге чувствуют себя как дома, а русским языком владеют так, что могут легко сойти за приисковых «хищников» или чернорабочих. И все-таки, несмотря на эти условности, бедность изобразительных средств и предпочтение действия дедукции, невзыскательные пастиши Орловца написаны живо и занимательно, содержат множество примет «быта и нравов» первых лет XX века и занимают достойное место среди ранних образчиков русской шерлокианы.

Шерлокианская деятельность Орловца оборвалась самым неожиданным и непонятным образом: его книга *Воскресший Каин: Похождения Шерлока Холмса против Золотой Ручки (1909)* была арестована комитетом по печати. Неизвестно, что именно так возмутило цензоров, но в сентябре 1911 года, согласно газетным сообщениям, московский окружной суд признал книгу «подлежащей уничтожению».

Посмертный путь шерлокианы П. Орловца также выдался тернистым и в чем-то напоминал историю с пресловутым *Ножом танцовщицы*. С 1991 г. беззастенчивые деятели книжного рынка бросились издавать его шерлокианские рассказы — и во многих случаях стали упорно записывать Орловца в соавторы к его прямому конкуренту П. Никитину.

Дело о несуществующем авторе

В предисловии к антологии *Старый русский детектив* О. Краснолистов (А. И. Рейтблат) называет П. Никитина «самым удачным подражателем Конан Дойла» в России⁵⁸. Г. К. Пилиев, в свою очередь, именует его «одним из самых плодovitых и интересных авторов пастишей о Шерлоке Холмсе»⁵⁹.

Несмотря на впечатляющее количество этих пастишей (21 рассказ), никакими биографическими сведениями о П. Никитине мы не располагаем. Его первая книга *Новейшие приключения Шерлока Холмса в России: Из записок знаменитого сыщика* вышла в свет 19 июля 1908 г., последняя — *По следам преступника: Похождения «воскресшего» Шерлока Холмса в России* — 30 мая 1909 г.; в промежутке Никитин опубликовал сборники *Воскресший Шерлок Холмс в России* и *Сверхсыщик: Из последних приключений Шерлока Холмса в России* (обе — 1908). Рассказы Никитина публиковались также в виде «выпусков», объединенных в две серии: *Новейшие приключения Шерлока Холмса в России (1908)* и *Воскресший Шерлок Холмс в России (1908-1909)*.

Итак, П. Никитин представляет собой, на первый взгляд, полнейшую литературную загадку. Но решение у этой загадки все же имеется, и путь к нему лежит в плоскости языка.

Никитин выступил как прямой продолжатель Конан Дойля: серия выпусков *Новейшие приключения Шерлока Холмса в России* открывалась рассказом Конан Дойля *Преступление под сенью дуба* («Одинокaя велосипедистка»). В первой же собственной вещи, *Таинственный дом*, Никитин смело обратился к языковому вопросу — и дал на него довольно изящный ответ. Его Холмс на «чистейшем» русском говорит новому клиенту, купцу Черепанову: «Я прожил, благодаря стечению некоторых обстоятельств, три года в России и очень хорошо изучил ваш язык». Для читателя, знакомого с каноническими произведениями Конан Дойля, намек был прозрачен: после дуэли с профессором Мориарти у Рейхенбахского водопада, великий сыщик скрывался в России от пособников профессора. Тем же ходом воспользовался, к слову, Н. Ми-

⁵⁸ Краснолистов О. От составителя // *Старый русский детектив*: Роман, рассказы. Вып. I. Житомир, 1993. С. 4.

⁵⁹ Пилиев, *op. cit.*

хайлович в небольшой повести *Три изумруда графини В. Д.*: (Из воспоминаний петербуржца о Шерлоке Холмсе) (СПб., 1911).



Сложнее пришлось Никитину со спутником и хроникером детектива. В данном случае объяснение выглядит натянутым — по словам Холмса, «доктор Ватсон, как истый лингвист, тоже знает его <русский язык> в совершенстве».

Рассказы из цикла Никитина выходили один за другим и, судя по весьма приличным 10-тысячным тиражам, неплохо расходились. Через некоторое время увидел свет очередной рассказ — *Тайна нижегородского Главного дома*. Начинается он с появления Холмса на Нижегородской ярмарке; приехал туда сыщик из «желания поближе познакомиться с далекой Россией, о которой англичане имели лишь смутное понятие». Автор замечает:

Знаменитый английский сыщик, еще будучи в Буэнос-Айресе, в продолжение двух лет снимал помещение со столом в семье русских эмигрантов и, находясь с ними в постоянных близких сношениях, отлично изучил русский язык⁶⁰.

Зачем понадобилось Никитину, чей Холмс три года прожил в России, вновь объяснять его знание русского языка — и громоздить для этого несуразную конструкцию с русскими эмигрантами в Буэнос-Айресе? Почему известный «Великий Хиатус» в биографии Холмса объясняется здесь пребыванием в Аргентине?



Но этим странности отнюдь не исчерпываются. Если в других рассказах Никитина повествователем, как и положено, выступает доктор Уотсон, в данном случае повествование ведется в тре-

⁶⁰ Никитин П. Загробный гость: Приключения Шерлока Холмса в России. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2014. С. 95.

тьем лице — роль нарратора берет на себя автор. Для сравнения укажем, что подобная техника применяется лишь в двух написанных гораздо позже рассказах Конан Дойля о Холмсе, *Его прощальный поклон* и *Камень Мазарини*. С другой стороны, эта повествовательная техника традиционна для переводных «выпусков»; характерны для «выпусков» и рубленые фразы-абзацы рассказа.

Злоумышленники в *Главном доме* мастерят светящийся скелет: «призрак» материализуется посредством кинематографического аппарата. Но испускающий мрачное свечение призрак-скелет, созданный с помощью подручных технических средств (кости, фосфор и споры грибов), уже был использован преступниками — в схожих целях — в *Таинственном доме!*

Призраков, видений и привидений в рассказах П. Никитина немало, но вся эта «область сверхъестественного», как правило, получает трудами Шерлока Холмса логичное и рациональное объяснение. Однако в рассказе *Убийцы*, выполненном в том же «рубленном» и, скажем прямо, разухабистом ключе, финальную разгадку обеспечивает не дедукция и не отважная погоня за преступниками, а... мистическое прозрение! «С сегодняшнего дня я начинаю верить в таинственные явления» — подводит итог Холмс.

Как говорится, невероятно, но факт... И уж совсем непредставимо, чтобы благородный Шерлок Холмс, изображенный в первых рассказах никитинского цикла, произносил такую тираду, как его бледная копия из *Главного дома*:

Мы, англичане, пересчитываем каждый шаг и момент на деньги и, конечно, несмотря на живейший интерес, который вы вызвали у меня рассказом, я не стал бы терять времени даром. Потрудитесь написать обязательство⁶¹.

В чем же дело? Неужели Никитин внезапно ударился в мистицизм — и был так ошарашен потусторонними откровениями, что позабыл, где, когда и как Холмс изучил русский язык, упустил из виду, что сыщик целых три года прожил в России, дважды за очень короткое время использовал один и тот же сюжетный ход? Мало того — решил вдруг полностью исказить основополагающие черты характера и свойства личности героя?

Что это? Небрежность? Помрачение рассудка?

⁶¹ Никитин П. Там же, с. 196.

Вовсе нет. Внимательный читатель и без дедуктивных талантов Шерлока Холмса заметит очевидное: такие рассказы, как *Тайна нижегородского Главного дома* или *Убийцы*, написаны совершенно иным писательским почерком. Отсюда необъяснимая забывчивость П. Никитина, сюжетные нестыковки и повторы, смена нарративной стратегии и вторжение чуждых (мистических) элементов. Чужая рука, по крайней мере на уровне фрагментов, ощущается и в некоторых рассказах второго цикла Никитина, *Воскресший Шерлок Холмс в России*.

Вывод напрашивается — «П. Никитиных» было как минимум двое. Назовем их «Никитин-I» и «Никитин-II».

Основной массив рассказов, судя по всему, написан Никитиным-I. Это автор, вдохновленный каноническим Шерлоком Холмсом и серьезно вознамерившийся создать его российский эквивалент. Во всех его пастишках сквозит глубокое уважение к оригиналу: сознавая свою ограниченность как стилизатора, Никитин-I тщательно старается воспроизвести некий дух и особенно структуру рассказов Конан Дойля, выстраивает систему внутренних связей и отсылок не только к прототипу (такова серия рассказов о противостоянии Шерлока Холмса и «русского Мориарти» Бориса Николаевича Карцева), но и к другим иконическим произведениям детективного жанра (в *Страшном душителе*, к примеру, сквозят мотивы *Убийства на улице Морг* Э. По). Можно отметить у Никитина-I и отчетливые либеральные нотки: так, он не упускает случая основательно «пройтись» по черносотенным мракобесам из «Союза русского народа» или раскритиковать вековечное бездарно-хищническое отношение российских властей к природным богатствам страны. Некоторые его язвительные пассажи об армии полицейских и тайных агентов, поглощенных борьбой с инакомыслием, звучат поразительно актуально и словно написаны о современной России:

— До свидания, Англия! — воскликнул я. — Мы отправляемся в страну снега и медведей!

Холмс улыбнулся.

— Было бы вернее, дорогой Ватсон, если бы вы сказали: в страну чрезвычайных охран. Россия — одна из самых курьезных стран: когда у нее кончается война, она заводит чрезвычайные охраны, по положениям о которых полиция и войска, приведенные на военное положение, начинают защищаться и защищать...

Шерлок Холмс запнулся, но, встретив мой вопросительный взгляд, неуверенно пояснил:

— Вероятно, от граждан и граждан от... кажется, тоже от граждан. Впрочем, наши стратеги еще не вполне выяснили этот метод⁶².



Что касается Никитина-П, то это автор совсем иного плана, рыночник и во многом халтурщик, ориентирующийся не на Конан Дойля, а на переводные «выпуски» о Холмсе и прочих сыщиках. Никитина-П мало беспокоят соображения внутреннего единства и связности цикла, стилистической однородности, структуры повествования и даже сам образ Шерлока Холмса. Подме-

⁶² Никитин П. Там же, с. 17.

ни в его рассказах Холмса, допустим, Натом Пинкертоном — и разницы не будет никакой.

В рассказах Никитина-II наблюдаются некоторые поверхностные черты сходства с произведениями П. Орловца. Например, зловещий каторжник-убийца Муха в рассказе Орловца *Сокровище тайги* для отпугивания неожиданных визитеров от своего таежного убежища применяет фосфоресцирующий скелет. Помимо общего для многих «выпусков» рубленого стиля, обращает на себя внимание и лексика. У Никитина-II в рассказе *Убийцы* Холмс говорит: «Удивительно просто в России исчезают *живые люди*» (курсив наш); ниже следует фраза Уотсона: «...поговорив еще несколько минут об исчезновениях *живых людей*...». У Орловца это примечательное словосочетание дважды встречается в маркированной позиции, а именно в заглавиях: *Похититель живых людей* (первый рассказ из цикла о сыщике Карле Фрейберге) и *Охотники на живых людей* (один из рассказов о похождениях Шерлока Холмса в Сибири). В кругах читателей великого детектива бытует даже мнение, что Орловец-Дудоров и был таинственным Никитиным. Впрочем, сходство, как уже сказано, поверхностное, детективные произведения Орловец публиковал под собственным литературным именем, и для него рассказы Никитина-II, пожалуй, недостаточно проработаны. Вероятней иное: Орловец, чьи «выпуски» о Фрейберге, согласно издательским анонсам, начали выходить у того же московского книгоиздателя М. В. Клюкина несколько позже никитинских сочинений, просто перенес в свои творения понравившиеся элементы из рассказов более близкого ему по стилю и духу Никитина-II.

Кстати говоря, упомянутый выше Максим Васильевич Клюкин (1868 – после 1920) был прелюбопытнейшим персонажем. Он прошел путь от «мальчика» в книжных лавках до владельца крупного московского книжного магазина на Моховой, вместе с А. С. Сувориным, И. Д. Сытиным и другими издателями создал в 1907 г. Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог «Контрагентство печати», одну из первых в России книготорговых сетей. Публиковал, из интересующих нас произведений, А. Конан Дойля, М. Леблана, издавал «выпуски» и сам выступал в печати под псевдонимом «М. Васильев» как автор рассказов и сказок для детей. Персонажем же являлся в самом буквальном смысле — Клюкин, «худощавый шатен средних лет», был (наряду со своим партнером-издателем Д. П. Ефимовым) одним из главных действующих лиц рассказа Никитина *Неуловимая шайка*; в эпизодах мелькают и другие известные книгоиз-

дателя. В рассказе не обошлось без простодушной рекламы («Фирма Клюкина, да и его магазин, как по числу собственных изданий, так и по количеству и разнообразию имеющегося у него товара, считается одной из крупных в Москве»), но вообще-то речь в нем идет о хищениях книг из типографий и складов книжных магазинов. Описаны эти махинации подробно и квалифицированно; вполне вероятно, что списаны с натуры и торговцы краденными книгами.

Разумеется, подобный рассказ никоим образом не мог появиться без непосредственного одобрения и участия М. В. Клюкина. Не исключено, что Клюкин, из тех или иных деловых соображений, напрямую заказал автору рассказ с «книготорговым» сюжетом — в никитинском цикле он стоит особняком. Мы не беремся утверждать, что Клюкин (беллетристике, напомним, не чуждый) лично приложил к нему руку. Но нет сомнения, что он тщательно просматривал и, возможно, правил текст.

Подведем итоги. Перед нами издатель-беллетрист с отличной деловой хваткой и тесно связанный с ним автор. Отношения доверительные: не то издатель заказывает автору рассказ на деликатную «книготорговую» тему, не то автор предлагает издателю рассказ, где выводит его самого. Книжки о сыщиках печатаются многотысячными тиражами, идее «русского Холмса» витает в воздухе — что мешает запустить сыщицкую серию? Неизвестно лишь, от кого из них, автора или издателя, исходила инициатива...

Загадка «П. Никитина» окончательно проясняется.

Теперь понятно, почему он, за вычетом рассказов о Шерлоке Холмсе, не оставил никакого следа в литературе, отчего о нем нет никаких биографических сведений. Иначе и быть не могло, ведь «П. Никитин» — всего-навсего, как сказали бы в наши дни, «издательский проект». Как можно видеть, в детективном жанре за истекшие сто с лишним лет ничего не изменилось: и сегодня российский книжный рынок захлестывает поток серийной продукции, созданной литературными неграми под именами вымышленных или реальных, но давно исписавшихся авторов. Подобно им, век тому назад под коллективным псевдонимом «П. Никитин» в поте лица трудились несколько литераторов. Главный участник проекта и создатель основного массива рассказов, Никитин-1, отличался определенной качественностью и изобретательностью письма и, как правило, не допускал откровенной халтуры. Очевидно, порой Никитин-1 не успевал в требуемом темпе «выдавать на-гора» истории о Шерлоке Холмсе. Но для серийных выпусков критически важна была регулярность, и издателю или

указанному автору приходилось привлекать к делу кого-либо из запасных и менее одаренных игроков (Никитин-II).

Закат

Ставка на «русского Холмса» оказалась не самой удачной: конкуренты не дремали, эффект новизны постепенно стирался, и к тому же читателей, как выяснилось, больше привлекали экзотические заграничные декорации. Тиражи «Никитина» начали падать: первый выпуск, *Таинственный дом*, вышел в количестве 15000 экземпляров, последующие печатались 10-тысячными тиражами, а тираж заключительных выпусков серии не превышал 5000. Когда читатель вдоволь насытился «русским Холмсом», издательское начинание подошло к закономерному концу. С ним оборвалась и шерлокианская карьера двух-трех неизвестных сочинителей, публиковавшихся под коллективным псевдонимом «П. Никитин». Жаль только, что история не сохранила для нас их имена.

Уместно добавить, что неудачей увенчались и попытки создания собственно русских сыщиков. Никакие «гении русского сыска Иваны Путилины», Карлы Фрейберги, «казанские Шерлок Холмсы» Борисы Ордынские и «Шерлок Холмсы собачьего мира» Трефы с сыщиком Барцевичем на поводке не в силах были соперничать с настоящим Холмсом, Пинкертоном или грабителем-аристократом лордом Листером⁶³. Говорить о полном провале нельзя, так как тиражи некоторых серий были внушительными; и однако, согласно тиражным данным и опросам читателей, русские сыщики безнадежно отставали от иностранных героев⁶³.

Единичные шерлокианские пастиши и пародии, обладавшие большими или меньшими литературными достоинствами, продолжали выходить вплоть до революции и начала Гражданской войны.

В двадцатые годы шерлокианских пастишей резко сократилось. Для авторов ранней советской авантюрно-приключенческой про-

⁶³ Ср. ироническое замечание в рассказе В. В. Сиповского: если Холмс раскрыл за свою карьеру около 12 тысяч дел, а Пинкергон около 5000, Путилин — всего девять (*Двадцатипятилетний юбилей*, стлб. 65).

⁶³ См. Brooks J., *When Russia Learned*, с. 146.

зы актуальней был «красный Пинкертон», привыкший действовать и далекий от дедуктивных рассуждений в духе Холмса. Единственным заметным произведением среди нескольких юмористических и сатирических мелочей стал цитировавшийся выше *Двадцатипятилетний юбилей Шерлока Холмса* В. В. Сиповского.

Было бы несправедливо, однако, не упомянуть роман В. П. Катаева *Повелитель железа* (1924-25), где появлялся Холмс и действовал его племянник Стэнли, также знаменитый сыщик. Пародийный сыщик Шерлок Пинкертон мелькал на страницах фантастическо-приключенческой повести Б. В. Липатова (1905-1954) и И. И. Келера (1903-1977) *Вулкан в кармане* (1925). Холмсу подражал герой повести А. В. Козачинского (1903-1943) *Зеленый фургон* (1938) Володя Патрикеев, прообразом которого послужил Е. П. Петров (Катаев). В цикле *Шерлок Холмс — Иван Пузилов* (1925) В. Я. Шишков (1873-1945) изобразил деревенского продолжателя дела Холмса — что до него проделал М. Д. Ордынцев-Кострицкий (1887 — после 1941) в рассказе *Губернский Шерлок Холмс* (1910).

В тридцатые годы стране понадобились иные герои. Историю русских дореволюционных и советских предвоенных шерлокианских пастишей завершил рассказ Л. И. Лагина (1903-1979), символически озаглавленный *Конец карьеры Шерлока Холмса* (1935). В сущности, он мало чем отличался от опубликованного в 1905 году *Шерлока Холмса в России* К. Н. В. — тот же прием, та же снисходительная улыбка и то же фиаско Холмса, вызванное полнейшим непониманием окружающих реалий.

Круг замкнулся.

А. Шерман

февраль, 2019

Три изумруда графини В.-Д.



Пастили и пародии

К. Н. В.

ШЕРЛОК ХОЛМС В РОССИИ

Последнее время м-р Шерлок Холмс был очень занят. Ни одно сколь-нибудь серьезное дело в сыском отделении не заканчивалось без его участия и совета.

Кроме того, он успевал расследовать сотни сложных и запутанных дел, с которыми к нему обращались частные лица. В продолжение этой непрерывной работы на долю Холмса выпадал по большей части блестящий успех и только изредка постигали его неизбежные неудачи.

Дела он вел, по обыкновению, как истинный любитель и знаток, почти всегда совершенно бескорыстно.

В тот вечер я сидел дома и курил последнюю трубку, засыпая над каким-то романом. Моя практика и езда по пациентам истомили меня за день.

Вдруг раздался звонок.

Я посмотрел на часы: было без четверти двенадцать. Наверное, пришли звать меня к тяжелобольному. Профессия доктора приучает к таким поздним посещениям. Я отворил наружную дверь сам, потому что прислуга легла уже спать, и к моему удивлению, увидел Шерлока Холмса, стоявшего на пороге.

— А, Уатсон, — сказал он, — я надеялся еще застать вас...

— Дорогой мой, зайдите, пожалуйста...

— Вы кажетесь удивленным, что понятно. Вы еще курите аркадийскую смесь? Эти остатки золы на вашем сюртуке выдают вас... Можно мне переночевать у вас?

— Пожалуйста.

— Спасибо. Я повешу свое пальто. Эге, вы сегодня были очень заняты по своей профессии. Это ясно. Хотя ваши сапоги и в пыли, но на них нет прилипшей грязи к подошвам: значит, вы не ходили пешком, а ездили, что вы делаете тогда лишь, когда у вас много работы... Спасибо, я ужинал в Ватерлоо, но я выкурю трубку с удовольствием.

Я ему передал чубук. Он уселся против меня и курил не-

Так как в английском оригинале этого рассказа не существует, собственность на него остается за мною. К. Н. В.

сколько минут в молчании. Я хорошо знал, что только важное дело могло привести его ко мне в такое время; итак, я терпеливо ждал, пока он сам о нем заговорит.

— Послушайте, Уатсон, — сказал он наконец, выпустив большой клуб дыма, — я нуждаюсь в вашей помощи...

— Вы знаете, я всегда рад помочь вам...

— Но для этого нужно, чтобы вы располагали некоторым свободным временем...

— Постараюсь устроиться...

— А ваша практика?

— Надеюсь, доктор Джаксон не откажет мне принять моих пациентов на свое попечение...

— Тогда все в порядке, и завтра мы отправляемся...

— Куда?

— В Россию...

— В Россию?!

— Да, дорогой Уатсон. Уложите самые необходимые вещи, не забудьте положить на всякий случай в карман ваш револьвер, и едем...

Признаюсь, мне никогда не приходило в голову, что я могу отправиться так внезапно в страну снегов.

Но для колебания места не было. Отпустить в такое далекое путешествие моего друга, который сам заявляет, что нуждается в моей помощи, оказалось бы по меньшей мере вероломством с моей стороны.

Само дело, призывавшее Шерлока Холмса в это обширное славянское царство, принадлежало к числу секретнейших, и говорить о нем я не имею права, в особенности теперь, когда живы еще лица, которых оно касалось, и свежи еще события. Это — достояние истории.

Но попутно, так сказать, случился эпизод, отмеченный в моих записках, огласить который я могу без опасения быть нескромным.

Мы сидели с Холмсом в отдельном купе вагона международного общества в северном скором поезде.

По дороге в Россию Холмс сокращал время рассказами об этой стране, и оказалось, что он знаком уже с нею так же

детально, как со всем, к чему обращался его замечательный своей проницательностью ум.

К моему удивлению, он рассказал мне, — и это подтвердилось с буквальной точностью, — что по улицам Петербурга не ходят вовсе белые медведи, что русские не едят сырого мяса и не пьют чистого спирта, а употребляют водку, — напиток, не лишенный в некоторых случаях приятности. Затем, если особое сословие русских, называемое казаками, и ест сальные свечи, то во всяком случае тщательно скрывает это от иностранцев...

Благодаря обществу Холмса, длинный переезд был сделан нами почти незаметно и мы приближались уже к Петербургу.

Как вдруг на одной из коротких остановок к нам в вагон вошла великолепно одетая дама с ручным изящным саквояжем значительных размеров.

Провожал ее джентльмен, без всякого сомнения принадлежащий к самому высшему аристократическому обществу.

Они говорили по-французски.

У станции виднелся изящный дог-кэрт, в котором они приехали. Лакей в ливрее с графскими гербами сопутствовал им до вагона.

Очевидно, это была высокопоставленная графская чета, проводившая, вероятно для охоты, время в своем поместье, и теперь дама возвращалась в столицу...

— Не потеряй саквояжа! — было последнее слово джентльмена, который прощался с дамой...

На этой же остановке мы с Холмсом гуляли по платформе. Друг мой не упускал малейшего случая для своих наблюдений.

Когда мы дошли до паровоза и остановились, Холмс помолчал с минуту и затем проговорил:

— Паровоз этот системы Компаунд, сделан фирмой Кокериль, досмотрен три года назад и назначен в ремонт в нынешнем году...

— Поразительно, — воскликнул я, — откуда вы это знаете?

— Азбука! — отвечал он. — Вы забыли, Уатсон, способ моего исследования, — обращаться к простейшему пути. Все эти сведения написаны на боку этого самого паровоза. Будьте добры прочесть. Не правда ли, это очень просто?..

Для Шерлока Холмса, который, оказалось, владел и русским языком превосходно, это было очень просто, но я не мог прочесть надписи, сделанной по-русски...

Стоявший на тендере помощник машиниста внезапно пошатнулся в это время.

Взглянув на его бледное лицо, я, уверенный, что он поражен какой-нибудь внезапной болезнью, сделал невольный шаг вперед, чтобы подать ему медицинскую помощь, но Шерлок Холмс остановил меня.

— Поспешите в наш вагон, — предложил он мне, — иначе мы рискуем опоздать...

В вагоне дама заняла свободное отделение рядом с нами, а другое свободное отделение по другую сторону от нас оказалось занятым субъектом подозрительной наружности.

Лицо его густо обросло рыжей всклокоченной бородой; такие же рыжие всклокоченные волосы вылезали прядями из-под его довольно сомнительной чистоты картуза. На нем были плохо вычищенные сапоги и пальто, лоснившееся от долгого употребления.

Он угрюмо, нахмутив брови, сел в угол своего отделения, перекинувшись несколькими словами с кондуктором...

— Вы заметили, Уатсон? — спросил тотчас же меня Шерлок Холмс, понижая голос до полного шепота...

— Этого человека? — спросил я.

— Да, этого человека, и то, то он дал монету кондуктору, разговаривая с ним...

Последнего я не видел.

— Монета была пятидесятикопеечного достоинства, — пояснил Холмс и задумался, принявшись набивать свою трубку.

Он поджал под себя ноги на пружинном диване вагона, как делал это бывало на улице Беккер, и окутал себя густыми клубами табачного дыма.

Зная привычки Холмса, я не сомневался, что мысль его работает в это время и что он обдумывает что-то...

— Так оно и есть! — произнес он вслух и быстро спустил ноги, отбросил трубку и мгновенно превратился из флегматичного и неподвижного в живого, деятельного Холмса, каким я знал его, когда он брался за какое-нибудь дело.

— Надо действовать, Уатсон, и немедленно!

Я недоумевал, что можем мы сделать здесь, сидя в вагоне!..

Но Шерлок Холмс вышел в проходной коридорчик и постучал в дверь соседнего купе, где была дама.

Дверь тотчас отворилась.

— Простите, сударыня, что я беспокою вас, — начал он на отличном французском языке с тою особенною вежливостью, которая давала ему возможность держать себя достойно с аристократами, — но очень важное для вас дело заставляет меня нарушить ваше уединение...

— Важное дело для меня? — переспросила она.

— Да. Я знаю, что вы носите графский титул, что вы принадлежите к высшей аристократии, что везете в вашем саквояже некоторые ценности...

— Откуда вам известно все это?

— Я — Шерлок Холмс!

Когда дама услышала прославленное имя моего друга, она ужасно обрадовалась...

Она много слышала о нем. Она читала во французском переводе мои записки. Она так рада познакомиться с м-ром Холмсом...

Ему было, видимо, очень приятно, что известность его достигла далекой России.

— Ну так вот что, сударыня, — продолжал он, — до Петербурга осталась одна лишь остановка, — Царское Село. Мы все трое, то есть вы, я и мой друг Уатсон, выйдем на этой станции и затем — будьте покойны...

— Зачем же мы выйдем?

— Чтобы доехать до Петербурга на лошадях...

— А не в поезде?

— Ни под каким видом...

— Отчего же?

— Так надо. Для вашего благополучия...

Дама рассмеялась. Но ясно было, что авторитет Шерлока Холмса подействовал на нее. По крайней мере, она согласилась, не колеблясь...

— Это будет очень забавно, — заметила она, — вы, англичане, всегда и во всем большие оригиналы...

— Бедная! она и не подозревает, что грозит ей, да и всем нам, — шепнул мне потихоньку Холмс, когда мы собирали наши вещи...

В Царском Селе мы вышли все трое и отправились завтракать в гостиницу.

Я не мог понять, что это значит, но был уверен, что это необходимо, если Шерлок Холмс требует этого.

Во время завтрака он послал из гостиницы на почтовую станцию за каретой. Кареты, однако, не оказалось на станции...

Шерлок Холмс, как будто зная это заранее, тонко улыбнулся и спокойно сказал посланному:

— Я дам пять фунтов за экипаж, который доставит нас в Петербург.

Сидевшей с нами за столом графине это очень понравилось, и она зааплодировала Холмсу.

Пять фунтов — почти пятьдесят рублей на русские деньги, и такая сумма должна была подействовать.

Вместо почтовой кареты нам привели традиционную русскую тройку.

Мы сели в экипаж и быстро помчались...

— Вас, вероятно, нужно отвезти в ваш отель? — спросил Шерлок Холмс графиню...

— Да, — ответила она, — в отель, только не мой, я остановлюсь в любом.

— То есть, вы хотите сказать, в любой гостинице?..

— Ну да.

— Отлично. Это будет наиболее благоразумно. Значит, случаи, подобные сегодняшнему, бывали с вами?..

— О да, бывали...

Шерлок Холмс пожал плечами.

- И что же русская полиция?
- Полиция ничего не имеет против.
- Может быть, она ни о чем не подозревает?
- О нет, не думаю...

Тут она, несколько нахмураясь, замолчала, как будто разговор этот был ей неприятен.

Впрочем, она прибавила:

- Я раз из окна на улицу выпрыгнула, и то ничего...

Холмс дальше не настаивал.

Я заметил, что он внимательно следил все время за ямщиком.

Вдруг этот ямщик свернул с дороги и направил лошадей вместо моста, который лежал впереди, прямо в воду небольшой речки, пересекавшей нам путь...

В один миг Шерлок Холмс выхватил револьвер, поднялся во весь свой рост в экипаже, схватил ямщика за ворот и приставил к его виску револьвер...

— Батюшка, не погуби! — закричал ямщик и покатился с козел...

Еще миг, и Шерлок Холмс очутился на козлах на его месте и, захватив вожжи, круто повернул лошадей от воды, перевез нас через мост и погнал дальше, отлично управляясь...

Нам вслед кричал что-то оставшийся сзади ямщик...

Надо было видеть длинную фигуру худого Холмса в его клетчатой суконной шапке, сшитой наподобие тропического шлема, управляющего русской тройкой!..

Так мы въехали в Петербург.

Я думал, что такая необычная комбинация вызовет сомнения у полиции города, но слава Шерлока Холмса оказалась так велика, что его сейчас же узнали, и первый же попавшийся нам на посту полисмен вытянулся и сделал под козырек...

Въехав в город, Шерлок Холмс достал из кармана план Петербурга, который успел уже изучить в подробностях и, руководствуясь этим планом и не нуждаясь ни в каких расспросах, прямо привез нас в одну из гостиниц, показавшуюся мне по сравнению с нашими второстепенной, но тем не

менее очень дорогую. За утренний кофе с нас брали там один рубль.

Графиня заняла номер рядом с нами.

Вымывшись и почистившись с дороги, мы сошли в вестибюль, чтобы отправиться на вокзал для получения нашего багажа, прибывшего с поездом.

Проходя мимо вешалки, где висело верхнее платье, Шерлок Холмс вдруг остановился и показал мне на одно пальто:

— Узнаете ли вы, Уатсон, это пальто?

Признаюсь, я встал в тупик, не зная, что ответить.

— Это пальто нашего рыжебородого соседа по купе в вагоне, — пояснил Холмс. — Поезжайте за багажом одни. Я должен остаться здесь...

Мне большого труда стоило достать наш багаж на вокзале. Пришлось долго ходить и объясняться с разными джентльменами.

Когда я наконец вернулся, Холмс ходил по нашему номеру очень довольный и потирал руки.

— Теперь все ясно, дорогой Уатсон, — заявил он...

— Объясните же мне, что все это значит, — спросил я, — я сгораю от нетерпения...

— Это значит, что мой заклятый враг, профессор Мориарти, жив и действует против меня здесь, в России, не осмеливаясь больше показаться в Англию!..

— Профессор Мориарти жив!

— Судите сами. Я написал сам себе письмо из Царского и знаете, Уатсон, письмо это пропало...

— Неужели?

— Уверяю вас. Мало того. Я несколько минут назад звонил в телефон для необходимых переговоров и представьте себе...

— Ну?

— Не мог дозвониться на центральную станцию... Из всех моих усилий ничего не вышло...

— Невероятно!

— А между тем, это так. Согласитесь, что только адская интрига такого врага, как профессор Мориарти, может сделать, что посланное по почте письмо не дойдет и что вы не

дозвонитесь на телефонную станцию, когда вам это нужно... Иначе это невозможно.

Я должен был согласиться.

— Очевидно, профессор Мориарти жив, — сказал я, — но этот случай с графиней?

— Один из самых обыкновенных. Дело просто, как выпитая рюмка вина. Графиня в своем саквояже везла ценности, доверенные ей ее мужем, провожавшим ее...

— Банковские билеты?

— Нет, более ценное.

— Бриллианты?

— Более ценное.

— Что же такое?

— Дипломатические документы, от которых зависит судьба государства... И вот, чтобы получить эти документы, то есть захватить их, предположено было устроить искусственное крушение поезда...

— Крушение поезда?

— Ну, разумеется, того самого, в котором мы ехали с вами. Вы заметили, Уатсон, бледность лица помощника машиниста и то, как покачнулся он?

— Ну да. Я думал, что он заболел и хотел ему оказать помощь, но вы остановили меня...

— Он не заболел. Он был пьян.

— Помощник машиниста?

— Да. От него разлило алкоголем на три шага даже на воздухе... Факт необычайный. Помощник машиниста, находящийся при исполнении своих обязанностей, от которого зависит сотня-другая жизней — и вдруг пьян! Этот необычайный факт послужил исходной точкой для моих выводов. И вот что оказалось. Конечно, помощник машиниста был напоен нарочно. Сам он сделать этого не мог. Вы спросите, кем? Тем субъектом с ражей бородой, который в совсем неподходящем к первому классу костюме поместился рядом с нами в купе и дал кондуктору монету. Ясно, что между этим субъектом, кондуктором и главным машинистом было все условлено...

— Но неужели вы думаете, что кондуктора можно подкупить пятидесятикопеечной монетой? Я думаю, и в России кондуктора получают такое жалование, что не станут обращать внимание на подобную мелочь...

— Вы, Уатсон, много помогали мне, но не отвыкли еще рассуждать, как новичок. Конечно, кондуктора нельзя подкупить пятьюдесятью копейками, но эта монета служила условным знаком, по которому на следующем переходе, может быть, именно через пятьдесят верст, должно было произойти искусственное крушение...

— Гениально! — воскликнул я. — И во время этого крушения субъект с рыжей бородой хотел, воспользовавшись суматохой, похитить саквояж графини!...

— Вы начинаете понимать, в чем дело. Понимаете также теперь, почему я настоял, чтобы мы с графиней вышли из поезда на последней остановке и приехали в Петербург на лошадях?

— Вы спасли этим графиню и нас...

— И всех, кто был в поезде, потому что раз графиня с ее саквояжем вышла, не было причины устраивать искусственное крушение. И, как видите, поезд благополучно достиг Петербурга...

— Великолепно!

— Но опасность еще не миновала вполне. Когда мы вышли в Царском, за нами следили, и я предполагаю, что тут не обошлось без участия профессора Мориарти. Слишком тонко все было сделано. На почтовой станции не оказалось кареты. Нам привели тройку за обещанные мною пять фунтов. Вы видите, как хорошо я сделал, что не доверился ямщику, направившему так внезапно экипаж в воду... Я поспел вовремя, иначе мы были бы теперь на дне реки, а саквояж графини в руках похитителей. Но и это еще не все. Когда я намеревался выйти с вами, я заметил в вестибюле этой гостиницы на вешалке пальто субъекта с рыжей бородой...

— И я удивился, как вы смогли узнать это пальто.

— Навык, дорогой Уатсон! Отправив вас за багажом одного, я остался здесь и не потерял времени даром. Я узнал, что фамилия этого рыжебородого Тюфяков. Он остановил-

ся в этой гостинице и занял номер под нами. Или, вернее, нам отвели помещение как раз над его комнатой. Теперь вы знаете, что графиня поселилась рядом, Тюфяков внизу — и смотрите...

Шерлок Холмс подошел к стене, отделявшей наш номер от соседнего, и постучал в нее.

Раздался характерный звук, ясно обнаруживший, что в стене была пустота...

— Тут, без сомнения, существует потайной ход в комнату графини. Сомнения нет. Я проведу сегодняшнюю ночь в ее комнате и посмотрим, перехитрят ли Шерлока Холмса!..

Я был в восторге. Никогда, как мне казалось, гений моего друга не проявлялся таким блестящим образом...

Графиня легко согласилась, в видах своей безопасности, чтобы друг мой провел ночь в ее комнате и захватил с поличным дерзкого похитителя...

Я остался в нашем номере, положив своей револьвер у изголовья, чтобы при первой же тревоге прийти на помощь.

Ночь, однако, прошла совершенно спокойно.

Утром Шерлок Холмс вернулся в наш номер.

Он был несколько как будто сконфужен и проговорил только:

— Доктор Уатсон, странные бывают в России графини!..

Затем он велел призвать управляющего гостиницей и предложил ему вопрос:

— Вы знаете эту даму, которая поселилась рядом с нами?

— Знаю, — ответил управляющий, — и довольно давно.

— Кто же она?

— Кокотка, француженка...

— Как кокотка! Разве она не графиня, остановившаяся не в своем отеле, а у вас, под чужой фамилией, ввиду преследований, которым она уже подвергалась и прежде?

— У нее нет никакого отеля. Она живет по гостиницам, но преимущественно у нас. Насколько я знаю, она была теперь несколько дней у графа Замойского в его имении под Петербургом. Они тут кутили раз, — так она разгулялась до того, что даже из окна нижнего этажа на улицу выпрыгну-

ла. Превеселая! Граф увез ее с собою в имение... Он холостой...

Холмс нахмурил брови.

— И вы думаете, — проговорил он строго, — что я пове-
рю вам, что граф в своем экипаже с фамильными гербами
и ливрейным лакеем будет возить кокотку?

— Насчет гербов и лакее, — ответил управляющий, —
ничего не могу вам сказать, но только Лолотта уехала с гра-
фом в его имение...

— И вы будете уверять, что ничего не знаете о покуше-
нии на крушение поезда?

— Какого поезда?

— Я сам видел пьяного помощника машиниста...

Управляющий засмеялся.

— Так это у нас сплошь и рядом не только помощники,
но и сами машинисты бывают пьяны...

— И вы не лжете?

— Спросите кого угодно.

— Хорошо. Как же вы объясните случай с ямщиком?

И Шерлок Холмс в кратких, но выразительных словах
рассказал этот случай.

— Да очень просто, — объяснил управляющий, — ям-
щик заботился о вашей же безопасности. Мост на дороге
был, очевидно, земский, а у нас так уж принято, чтоб объез-
жать земские мосты вброд, а не то, того гляди, провалишь-
ся... Ямщик действовал вполне благоразумно...

— Ну, а то, что на почтовой станции не оказалось каре-
ты?

— На почтовых станциях карет у нас не держат...

— Ну, а подозрительный этот субъект с рыжей бородой
в вагоне первого класса?

— Какой субъект?

— Который остановился под нами и назвался фамилией
Тюфяков?

— Тюфяков! Так это не подозрительный вовсе субъект,
а известный купец, очень богатый...

— Богатый?

— Да, в трех миллионах, если не больше...

— У него такое состояние, а он в старом пальто и в грязных сапогах! Вы смеетесь надо мною...

— Каждый одевается, как хочет!..

Презрительная усмешка слегка скривила губы Холмса.

У него был готов последний удар для управляющего.

Он подошел и постучал в стену.

— Вы слышите, тут пустота!..

Но и этому нашлось объяснение у управляющего.

— Это-с в большинстве петербургских домов. У нас стены выводят в два кирпича обыкновенно, а между заваливают мусором. Со временем мусор оседает и образуется пустота. Всегда так...

Шерлок Холмс начал сердиться, что совсем не соответствовало его характеру.

Но нелепости, которые говорил управляющий, могли вывести кого угодно из терпения!..

— Так знайте, — заключил Холмс, — я не получил отправленного на мое имя письма и не мог дозвониться в телефон на станцию...

— И это, — перебил управляющий, — вещь очень у нас обыкновенная...

Тут уж Шерлок Холмс прогнал его, обещав обратиться к официальным источникам.

В его английскую голову не могло войти, чтобы граф возил простую кокотку под фамильными гербами своих предков, чтоб машинист, которому доверяют жизни пассажиров, мог напиться, чтоб можно было объезжать мост вброд и строить стены в два кирпича с мусором! Для него, как для англичанина, чем-то немислимым, <непредставимым> казалось пропавшее письмо на почте и бездействие телефона...

Но как ни были чудовищны все эти факты, вероятность их была подтверждена и официальными источниками...

Когда Шерлок Холмс, покончив с блестящим успехом то главное секретное дело, по которому мы приехали в Россию, возвращался со мной домой, он долго сидел в задумчивом молчании и потом, покачав головою, произнес:

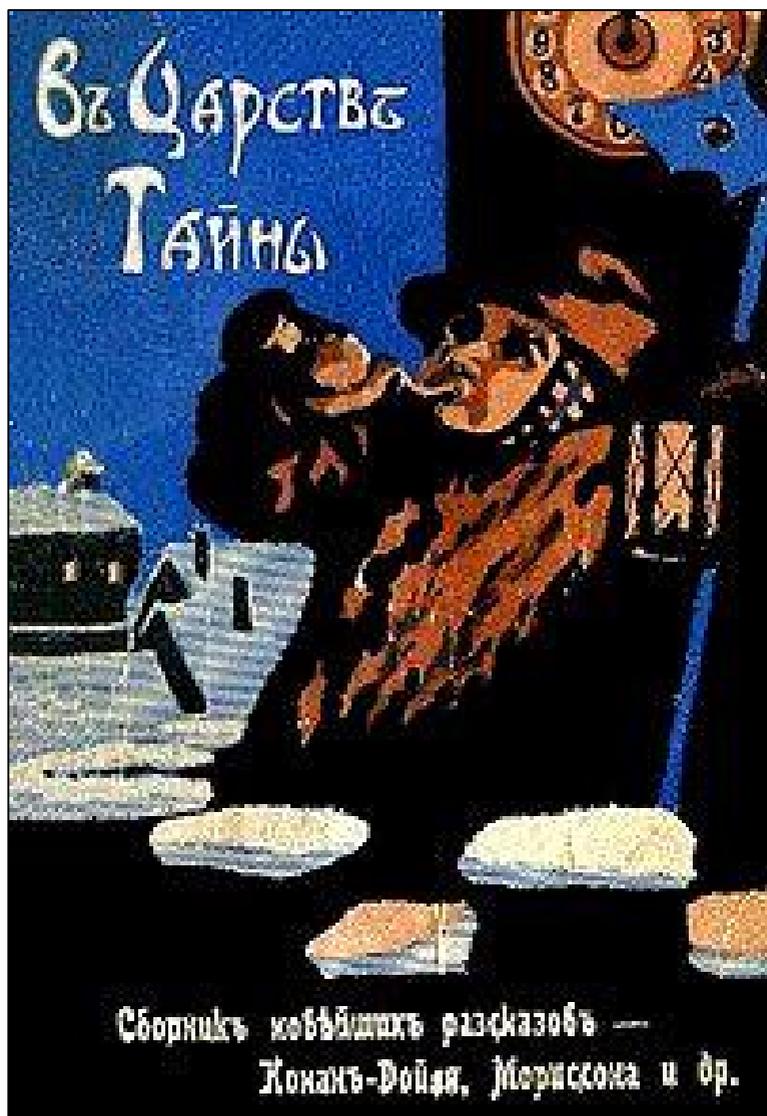
— Да, доктор Уатсон, загадочная страна Россия... Спрячьте ваш револьвер, он нам больше не понадобится!

В. Рудин

ЗАГАДОЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

(Моя встреча с Шерлоком Холмсом)

ВЪ ЦАРСТВЕ ТАЙНЫ



Сборникъ ковриштыхъ разказовъ —
Конанъ-Дойла, Мориссона и др.

Моей всегдашней мечтой было посетить Англию, страну пуританизма, смешанного с полнейшей разнузданностью, и высшей честности, существующей бок о бок с гениальным мошенничеством. К сожалению, до прошлого года все мои благие желания в этом отношении разбивались о два весьма существенные препятствия, а именно: недостаток свободных финансов и незнание английского языка. Но — *«толцъте и отверзится»* — я был настойчив, и в прошлом году, имея в руках приличную сумму сбережений и насобравшись на языке свободных бриттов, привел в исполнение давно лелеемый план. Однако, отправляясь в свою поездку, я никак не ожидал, что она подарит меня одним из приятнейших моментов моей жизни — встречей со знаменитым сыщиком, имя которого известно всем и каждому, Шерлоком Холмсом. Факт этого настолько интересен, что я решил поделиться им со своими уважаемыми соотечественниками.

В конце мая 1905 года я сел на один из пароходов, совершающих рейсы между С.-Петербургом и Лондоном и на шестой день своего спокойного путешествия, если не считать легкой трепки в Северном море, очутился в сердце Англии. Тот, кто не видел Лондона, не может иметь надлежащего представления о колоссальности как его самого, так и его уличного движения. В нем сосредоточилась более, чем во всякой другой столице, душа страны; Лондон и Англия — это неразрывные синонимы.

После двухнедельного осмотра города, я, прокопченный его дымом, с головой, точно налитой свинцом от непрерывного гама и шума в соединении с сильной жарой, порешил прокатиться в Брайтон, хорошенький уголок на южном берегу Англии, у ног которого плещется вечно рокочущая великая Атлантика. Во время остановки поезда на одной из маленьких промежуточных станций, тонувших в море зелени и цветов, в занимаемое мною купе первого класса вошел новый пассажир. Вначале я не обратил на него почти никакого внимания, ибо был всецело поглощен интересным сообщением о наших операциях на Дальнем Востоке, но затем, когда газетный лист был отброшен в сторону и

фигура моего спутника резко обрисовалась на темном фоне бархата дивана, мои глаза невольно впились в нее. Вид незнакомца был в высшей степени характерен: высокий, бритый, с крупными, смело выраженными чертами лица, с длинными жилистыми руками безукоризненной белизны, одна из которых держала незакуренную сигару. Но главное, — это были глаза. В них горело и переливалось что-то особенное, какая-то внутренняя сила, всеподчиняющая, всепроницающая. Одетый в длинное дорожное пальто с капюшоном и маленькую шотландскую шапочку, он задумчиво смотрел в открытое окно бегущего поезда.

Я с большей и большей настойчивостью всматривался в сидящего передо мной джентльмена, словно невольно отдавшись в распоряжение какой-то магнетической силы. Но вот незнакомец повернулся ко мне, окинул меня с ног до головы своими удивительными глазами и, быстро закурив сигару, исчез на время в клубах собственного дыма. В этот момент в голове моей замелькала мысль: «что за знакомое лицо», и вдруг я сразу понял, что это должен быть не кто иной, как Шерлок Холмс. Почему, я до сих пор не могу объяснить, очень может быть, что по внушению. Я вскинул свои глаза; мой спутник обратился ко мне, отчеканивая каждое слово:

— Вас, кажется, интересуется, кто я? Я Холмс, Шерлок. Еду к себе в имение.

Я представился и назвал его горячим поклонником.

— У нас, в снегах России, вас очень ценят и уважают. Жаль, что вы, как слышно, удалились от дел. Ваш гений мог бы еще многое сделать.

При моих последних словах, на орлиное лицо Холмса легла тень, но она была мимолетна, и, методично затянувшись сигарой, он произнес:

— Я люблю Россию и русских, славный народ, много простоты и искренности, много гостеприимства. Мне пришлось быть несколько раз в России, и единственно, чем я остался недоволен там, это порядками или, вернее, беспорядками. Требовать требовали, а исполнять сами не исполняли. Вот и получились такие плачевные результаты, досту-

кались до такого положения. Но это пройдет, произойдет обновление, и свободная Британия подаст руку свободной России. Вы, я вижу, литератор, в Англии в первый раз и едете в Брайтон,— произнес он после короткого молчания.

Я выразил удивление.

— Все это весьма просто. Что вы литератор, видно, во-первых, из того, что правое плечо у вас ниже левого, во-вторых, из чересчур отчетливой обрисовки лобных морщин от постоянного намарщивания. Что вы в Англии в первый раз, ясно видно из того, что вы облакачиваетесь своим, по-видимому, новым костюмом на диванную спинку, составляющую собою, как водится у нас, обязательное хранилище вековой пыли; о поездке же в Брайтон мне говорит ваш собственный билет, мирно покоящийся на чемодане по соседству с вами.

Я повернулся в сторону моего чемодана, стоявшего рядом со мною и, действительно, увидел на нем свой билет, случайно позабытый мною после ухода контролера.

— Я счастлив, — обратился я к Холмсу, снова устремившему свой проникновенный взгляд в окно, — что судьба столкнула меня с вами, так как имею возможность лично видеть идеальную форму той мозговой работы, которая называется последовательным мышлением.

Холмс внимательно посмотрел на меня.

— К сожалению, в настоящее время она слишком редкостна, — сказал он. — Более половины своей жизни я провел в постоянном единоборстве с тем, что мы называем проявлением злой воли и очень часто убеждался, что злая воля торжествовала только потому, что способ последовательного мышления, индуктивный или дедуктивный, не был надлежаще использован. Человечество вырождается. Все, что поверхностно, грубо и нелогично, усваивается им безошибочно, все, что глубоко, психологически тонко и закономерно, скользит мимо, оставляя лишь жалкие обрывки. Таким образом, преступная мысль побеждает внутренний дух, ибо в цепи последовательного мышления, являющейся результатом ее, отсутствует целый ряд звеньев; другими словами, современный человеческий ум не дисциплинирован.

— Чем же можно объяснить себе подобный регресс в умственной области современного человечества? — спросил я, крайне заинтересованный сказанным, своего выдающегося собеседника.

— Исключительно негодным воспитанием. Что бы там ни говорили г.г. медики о нервах, повышенном жизненном пульсе и т. п., все-таки существенной причиной останется исключительно негодное воспитание; консервировавшиеся английские родители и неустойчивые континентальные не могут дать ничего хорошего, это ясно.

Разговор на эту тему продолжался еще несколько времени; но вот поезд стал замедлять ход; мы приближались к следующей остановке. Знаменитый сыщик выбросил остаток сигары за окно и взялся за свой чемодан. Я понял, что он собирается меня покинуть, и мне стало ужасно жалко так скоро расстаться с ним. Откуда-то, из недр души, робко заговорило желание напроситься к нему в качестве гостя, но, по всей вероятности, желание так бы и осталось одним только желанием вследствие моей прирожденной деликатности и щекотливости самого вопроса, если бы сам Холмс не пришел мне на помощь. Увидя, вероятно, мое нескрываемое огорчение, он, выходя из вагона и пожимая своей стальной рукой мою руку, заметил:

— Найдете свободное время перед отъездом домой, заезжайте ко мне потолковать. Я почти всегда у себя в имении, — и, сказав адрес, спустился на платформу.

Через окно я увидел, как Холмсу подали дог-кэрт, усевшись в который, он покатил по гладкой, утрамбованной дороге, обсаженной вязами, и скрылся за поворотом. Поезд тронулся дальше...

В Брайтоне, в этом уютном, дышащем негой и здоровьем уголке, я провел неделю и, если бы не ограниченность свободного времени да, откровенно сознаться, и карманных ресурсов, просидел бы гораздо дольше. Правда, общество, на которое мне пришлось натолкнуться там, не было очень многочисленным и особо изысканным, так как курортно-

му сезону в Англии отведена зима, но я не печалился об этом, насмотревшись вдоволь на представителей и представительниц изысканного круга в Лондоне, так как попал туда как раз в разгаре сезона. Я вдыхал чудный, крепящий воздух, совершал небольшие экскурсии, например в Инсбрук и др. места, и часами просиживал на молу, слушая немолчный говор океана. О, этот великий чудесник океан! Какие интересные сказки порой нашептывает он вам, какие иногда картины набрасывает он перед глазами вашими, так робко созерцающими его безбрежный, необозримый простор!

В начале второй недели своего пребывания в Брайтоне я двинулся на север, — для осмотра нескольких больших центров и, так как путь мой лежал через Лондон, т. е. мне приходилось пересекать графство Sussex, местопребывание Шерлока Холмса, а вернуться снова на юг я не рассчитывал, то я и решил воспользоваться удобным случаем, — посетить выдающегося общественного деятеля, так любезно и снисходительно отнесшегося ко мне. Выйдя на той маленькой станции, где неделю тому назад я распротился с Холмсом, я сразу увидел знакомый дог-карт, как оказалось, высланный за мной, в виду получения известия о моем приезде. Через час быстрой езды по великолепной деревенской дороге, о которой у нас, в России, не смеют даже и мечтать, я подкатил к месту отдохновения одного из великих современников. Вековой парк, раскинувшись на большом пространстве, сжимал в своих мохнатых объятиях изящную постройку в готическом стиле, как старец своего юного и любимого внука; кругом колосились поля, чернела лесная полоса, сливавшаяся с горизонтом, а сзади, на молочном фоне прозрачного летнего неба, высилась группа холмов и шаловливая лента дороги доверчиво бежала к ним.

Холмс встретил меня на крыльце-террасе, увитой зеленью и заставленной экзотическими растениями. Тут же помещался и обеденный стол, накрытый на две персоны, из чего я заключил, что время моего приезда совпало как раз с обедом. На приведение себя в порядок я потратил, в предоставленной мне комнате, не более пяти минут, после че-

го присоединился к хозяину, и мы оба уселись за стол.

После обеда, прошедшего быстро и не сопровождавшегося никаким особенно интересным разговором, Холмс попросил меня к себе в кабинет, куда, признаюсь, я вошел не без некоторого трепета, — как в нечто священное, где плодотворная мысль гуманнейшего человека нашла себе тихий приют. Кабинет первого сыщика Европы представлял собою совокупность простоты со строгой обдуманностью: ни одна вещь, начиная с длинного ряда шкафов, наполненных аккуратно подобранными томами, большого письменного стола, свободного от всяких убранств, за исключением полного комплекта письменных принадлежностей, рассчитанного до мельчайших подробностей, удобного и глубокого кресла с покатою спинкой и кончая целой коллекцией фотографических карточек, всевозможной величины, с разнообразнейшими автографами, большая часть которых принадлежала лицам высокопоставленным и хорошо известным, ни одна вещь не выглядела случайной или ненужной; все лишнее отсутствовало здесь так же, как тот непригодный балласт, который всегда так искусно отбрасывался Шерлоком, при его мощном стремлении к истине. Над камином висел поясной портрет с размашистой подписью внизу: «*Дорогому другу и учителю Ватсон*».

Вслед за нами лакей внес в кабинет кофе с ромом и, отворив стрельчатое окно, выходившее в сад, засаженный в этом месте цветочными клумбами, немедленно удалился. В комнату полилась ароматная струя. Холмс протянул мне свой золотой с рубиновой короной портсигар, очевидно, подарок какой-нибудь коронованной особы, затем, взяв и себе штучку, медленно чиркая спичкой, заговорил.

— В прошлую нашу встречу разговор у нас коснулся умственной нищеты современного человечества. Теперь пойдем дальше. Пробуя суммировать нищету умственную с нищетою духовной, наличность которой в настоящее время слишком очевидна, мы получим известное абстрактное понятие, которое, на основании своих данных, может быть вполне названо центробежной силой, действующей в круге вселенной, центром которой служит культура икс. Идя еще

далее, делаем следующее исторически-известное построение: греческая культура плюс нечто равно древнегерманской культуре; древнегерманская культура плюс нечто равно культуре последнего времени или современной. Итак, как видно, атмосфера культуры постепенно сгущается ввиду приближения к культурному центру, принятому нами за x , т. е. центростремительная сила, именуемая прогрессом, действует в присвоенном ей направлении, развивая нарастающую скорость. Но, с другой стороны, при внимательном исследовании, мы можем убедиться в том, что постепенно увеличивающаяся скорость центробежной силы или, как мы ее назовем, оттяжки, нарастает прямо пропорционально силе центростремительной. Проще, — увеличение прогресса влечет за собою увеличение регресса или, — прогресс равен регрессу.

Холмс на минуту остановился, сильно затянулся и после небольшой паузы продолжал:

— Если же прогресс равен регрессу, то, сократив плюс на минус, не получим ли мы нуля? А если так, то культурный x в данный момент далек от нас так же, как и всегда: он для нас, людей современных, такая же фикция, какой он был для наших предков и будет для наших потомков. Такая фикция, как и для г. г. дикарей.

Я молчал, подавленный логикой моего собеседника. Холмс продолжал:

— Сколько раз я самолично убеждался в правде вышесказанных выводов. Общественные язвы, которые мне приходилось вскрывать, указывали мне, хорошо знакомому с уголовной историей, на перемену, происшедшую в терминологии понятий: то, что прежде было отвратительным — сделалось худым, худое — лишь обыкновенным и т. д. Да что говорить, даже преступления последних лет моей практики разнятся от преступлений начала моей деятельности.

Он замолк и, откинув голову на полукруглую спинку кресла, скрестил свои руки.

Я сидел не шевелясь. Слова сыщика, так хорошо знающего существо с кличкой «человек», продолжали звучать у

меня в ушах, вызывая какое-то неприятное чувство, похожее на раздражение.

— Но истинная культура, к прискорбию, неразрывно связана со счастьем, которое, не входя в точное определение его, есть не что иное, как стройное, гармонично целое благополучие, — заговорил снова Холмс, обращаясь в мою сторону, — поэтому, при отсутствии первого, должно отсутствовать и второе. Вот вы сейчас явились из страны, где идет борьба за свободу, в страну, где она уже давно покоится на крепких устоях. И что же, обойдите всю Англию вдоль и поперек, всмотритесь в едва уловимые детали жизни одного из самых передовых народов, и вы увидите, что счастье остается тут таким же неуловимым призраком, как и в стране каких-нибудь готтентотов. В общем, свобода есть предельная грань нашего полета.

После этого разговор перешел на то, что Холмс готовит интересный труд: «Теория сыска», руководство для сыщиков и любителей этого дела, наглядно иллюстрированное случаями, взятыми из его практики.

— Однако, уже вечереет, между тем, мне бы хотелось показать вам своих новых друзей — пчел, которым я посвятил свое время после того, как оно у меня оказалось свободным, — сказал Холмс.

Он встал и направился к двери, я последовал за ним.

Мы вышли в сад и, свернув влево, пошли по длинной каштановой аллее, другой конец которой соединялся с парком. Везде замечался образцовый порядок, повсюду чувствовалась заботливая рука.

Я выразил свое восхищение.

— Моя натура не признает дробления, — сказал мой спутник, — раз я чему-нибудь отдаюсь, я отдаюсь всецело. Впрочем, оно так и должно быть; с моей точки зрения, принцип этот равноценен заповеди.

Мы подошли к пологому скату, представлявшему собою обширную поляну, покрытую зеленым ковром коротко подстриженной травы, с развесистыми кленами, толпившимися вокруг. На всем протяжении ее виднелись хорошенькие домики-ульи.

— Вот где я провожу большую часть своего дня, — сказал Холмс, — и, признаюсь, провожу с наслаждением. Поразительная энергия и безграничное трудолюбие этих маленьких существ находят непосредственный отзвук в моем Я.

Достав из стоявшей рядом будки два сетчатых шлема и две пары особых перчаток, Холмс одел меня, оделся сам, и мы погрузились в пчелиную сферу. Пробыли мы там около часа, и все это время мое внимание было целиком поглощено: до того интересно, увлекательно, с тонким пониманием дела этот удивительный человек, реагирующий на всякий вопрос, популяризировал передо мною одну из хозяйственных отраслей — пчеловодство.

После осмотра пчельника Холмс прошелся со мною еще немного по парку, затем, ссылаясь на неотложные занятия, распростился до вечернего чая.

Я остался один. Вечер уже вступил в свои права. Солнце зашло, и только розовые облака давали знать о его недалеком пребывании. Кудрявый парк притаился, точно обдумывая великую думу, и всякий раз, как легкий ветерок проносился сквозь густую листву его, над головой моей слышался тихий шепот, напоминавший молитву.

Я дошел до забора, перелез через него и очутился в поле. Меня сразу опануло бодрящим полевым воздухом, пропитанным веселящей свежестью и ароматом скромных, но милых простачков. Руководствуясь узенькой тропинкой, я двинулся в путь и, то окунаясь в море колосьев, перемежавшееся по временам с оазисами полевых цветов, то взбираясь на тот или иной пригорок, добрался до ближайшей деревни, прошел через нее, любуясь по дороге элегантными каменно-красными постройками с черепичными крышами и хозяйственными прибавлениями, тщательно оборудованными, и, выйдя на лондонское шоссе, опять-таки представлявшее для меня большой интерес в смысле идеальной трамбовки и ровности, возвратился в имение со стороны правого бокового входа в парк. Но, когда после своей полезно-приягной прогулки я вышел к чаю, меня ожидала не-

приятная новость. Холмс, в интересном обществе которого я рассчитывал провести несколько вечерних часов, прислал сказать, что, вследствие совершенно неожиданных обстоятельств, ему не придется увидеться со мною ранее завтрашнего утра. Как было ни неприятно, но пришлось покориться и, допив свой чай в присутствии безмолвного лакея, расспрашивать которого не казалось мне удобным, я удалился в свою комнату, занявшись дочиткой последнего газетного номера, купленного мною еще на станции.

Мои карманные часы показывали около одиннадцати, когда я закончил свое чтение; было уже совсем темно. В незакрытое шторой окно глядела таинственная, надвигающаяся ночь. Я вспомнил о наших петербургских белых ночах, и меня потянуло на воздух, отчасти, чтобы посравнить, отчасти, — просто подышать. Выключив электрический свет, я с помощью спички добрался до балкона-террасы, откуда спустился в сад. Пройдя кусок каштановой аллеи, я опустился на ближайшую скамейку и вдруг, взглянув по прямой линии, соединявшей меня с передним углом дома, увидел нечто странное: неподалеку, по-видимому, от фасадного балкона-подъезда мерцали на небольшом расстоянии друг от друга два огненные глаза, которые никак нельзя было принять за садовые фонари благодаря их поперечному, по отношению ко мне, положению.

Охваченный приливом любопытства, я поднялся и быстро зашагал назад, приблизившись через несколько минут к горящим точкам на расстоянии, позволившее мне безошибочно определить положение вещей. Около главного подъезда стоял крупный автомобиль с двумя зажженными ацетиленовыми фонарями; рядом с ним обрисовывалась фигура полицейского. Нерешительность приковала меня к месту: с одной стороны, я почувствовал, что здесь кроется какая-то тайна, проникнуть в которую при помощи полицейского представлялось для меня крайне заманчивым, с другой же, сознание неловкости подобного поступка являлось задерживательной силой. В конце концов, жажда знания взяла верх; я раздвинул кусты, позади которых скрывался, но в это самое время звук знакомого голоса и приб-

лижающиеся шаги заставили меня обернуться, внося перемену в мои планы. С балкона спускался Холмс, одетый по-дорожному, с надвинутым на глаза капюшоном; его сопровождал какой-то незнакомец, что-то почтительно ему говоривший, поспешную речь которого Холмс изредка прерывал односложными замечаниями. В одно мгновение все сделалось для меня ясным: знаменитый сыщик пускался в одно из своих столь захватывающе-интересных и поучительных странствований. Не воспользоваться таким удобным случаем показалось мне равносильным преступлению, и я, несмотря на весь конфуз и стеснение, прямо устремился навстречу к нему. После краткого разговора, Холмс уступил моей настойчивой и горячей просьбе, результатом которой было то, что, захватив с собою свое пальто и револьвер, я уместился на автомобиле возле него. Металлическая громада громко вздохнула и, выбравшись на дорогу, понеслась с головокружительной скоростью вперед, прорезывая своими снопами света, наподобие молнии, непроницаемую темную завесу, плотно окутавшую нас со всех сторон.

До самого конца моей жизни мне, я уверен, не придется испытать ничего подобного. Мотор, управляемый искусной рукой полицейского-шофера, бешено летел, минуя миевые столбы, взносясь на откосы, перерезая разнокалиберные мосты и пронизывая погруженные в сон живописные деревни. Ветер неистово свистел, забирался за наши поднятые воротники и рвал шляпы. Было что-то демоническое, что-то сверхъестественное в этом неудержимом беге исполинской машины с четырьмя закутанными силуэтами, вырисовывавшимися на тусклом фоне отраженных лучей.

Под шум и грохот неизвестный спутник, оказавшийся пресловутым Лэстрадом, рассказал нам следующее:

Месяца полтора тому назад в том маленьком провинциальном городке, куда мы теперь спешили, поселился некий джентльмен средних лет по фамилии Бересфорд. Наняв небольшой особняк, он начал вести уединенный образ жизни, вызванный, как он сам объяснял своим соседям, с

которыми ему хотя и чрезвычайно редко, но приходилось сталкиваться, необходимым спокойствием в целях укрепления нервной системы, распатанной им в Лондоне от усиленной работы. На первых же порах своего пребывания Бересфорд обзавелся служанкой. Место это заняла молодая девушка Эмилия, отошедшая от последних господ с прекрасным отзывом и прослужившая у них целый ряд лет. Эта самая Эмилия была единственной прислугой у Бересфорда, но, невзирая на то, управлялась, так как хозяйство и требовательность названного господина не выходили из крайне умеренных рамок. В общем, судя по тому, что соседи Бересфорда никогда не слышали от него ни окрика, ни брани по адресу служанки, можно вывести заключение, что он был доволен ею.

Прошло полтора месяца. В прошлую среду Бересфорд объявил своей служанке, что он должен уехать кое-куда по делам на небольшой промежуток времени и просил ее хорошенько смотреть за домом, обещав наградить по приезде. Вечером он уехал. После его отъезда Эмилию видели как на улице, так и на рынке, куда она ходила за покупками каждое утро, ровно один день, на второй же она исчезла бесследно. Поднялась на ноги местная полиция, перевернула дом вверх дном, но Эмилии не нашла.

Наконец, через два дня после исчезновения служанки, труп ее, порядком разложившийся, был обнаружен прибитым к берегу речонки, протекающей по городскому предместью. Это произошло вчера. В это время в городе как раз случился Лэстрад, приехавший по делам в местное полицейское управление. Он взглянул на случившееся со своей точки зрения — опытной ищейки, проработавшей долгое время под руководством Холмса — но, прийдя после упорных, но тщательных попыток к заключению, что случай слишком сложен и запутан, чтобы обойтись без вмешательства Холмса, проживающего к тому же под рукой, с наступлением вечера помчался на автомобиле за знаменитым сыщиком, предварительно предупредив его депешей. Обращение Лэстрада да за помощью к Холмсу после того, как тот уже оставил свою деятельность, и слова его «с наступлением темно-

ты», между тем как было видно, что в стремлении сохранить труп в наивозможно меньшей степени разложения ему была дорога каждая минута, признаюсь, немало удивили меня, но я промолчал, находя, по меньшей мере, неделикатным пускаться в расспросы подобного характера. Холмс внимательно вслушивался в рассказ Лэстрада, хотя по всему было видно, что в главных чертах он ему уже известен.

Без четверти двенадцать мы влетели в полузаснувший городок и, первым делом, согласно желанию Холмса, направились к городскому моргу. Морг, низенькое, мрачное здание, светился огнями, когда мы подкатили к нему. Нас встретили смотритель и сторож.

— Доктор был? — отрывисто спросил Лэстрад смотрителя. Послышался утвердительный ответ.

— Я распорядился вызвать доктора, — обратился Лэстрад к Холмсу, — и сделать медицинский осмотр, чтобы установить...

Холмс одобрительно кивнул головою.

Мы вошли в сводчатый зал, насыщенный специфическим запахом гниющего тела.

В конце его, по соседству с несколькими вакантными ложами, покоился труп молодой девушки, сильно вздутый и посиневший.

Холмс потребовал докторское свидетельство и лампу с рефлектором. Пробежав первое, он взял лампу и поставил ее на возвышение в ногах трупа, перпендикулярно к нему. Потоки сильного электрического света полились на труп и близлежащие предметы, сделавшиеся строго отчетливыми. Холмс сбросил простыню, покрывавшую мертвеца, и углубился в исследование. Минут пятнадцать стояла полная тишина, прерывавшаяся по временам каким-нибудь причудливо-таинственным звуком морга или сдавленным кашлем одного из нас.

Я напряг все свое внимание, стараясь не упустить ни одной самой незначительной подробности в происходившем передо мной исследовании. Холмс весь ушел в свою работу. Сосредоточенный, ловкий и невозмутимый, он медленно двигался в своем исследовании от ног к голове, тщательно

но прощупывая каждую небольшую область и прибегая, в случае надобности, к лупе.

Когда Холмс добрался до шеи, лицо его нахмурилось и он, вооружившись лупой, прошелся от одной скулы к другой.

— Лэстрад, вы видели это? — обратился Холмс.

Лэстрад наклонился, за ним я. Почти на границе затылка и шеи, среди волос, виднелись две ссадины, одна — пониже, в виде прямой, другая — повыше, в виде кривой. Такая же ссадина виднелась под правой щекой.

— Да, — ответил Лэстрад.

— Что же это, по-вашему?

— Следы порезов обо что-нибудь.

— Вы думаете? А это вы видели?

Холмс загнул левое ухо трупа.

Тонкая кожица казалась разъеденной чем-то.

— Да, — ответил опять Лэстрад.

— Что вы скажете относительно этого?

— По-моему, рыбы.

— Нет, вы ошибаетесь. Рыбы грызут, но не перетирают. Между тем, мы можем констатировать факт трения. Волокна показывают нам это. Сопоставив все вместе, мы получим ярко, но неправильно выраженный след веревки. Во вскрытии надобности нет.

Холмс осмотрел еще хорошенько голову, после чего поднялся.

— Больше мне ничего не надо. Благодарю вас, — обратился он к зрителю.

Знаменитый сыщик оделся и, провожаемый зрителем, взобрался на автомобиль. Лэстрад и я последовали его примеру, и снова сонный город огласился звуками плодов цивилизации. Второй и последней точкой отправления изысканий Холмса был дом-особняк, занимаемый Бересфордом. Он оказался двухэтажным и состоял из кухни и пяти комнат, трех внизу и двух наверху.

Внизу помещались: кабинет, гостиная и столовая, наверху — спальня и уборная.

Черный ход был на цепочке, парадный имел американ-

ский замок с двумя, как потом оказалось из свидетельских показаний, ключами, один у хозяина, другой у прислуги. Вокруг дома был разбит маленький садик.

Холмс начал свой осмотр прямо с кабинета, темноватой четырехугольной комнаты с одним низеньким книжным шкафом, письменным столом, высокою деловой конторкой и кожаным диваном с двумя такими же креслами. Порывшись с полчаса в шкафу, в кипе журналов и книг различного содержания, Холмс перешел к письменному столу. Были открыты все ящики, пересмотрено все содержимое, но Холмс продолжал хранить молчание, не приходя, по видимому, ни к каким результатам.

Настала очередь за конторкой. Опять ничего.

Наконец, осмотр кабинета кончился. Но перед тем, как пуститься в дальнейшие розыски, Холмс пожелал лично выслушать показания свидетелей: соседей и торговцев рынка. Показания, в общих чертах, ничем существенным не разнились от рассказа Лэстрада, только по окончании их Холмс вышел в гостиную и обратился к свидетелям с вопросом, не знает ли кто из них, сколько ключей имелось в распоряжении обитателей данного дома?

На вопрос этот отозвалась одна из соседских служанок, подруга умершей, заявив, что, со слов покойной, их было два, чтобы не будить уставшую прислугу в тех случаях, когда Бересфорд возвращался домой со своих, так любимых им, поздних прогулок. Отпустив свидетелей, Холмс, минуя гостиную и столовую, поднялся сразу наверх и проник в спальню. Здесь его внимание сейчас же остановилось на пачке газет, лежавшей на ночном столике у изголовья кровати. Это была «Daily Mail», одна из наиболее дешевых и распространенных английских газет. Холмс принялся по очереди рассматривать каждый номер. Вдруг он выпрямился, быстро вынул свою записную книжку, что-то прочел там, схватил верхний очередной номер и ловким жестом распластал его. На второй странице внизу я увидел пустое пространство в форме прямоугольника, оставшееся от вырезки. Лицо Холмса просветлело, в глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, видимо, он был доволен.

— Теперь я удалюсь в кабинет; мне необходимо пробыть там одному в течение некоторого времени, — пряча в карман газетный номер, обратился Холмс ко мне и Лэстраду, стоявшему около дверного косяка, чтобы видеть лестницу. — Может быть, мы кое-чего и добьемся.

Искусный сыщик заперся в кабинете, Лэстрад остался с полицейским в гостиной, а я вышел освежиться. Был уже третий час. В воздухе чувствовалось наступление летнего утра. Звезды гасли одна за другой, и алая полоса света завоевывала себе на небосклоне все больше и больше места. Где-то прокричал петух, послышалось глухое конское ржание. Несмотря на поздний час, мне не хотелось спать; вздернутые нервы и сознание того, что я присутствую при раскрытии загадочного преступления, совершаемом человеком, имя которого прогремело по всему свету, все это придавало мне неисчерпаемую бодрость и усталости как не бывало.

В самый разгар чудного теплого утра, когда солнце положительно заливало своими алмазными брызгами все вокруг, Холмс, утомленный, но по-прежнему спокойный, показался на пороге гостиной и поманил к себе Лэстрада. Их разговор продолжался с полчаса, после чего Лэстрад, озабоченный и серьезный, уехал на лошадах в Лондон, мы же с Холмсом помчались на том же автомобиле домой.

Дорогой мой спутник не выказывал расположения к разговору, почему я старался по возможности молчать. Перед тем же как разойтись по своим комнатам, Холмс сказал мне следующее:

— В час дня я жду вас у себя в кабинете. Вам будет неинтересно выслушать кое-что.

Я поблагодарил его за совместное путешествие и мы расстались. Только очутившись в своей комнате, я почувствовал сильное утомление: нервный подъем сменился реакцией, вызвав неимоверную слабость. Быстро раздевшись, я юркнул под одеяло и заснул так крепко, как никогда. Правда, сон мой был тяжел, даже кошмарен, но проснулся я лишь от настойчивого жужжания лакея, предупреденно-

го мною накануне.

В час я постучался в дверь кабинета Холмса. Послышалось — «пожалуйста»; я вошел. Холмс, свежий и бодрый, со спокойно-довольным выражением лица, сидел за столом; около него помещалась груда только что полученных газет. Во рту дымилась сигара. В стороне белела какая-то бумажка. Я сел на предложенный мне стул и приготовился слушать.

— Прежде всего, — начал Холмс, — коснемся того, что несомненно интересует вас, именно — вчерашнего приключения. Взгляните сначала на это. — Он взял со стола и подал мне белевшую бумажку, которая оказалась телеграммой подобного содержания:

«Организация расстроена, многие переарестованы, в том числе и Бересфорд, опасность предотвращена. Земно кланяюсь гиганту сыскного дела и горячо благодарю его. Лэстрад».

— Ну-с, перехожу к сути, — сказал Холмс, кладя назад телеграмму.

— При осмотре трупа я наткнулся, как вам известно, на три ссадины, две на шее, близ затылка, третья около правой скулы. Столь близкое соседство всех трех вызвало у меня подозрение, тем более, что ни на лице, ни на лбу никаких поранений не обнаруживалось. Подозрение облеклось в действительность после того, как я заметил изъяз под левой ушной мочкой. Следы трения на перепончатой коже дали мне ясную картину веревки, другими словами, присутствия рук человеческих. Но, вследствие несистематичности полос, сделалось очевидным, что петля была слишком широка, и потому смерть последовала от чего-то другого. Предшествующее тщательное исследование тела опять-таки, как вам известно, не показало наличности смертоносных ран, неповрежденной оказалась и голова, следовательно, причиной трагического исхода могло быть и должно было быть только удушение. Итак, конечное заключение, по окончании осмотра трупа, вылилось у меня в сле-

дующую форму: — Некто, задушив девушку подушкой или ладонью, но не путем сжатия горла, ибо на горле никаких пометок не было, сволок ее тем или другим способом к речке и, накинув на шею петлю с привязанным к веревке камнем, бросил труп в воду, причем размер петли оказался недостаточно точно рассчитанным, т. е. чересчур великим.

Тело опустилось на дно и приняло такое положение: лицо внизу, затылок наверху; общее направление против течения. Тело натянуло веревку. Подбородок являлся несокрушимой препоной для веревки, затылок нет. Сила течения постепенно выбивала голову из петли и, наконец, выбила. Тело всплыло с несколькими ссадинами, в том числе с поврежденной левой заушной перепончатой кожицей, так как лишь уши могли быть тем существенным препятствием со стороны затылка, на котором всякий след ясен. В данном же случае пострадали не оба уха, а одно — оттого, что петля сползала, в силу известных причин, боком.

Далее. На основании учета таких данных, как безупречное поведение молодой девушки, ее серьезность и нравственность и отсутствие знакомств на стороне, из десяти вероятий девять было за то, что умертвил ее ее же барин, а не кто иной. Но, опять-таки, в силу тех же данных, почти все было за то, что убийство совершилось не на романтической почве, а в силу каких-то других, особенных обстоятельств.

В поисках за обнаружением вышесказанных обстоятельств, я начал свой обыск с кабинета, справедливо считая его наиболее интересной комнатой в этом отношении; многолетний опыт показал мне, что кабинет афериста в большинстве случаев служит его ловушкой. Но поиски мои не дали ничего положительного. Дело оказалось сложнее, чем я думал. Тогда я вызвал свидетелей, несмотря на подробный рассказ Лэстрада, допрашивавшего их в свое время, руководствуясь тем, что иногда повторные показания от изменения той или другой фразы или слова проливают лишний свет. Кроме того, тут было замешано еще нижеследующее намерение. Однако, в данном случае, предположение мое не оправдалось: я услышал точную копию. Тогда, по

окончании показаний, я задал известный вам вопрос относительно количества ключей у американского замка, так как, не найдя ничего в кабинете, я сделал вывод, что имею дело с кооперацией, действующей при посредстве личных, но не письменных сношений. Будущее показало, что я ошибся во второй части своего вывода, тем не менее, поставленный мною вопрос вывел меня на истинную дорогу. Когда получился ответ, что в расходе было два ключа, я, убежденный уже в существовании кооперативного заговора, перешел из кабинета в спальню, как вторую по своему значению комнату в таких случаях. Здесь я сразу обратил внимание на груды номеров газеты «Daily Mail»: значит, Бересфорд читает на ночь. Лежа же на кровати, на отдыхе, читающий обыкновенно может более сосредоточиться, чем обыкновенно; раз же так, то на листе могут появиться пометки, характерные для данной личности.

При просмотре номеров мне внезапно бросилась на верхнем поле одного из номеров синяя нотабена; немного ниже чернел знакомый № 450; знакомый вот почему: неделю назад я обратил внимание на следующее оригинальное объявление в означенной газете: *A. B.* (многоточие) крупно наверху, внизу же мелко: *B. G. U. P. 2.* Выписав весь текст целиком, я заметил и номер. Моя память дала о себе знать, как только я наткнулся на газетный лист и, развернув его, я, конечно, первым делом, взглянул на место объявления; оно отсутствовало.

Итак, шайка нашла более удобным в последний момент известить своего сочлена непосредственно, но не через посланцев, как было все время до сих пор, заключил я. Теперь оставалось лишь разобраться в тексте объявления. Я возвратился в кабинет и здесь, после больших усилий, напал на нечто важное. Придя к заключению, что литеры *A* и *B* есть не что, иное как начальные буквы имени и фамилии, я в то же время не упустил из виду, что рукописная буква *B* есть число *тринадцать*. Поэтому 13 ящик в конторке сделался объектом моего самого упорного внимания. Долго пришлось мне провозиться с ним; наконец, я нашел потайную кнопку, нажав которую, обнаружил секретное отделение.

Из бумаг, оказавшихся там, в форме писем, записок et cetera, сделалось очевидным, во-первых, что некая организация задалась целью уничтожить существующее министерство путем одновременного умерщвления всех министров; во-вторых, что в организации существует несколько активных членов, каждый из которых, впредь до распоряжения, долженствовавшего изойти в форме газетного объявления от группы центральных членов-основателей и руководителей, у которых первые состоят на службе, жил в каком-либо месте поблизости от Лондона; в-третьих, что активные члены не более и не менее, как люди с очень скверным прошлым; в-четвертых, что Бересфорд один из них; и в-пятых, что объявление надо читать так:

«*Всем (А. В. ...). Все готово. Риджентская улица, 2*»; то есть общее и окончательное собрание назначено там. Но являлся вопрос: на когда было назначено общим собранием огульное преступление? Не было ли уже поздно? Вот почему на обратном пути я молчал: всякая лишняя минута значила смерть. Из телеграммы же Лэстрада видно, что мы не опоздали; накрытые члены повывадали и других. Таким образом, дамоклов меч, грозивший нанести удар смуты и позора моему отечеству, пал на голову тех, кто оттачивал его. Но остается еще два пункта, неясные для вас, это число *13* и смерть служанки. Как я только что говорил, литеры *A* и *B* дали мне повод думать, что они начальные буквы имени и фамилии Бересфорда. Я не угадал их истинного значения, но мое предположение относительно *13* оказалось, хотя и случайно, совершенно правильным. Бересфорд (настоящая его фамилия пока еще не установлена), пользуясь комбинацией *B* и *13*, чтобы не спутать № ящика и не терять понапрасну времени, устроил секретное отделение в ящике № 13. Вот и все.

Относительно же служанки, во-первых, на основании бумаг, в которых ни одним словом не упоминается о необходимости г. г. активным членам избавиться от их прислуги перед тем, как им придется приступить к своим обязанностям, во-вторых, на основании отсутствия аналогичных случаев в местах жительства других активных членов коо-

перации, ясно одно: факт неожиданен, т. е. Бересфорд, узнав, что она невзначай увидела или услышала кое-что, решил избавиться от нее, вернувшись для этой цели из Лондона через день после своего отъезда.

Холмс замолчал и принялся курить. Я с чувством невольного уважения, с примесью доли благоговения, смотрел на удивительного человека, сидевшего передо мною: сколько бескорыстия, сколько такта, какое отсутствие афишировки было в нем.

Докурив сигару, Холмс встал, прошелся несколько раз по комнате, затем снова сел. Лицо его сделалось серьезнее обыкновенного, на лоб легла морщина.

— Прежде сказанное было первую частью нашей беседы, теперь очередь за второй, — отнесся он ко мне. — Так как, участвуя со мною в вчерашнем походе, вы уже отчасти проникли в тайну, окружающую меня, то я считаю нужным открыть ее всю, прося при этом, чтобы наша с вами встреча была обнародована только в России, и то через год. Год тому назад я встретил впервые в своей жизни женщину в полном смысле этого слова, кроткое, нежное, благородное существо. Мы полюбили друг друга. Оставалось подать другу руки для прохождения остатка жизненного пути, но тут на сцену явился ее отец, герцог Н. Как аристократ до мозга костей, он взглянул на мою деятельность сквозь собственную призму, как горячо любящий отец, заговорил о постоянной опасности, которой должна подвергаться его дочь и вместе с тем я, ее близкий человек; и вот из-за дорогого мне существа, щадя к тому же старика в его преклонных годах, я согласился прекратить свою деятельность вплоть до смерти герцога. Но вы понимаете, что значит отречься от того, что въелось в плоть и кровь вашу, что пропитало насквозь каждый фибр вашей души? Я слишком фанатик, чтобы окончательно перестать исповедовать свой догмат. И я продолжаю работать на дорогом для меня поприще, но изредка и украдкой, всеми силами избегая огласки. Поэтому-то Лэстрад и другие мои соратники приезжают за мною только ночью, клиентов же я абсолютно не принимаю. Что же касается до моей жены, то этот чудный че-

ловек понимает меня и хранит тайну; в данный момент она гостит у своих знакомых, в нескольких милях отсюда. Я вижу в вас порядочного человека и потому надеюсь, что наш разговор останется между нами не менее чем на год и будет обнародован только в России, — закончил Холмс, обращаясь ко мне.

Я пожал протянутую мне благородную руку и дал слово.

Через час я покинул гостеприимный кров великого гуманиста, настоящая оценка которого не замедлит появиться на скрижалях будущей истории.

[Г. С.]

НОЖ ТАНЦОВЩИЦЫ

**Последние приключения
Шерлока Холмса**

К.-ДОЙЛЬ

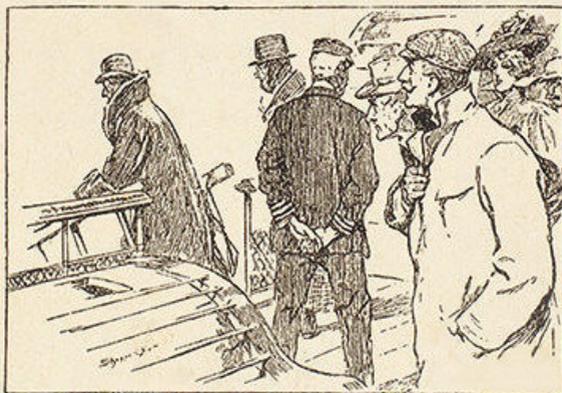
НОЖЪ ТАНЦОВЩИЦЫ

(The knife of a dancing girl)

Послѣднія приключенія

ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Переводъ съ рукописи



С.-Петербургъ, Тип. „Герольдъ“, 7 рога, № 26
1908

Накануне я долго занимался, перебирая старые бумаги, потому и проспал утром свой обычный час вставанья.

Громкий стук в дверь разбудил меня.

— Вставайте, мистер Ватсон, — услышал я знакомый голос хозяйки, миссис Пэгги Уорнер, — к вам пришел мальчик от мистера Холмса с запиской.

— Пошлите его сюда.

Записка моего друга была чересчур лаконична:

«Я приехал. Вы мне нужны. Приходите сейчас».

Меня изумило появление Холмса в Лондоне. Не более трех дней, как он уехал на остров Уайт, усталый после большого дела, которым он занимался долгое время. Он намерен был целый месяц отдохнуть на острове и неожиданно вернулся обратно через три дня.

«Несомненно, что-нибудь важное заставило его так поспешно возвратиться в Лондон», — решил я и, быстро одевшись, отправился к моему другу.

Я нашел его, курящего трубку, в обычной позе у камина.

— Я был уверен, что вы придете. Вы мне нужны.

Мое любопытство по поводу его неожиданного возвращения усилилось, я не мог удержаться от вопроса:

— Скажите, Холмс, какая причина побудила вас прервать ваш отдых и вернуться сюда?

Чуть заметная усмешка пробежала по губам моего друга; он ничего мне не ответил, молча вытащил из кармана вчерашний номер «Таймс» и указал на небольшую репортерскую заметку, подчеркнутую синим карандашом.

Она была озаглавлена так:

«САМОУБИЙСТВО В СТОКГОЛЬМЕ БАРОНЕТА КОКСВИЛЛА»

«Из Стокгольма нам телеграфируют: баронет Эльджернон Коксвилл, член палаты лордов, один из самых богатых земельных собственников Соммерсета, неожиданно для всех

покончил жизнь самоубийством. Он уже делал несколько попыток самоубийства, но, благодаря чистой случайности, их удавалось предупредить. Последний раз он взобрался на народном гулянье Скансен на башню Бредаблик, хотел броситься вниз с верхней площадки, но вовремя был удержан сторожем. Еще раньше он выстрелил себе в грудь из револьвера, но тот дал осечку. Не так счастливо отделался баронет в третий раз. Хотя за ним следили, сэр Эльджернон улучил время и, обманув бдительность тех, кто за ним наблюдал, исчез из отеля. Кто-то видел, как он на небольшой лодке, взятой, как оказалось, на пристани у Норрборо, быстро греб по направлению к выходу из залива в открытое море. Пустую перевернутую лодку нашли на другой день прибитой к стенам Ваксхольма. Настойчивое желание баронета переселиться в лучший мир наконец исполнилось. Титулы баронета и все его огромные поместья, которые он унаследовал не более года назад по смерти своего отца, лорда Реджинальда, переходят к его младшему брату Арчибальду. В настоящее время молодой баронет оканчивает Кембриджский университет».

Прочитав заметку, я возвратил газету моему другу.

— Очень грустная история, Холмс, тем более, что мы оба отлично знали баронета. Да успокоится его мятежная душа!

Из волн табачного дыма показалось сосредоточенное лицо Холмса.

— Вы уверены, Ватсон, что баронет Эльджернон переселился в лучший мир? — пытливо спросил он.

— Мне кажется, Холмс, никаких сомнений быть не может, баронет желал умереть — это видно из его неоднократных попыток покончить с собой.

— Я начинаю думать, Ватсон, что, несмотря на нашу многолетнюю с вами дружбу и ту массу разнообразных дел, которые мы вместе вели, вы мало что усвоили из моей системы и по-прежнему больше разбираетесь в том, как пичкать людей различными «целебными» отварами, чем...

Холмс неожиданно умолк и, выпустив большой клуб дыма, ушел в себя.

Зная характер моего друга, я понял, что он случайно напал на какую-то мысль и не хотел дальнейшим разговором прервать ее течение.

В комнате наступило молчание; от духоты и табачного дыма у меня заболела голова и запершило в горле.

Осторожно, не желая тревожить Холмса, я подошел к окну и открыл его. В комнату ворвался уличный шум.

— Ватсон, — услышал я громкое восклицание моего друга, — идемте же!

— Куда? — изумленно спросил я.

— Гросвенор-сквер, двадцать шесть, к баронету Арчибальду Коксвиллу.

II

Мы отдали наши карточки слуге, он понес их.

— Сэр Арчибальд просит вас, джентльмены, пройти к нему, — сообщил он, возвратившись, — он у себя в кабинете.

Мы прошли анфиладу прекрасно убранных комнат. Старый лорд Реджинальд, отец обоих братьев, был страстный любитель редкостей, и потому комнаты были заставлены всевозможными вещами, представляя собой скорее лавку антиквара или музей, чем жилые апартаменты знатного человека.

На пороге кабинета мы остановились перед опущенной тяжелой портьерой, но, услышав звонкий юношеский голос нового баронета: «Войдите!» — приподняли ее. Я вошел первым.

Из-за старинного стола красного дерева поднялась высокая тонкая фигура сэра Арчибальда, он пошел к нам навстречу.

— Вот приятная неожиданность, — приветливо проговорил он, крепко пожимая нам руки. — Мистер Холмс, я

думал, что вы хорошо проводите время на Уайте, а вы, мистер Ватсон, кажется, предполагали уехать в Швейцарию, подышать горным воздухом! Во всяком случае, дорогие друзья, я чрезвычайно рад вас видеть, в особенности когда меня постигло такое горе, смерть Эльджернона!

На глазах молодого человека заблестели непритворные слезы.

— Я знаю ту тесную дружбу, которая связывала вас с братом, — проговорил Холмс, опускаясь в большое кожаное кресло около стола.

— Да, мистер Холмс, я очень любил брата, весть о его смерти поразила меня, как громом. Но разве можно было думать, что такой жизнерадостный человек, каким был Эльджи, мог решиться на самоубийство! — воскликнул баронет.

— Я был поражен не меньше вас, милорд, — согласился я с хозяином. — Трудно предположить, чтобы человек, имеющий возможность пользоваться всеми благами жизни, не встречающий ни в чем себе преграды, так скоро утомился жить. Если не ошибаюсь, вашему покойному брату было не более тридцати лет.

— О нет, ему шел всего двадцать восьмой год, а мне скоро будет двадцать два.

Холмс, продолжавший молчать, безучастным взглядом окидывал роскошный кабинет, его, по-видимому, не интересовал наш разговор; в продолжение последнего он только один раз что-то записал карандашом на своей левой манжете.

На громадном столе покойного баронета находилось множество всевозможных редких вещей. Они ярко блестили на темно-красном плюше, покрывавшем поверхность.

Рука моего друга совершенно машинально перебирала эти изящные предметы. Один из ножей почему-то особенно обратил на себя его внимание, Холмс взял его и стал рассматривать.

— Вот странно, мистер Холмс, вы, как нарочно, выбрали любимую вещь моего брата, — сказал хозяин. — Я очень редко заходил к нему в кабинет: в университете так много дел, что дома оказываешься нечасто.

Я невольно улыбнулся, отлично зная, что все эти занятия английской молодежи заключаются в непрерывных спортивных тренировках, и не более того.

— Представьте себе, — продолжал баронет, — каждый раз я замечал у Эльджи вот этот самый нож. Не правда ли, странно, мистер Холмс? Мне кажется, будь вы на моем месте, вы, наверное, увязали бы эту непонятную привязанность к ножу с самоубийством моего брата?

— Вы меня заинтересовали этой вещью, милорд, — заметил Холмс. — Если бы я попросил вас дать мне этот нож на некоторое время?

— Возьмите его совсем, мистер Холмс, на память об Эльджи, с которым вы были так дружны.

Холмс небрежно опустил подарок в карман.

— Кстати, вы теперь надолго останетесь в Лондоне? — спросил его баронет.

Мой друг вопросительно взглянул на хозяина.

— Это не праздное любопытство, — поправился покрасневший хозяин, — я сделал распоряжение, чтобы тело моего брата было во что бы то ни стало найдено, и обещал наградить рыбаков и водолазов. Когда его привезут сюда, надеюсь, вы отдадите ему последний долг?

— Едва ли это будет для меня возможно, сэр, так как я завтра намерен уехать в Алжир, — спокойно ответил Холмс.

— А, теперь понимаю ваше возвращение с Уайта. Доктора нашли, что вам необходим более жаркий климат?

Холмс неопределенно ответил:

— Да, другие широты.

Распрощавшись с хозяином, мы ушли.

III

— Ватсон, теперь скорей за дело! Едем, — решительно сказал Холмс, когда мы вышли на улицу.

— Куда? В Алжир, с вами? — изумленно спросил я.

— В Швецию, в Стокгольм. Узнайте, когда отходит пароход, и закажите нам отдельную каюту.

Привычки моего друга были мне известны, я не стал возражать и, позвонив в пароходную компанию, узнал все подробности.

Ближайший пароход «Титания» отходил из Гулля сегодня, в среду, в восемь часов вечера.

Холмс посмотрел на часы.

— Поезд идет через два часа, у нас достаточно времени, чтобы позавтракать и уложить багаж.

Из вещей Холмс взял только два револьвера, мягкую дорожную шапочку и узкий кожаный футляр, который он засунул в боковой карман.

Этот загадочный предмет сопровождал Холмса во всех его экспедициях.

— Посмотрю я на вас, сэръ, — недовольно ворчала почтенная миссис Пэгги, — какой вы непоседа: не успели еще только сегодня утром вернуться домой и опять уезжаете! Куда это вас теперь несет?

— Мы с моим другом Ватсоном отправляемся в Африку охотиться на львов, — удовлетворил любопытство хозяйки Холмс.

— Но ведь это чрезвычайно опасно, мистер Холмс! Уговорите его, мистер Ватсон, не делать такой глупости, ведь мистер Холмс не мальчик, чтобы прыгать по скалам за какими-то дикими кошками!

— К сожалению, миссис Пэгги, я не могу исполнить вашего желания, — иронически ответил Холмс, — на меня возложено это поручение.

— Я не знаю, кто поручил вам такое, но хочу выразить мое негодование по этому поводу, — проговорила миссис Пэгги, возвращаясь из кухни с аппетитной яичницей на сковороде.

— стакан виски с содовой не помешает нам, Ватсон, — сказал Холмс, пододвигая ко мне бутылку.

Мы быстро позавтракали.

— Ждите меня, я вернусь сюда, — коротко бросил мне Холмс, — мне еще нужно сделать кое-какие распоряжения.

С этими словами он вышел.

Я остался один, стараясь привести в порядок свои мысли, чтобы найти логическое объяснение странному поведению моего друга. Миссис Пэгги оставила меня в приятной компании — с бутылкой старого шерри; в ее обществе я незаметно провел время до прихода Холмса.

Лицо его было более озабоченным, чем раньше.

— Узел затягивается еще крепче, — сказал он.

Но я не понял его слов.

— Через пять минут можем ехать, — добавил он. — Миссис Пэгги, пошлите Дика за кебом.

Короче мы уже катили на железнодорожный вокзал.

IV

— Вот ваша каюта, джентльмены, — указал нам помощник капитана, искоса взглянув на скудный багаж, который я держал в руках. «Титания» своевременно отчалила от пристани. Вскоре после отплытия колокольчик стюарда пригласил пассажиров к вечернему чаю в общую столовую.

Отправились и мы с Холмсом; но едва мы только вступили в ярко освещенную электричеством большую каюту, мой друг, окинув пытливым взглядом присутствующих, быстро повернулся к выходу, прошептав мне:

— Вы оставайтесь здесь, Ватсон, а я велю подать себе чай в каюту, у меня вдруг закружилась голова.

Хорошо зная Холмса, я понял, что среди пассажиров оказался кто-то, кого он избегал. Меня это заинтересовало, и я остался в столовой. Пассажиров первого класса, исключая нас, было всего пять человек: две дамы и трое мужчин.

Когда путешествуешь на пароходе, как-то быстрее сближаешься с людьми, предназначенными тебе в спутники на несколько дней, тем более что с ними приходится встречаться три раза в день за общим столом.

Общество оказалось очень приятным: отставной капитан из Кейптауна, ехавший в Упсалу, где жила его замужняя дочь; сотрудник большой спичечной фабрики в Стокгольме, Сэнберг, серьезный, глубокомысленный швед, приезжавший в Лондон по делам своей фирмы, и атлет Джонни Эдерсон, ехавший в Копенгаген на международные соревнования борцов.

Одна из дам, пожилая шведка, была женой бургомистра из Мальмё, другая, очень красивая шатенка с темными глазами и загадочным взглядом, — артисткой, выступавшей в одном из лондонских варьете. Звали ее Акка Субитова, она была русской по происхождению.

Чрезвычайно веселым рассказчиком оказался капитан: он точно из мешка вытаскивал массу различных анекдотов, темой которых была преимущественно его жизнь в южноафриканских колониях. Хвастовство «чемпиона мира», как себя называл Эдерсон, превосходило пределы возможного — даже угрюмый швед не мог не улыбнуться, выслушав его рассказ о схватке рукопашную с североамериканским гризли. Смеялась и артистка. Ее смех поразил меня — он был какой-то особенный, в нем не чувствовалось веселья. Жена бургомистра, очень болтливая дама, с любопытством стала расспрашивать меня о моих ост-индских впечатлениях, когда я сообщил ей, что состоял там раньше на службе.

Составив мнение о своих собеседниках, я никак не мог понять, кого из них решил избегать Шерлок Холмс.

— Уверяю вас, Ватсон, что у меня действительно закружилась голова, — сказал он мне, когда я вернулся в нашу каюту и задал ему этот вопрос. Холмс сидел у маленького столика и продолжал делать в записной книжке какие-то заметки. Возле него на столе лежал подаренный лордом Коксвиллом нож. Не желая мешать моему другу заниматься, я взял нож в руки и стал рассматривать.

Сталь оказалась превосходного качества. Меня поразило странное клеймо завода — оттиск был сделан на незнакомом мне языке.

— Кстати, Ватсон, откройте иллюминатор, я так здесь накурил, что нам будет не уснуть, — сказал Холмс.

Я выполнил его просьбу. Возвратившись к столу, я заметил, что ножа там уже не было.

— Я знаю, Ватсон, что вы привыкли выпивать на ночь стакан доброго красного портвейна, и уже позаботился об этом, — смеясь, произнес он, вытаскивая из-под стола бутылку. — Ах да, я совершенно забыл вам рассказать, кого я посетил в то время, пока вы ожидали меня дома!

Я насторожился.

— Мне пришло на память, что я не успел выразить своего сожаления по поводу кончины баронета Коксвилла леди Ферфакс, чья дочь Маргет была объявлена невестой баронета. Бедняжка так любила своего жениха, что я застал ее в слезах. Она была одета в глубокий траур. И, нужно прибавить, он чрезвычайно шел к бледному личику блондинки.

— Что же она думает по поводу самоубийства жениха?

— Она отказывается верить тому, что покойный баронет мог с собой покончить: «Он слишком любил жизнь... и меня» — так она говорит.

— Значит, вы, Холмс, подозреваете, что дело здесь идет не о самоубийстве?

— Вполне уверен, что наш добрый друг не сам ушел из этого мира.

— Вы предполагаете убийство?

— Ватсон, к чему преждевременные предположения и гипотезы? Нужно все исследовать на месте и тогда уже...

Холмс, не закончив фразы, вынул из кармана загадочный нож.

— Мне кажется, что в этом предмете и есть разгадка. Однако поздно, давайте спать.

V

Холмс рассердился, когда узнал, что наш пароход довольно долго простоит в Копенгагене.

— Я бы рад перебраться на другой, идущий в Гетеборг, оттуда по железной дороге мы скорее доехали бы до Стокгольма, но обстоятельства заставляют нас продолжать путь на этом пароходе.

Он по-прежнему не выходил из каюты, а если появлялся на палубе, то только ночью, когда все пассажиры уже спали.

— Знаете, Ватсон, при дневном свете я совсем не могу находиться на палубе, голова кружится, — говорил он.

Когда мы вышли в Балтийское море и были уже недалеко от столицы Швеции, Холмс, ввиду каких-то ему одному известных обстоятельств, все-таки выбрался при дневном свете на палубу. Моего друга трудно было узнать: его лицо было повязано платком, точно он страдал зубной болью, на плечи накинут дорожный плед, в который он ушел по самые уши, дорожная шапочка плотно надвинута на лоб, и из-под нее блестели зоркие глаза, будто Холмс за кем-то следил.

Заметив появление так странно одетого Холмса, капитан-«африканец» с любопытством спросил меня:

— Вероятно, ваш друг очень болен, что он весь так закутался?

— Да, его страшно мучает невралгия.

— Куда вы с ним едете?

— Мы направляемся в... — уже хотел было я назвать цель нашего путешествия, но внимательно слушавший нас Холмс вовремя помешал моей болтливости.

— Мы следуем в Энчопинг, к доктору Лунквисту, — страдальческим, совершенно чужим для меня голосом проговорил Холмс, — мне так много о нем рассказывали, что я решил обратиться к нему за врачебной консультацией.

Появление мнимого больного на палубе привлекло к нему внимание и других, не сошедших в Копенгагене пассажиров. Русская артистка серьезно посоветовала моему другу ехать куда-то на юг России и брать там грязевые ванны.

— Спасибо вам за совет, — ответил ей Холмс, — я, несомненно, воспользуюсь им в скором времени.

Пароход вошел в группу красивых шхер и теперь скользил извилистыми проливами меж скалистыми, покрытыми зеленью островами.

Скоро мы приблизились к серой угрюмой крепости, точно выступавшей из воды.

— Это Ваксхольм, — указал швед русской артистке на массивное здание.

Безучастно смотревший на красивую панораму Холмс чуть заметно вздрогнул и взглянул на суровую крепость. Сотрудник спичечной фабрики что-то оживленно говорил по-шведски жене бургомистра; я случайно уловил в его рассказе имя баронета Коксвилла и хотел сообщить об этом моему другу, но заметил, что Холмс, умевший, когда нужно, предельно напрягать слух, сам не упускал ни слова из их разговора.

Узнав о намерении моего друга отправиться в Энчопинг, сотрудник спичечной фабрики любезно сообщил нам, что мы сейчас вряд ли застанем знаменитого доктора.

— Я знаю, что в конце июля он всегда ездит отдыхать в свое имение около Упсалы.

— Очень жаль, — со вздохом промолвил Холмс, — в таком случае нам придется подождать его здесь, в Стокгольме.

— Вы ничего не потеряете, если осмотрите город и окрестности, — с гордостью сказал швед, — они достойны внимания каждого путешественника. Недаром Макс Нордау так восторженно писал о них!

— Благодарю вас, сэр, может быть, вы подскажете нам, где лучше всего остановиться?

— Хороших отелей в Стокгольме очень много, но я бы посоветовал вам «Grand Hotel», — ответил швед, явно довольный нашей просьбой. — Мадемуазель тоже там останавливается, — сообщил он.

Пароход входил в Стокгольмскую бухту. Навстречу нам неслись маленькие белые пароходики, полные народу. Оттуда звучала духовая музыка.

— Сегодня воскресенье, — пояснил сотрудник фабрики, — наши горожане отправляются гулять на острова.

«Титания» начала причаливать к набережной.

Мы сошли на берег и пешком отправились в «Grand Hotel» — его красивое здание с развевающимся флагом горделиво отражалось в водах фьорда.

Акка Субитова раньше нас поехала туда в экипаже.

VI

— Теперь мы на месте, пора за дело, — заметил Холмс, когда мы остались вдвоем в отведенном нам номере.

Немного спустя мы снова вышли в вестибюль отеля.

На доске, где записывались имена приезжих, против нашего номера стояло: «Чизвинг, нотариус» и «Джон Фокс, доктор из Гулля».

Из какой-то странной предосторожности Шерлок Холмс не желал сообщать наши настоящие имена. Не знаю, была ли это случайность, но русская артистка поселилась в соседней с нами комнате.

— Ватсон, оставайтесь здесь, в вестибюле, курите, пейте виски с содовой, здесь не жарко и расставлены такие удобные кресла. Задача ваша будет состоять в том, чтобы следить, не придет ли кто-нибудь к нашей соседке. Это легко будет исполнить, потому что посетитель наверняка обратится к портье.

— А вы уйдете?

— Да, мне необходимо осмотреться на местности. Вы можете разговориться вон с тем важным портье, похожим скорее на лондонского банкира, и как бы случайно вынудить его рассказать вам, что он знает о покойном баронете.

Я начинал понимать план моего друга.

— Помните только, Ватсон, вы должны точно выяснить время, когда покойный баронет находился в отеле и когда его там не было.

Я отлично сознавал, что задача, порученная мне, не из легких, и решил употребить все усилия, чтобы справиться с ней как можно лучше.

Холмс ушел.

Я уселся в удобное мягкое кресло, как будто предназначенное для размышлений, и задумался. Новое дело меня весьма заинтересовало, но я не очень понимал смысл поручения, которое дал мне Холмс.

«Какая логическая связь между самоубийством баронета и русской артисткой — танцовщицей из варьете? Почему Холмс так тщательно избегал ее на пароходе?» Теперь я убедился, что именно эта женщина вызывала у него какие-то подозрения.

Важный портье, заметив мою небрежную позу, сам подсел ко мне и на хорошем английском языке сказал:

— Если джентльмены желают осмотреть Стокгольм, то в отеле имеется превосходный выезд с выносной упряжью и одетыми в красную ливрею грумами.

Прежде чем я успел что-либо ответить, он продолжил:

— Надеюсь, сэр, я доставлю вам большое удовольствие, сообщив, что этим экипажем пользовался для осмотра Стокгольма сам принц Уэльский, когда инкогнито посетил наш город. Кроме него, много знатных англичан, останавливавшихся в нашем городе, постоянно пользовались этим выездом. Одним из последних был баронет Эльджернон Коксвилл...

Портье сразу замолчал, видимо, не решаясь сообщить о его самоубийстве.

— Это тот, который бросился в залив? — спросил я моего словоохотливого собеседника.

— Увы, сэр, действительно, это был достопочтенный джентльмен! Мы не вольны, сэр, в нашей жизни. Судьба, помимо нашей воли, распоряжается нами по-своему. Со мной она тоже зло пошутила: я, кандидат юриспруденции, должен был заняться работой, совершенно не подходящей к моим знаниям, — продолжал портье, забывая, что любой юрист охотно поменялся бы с ним местом, принимая во внимание его немалые доходы, — отель процветал.

С лестницы спускалась наша спутница по пароходу, русская артистка; заметив меня, она приветливо кивнула мне и спросила:

— Ну что, знаменитый доктор еще не приехал?

— Нет, — отозвался я, невольно любуясь стройной фигурой танцовщицы и ее красивым лицом. — Нам придется подождать его здесь несколько дней.

— А я спешу в театр, — сказала она, хотя я ее не спрашивал. — Мне нужно поговорить с пригласившим меня директором. — Еще раз кивнув, она исчезла из вестибюля.

Портье, все это время молчавший, снова заговорил.

— Может быть, вам, сэр, угодно будет пройти позавтракать, ресторан у нас тут же, внизу?

— Нет, я подожду своего друга, — ответил я и, стараясь навести моего собеседника на прежнюю тему о самоубийстве баронета, добавил:

— В газетах пишут, если я не ошибаюсь, что покойный баронет Коксвилл дважды покушался на самоубийство и, между прочим, один раз у вас здесь, в отеле.

— Это ошибка репортера, сэр, он стрелял в себя вовсе не здесь, а там, наверху, на Мозебакене, в ресторане. Все время, пока баронет жил у нас, он был чрезвычайно весел, шутил со мной.

— Его посещал кто-нибудь? — продолжал я расспросы.

— К сожалению, нет — у баронета не было друзей, но он и без них весело проводил время.

В вестибюль вошел какой-то бритый господин, с виду похожий на актера.

— Скажите, пожалуйста, госпожа Акка Субитова приехала? — спросил он.

— Да, но ее сейчас нет в отеле, — ответил портье.

На лице бритого показалась довольная улыбка.

— Хорошо, я зайду позже, — сказал он и ушел.

— Этот господин и еще другой ежедневно, вот уже несколько дней, справляются о госпоже Субитовой, — пояснил портье.

— Вероятно, ее сослуживцы-артисты, — заметил я спокойно, хотя был поражен тем, что Холмс предвидел это посещение. Судя по имеющимся фактам, наша экспедиция обещала быть чрезвычайно значимой.

— Представьте, сэр, — разболтался портъе, польщенный моей с ним откровенностью, — после самоубийства вашего соотечественника две его комнаты продолжают пустовать, потому что новые постояльцы не хотят в них селиться. И зря! До чего прелестные апартаменты!

— Интересно было бы на них посмотреть!

— О, пожалуйста, сэр! Пока вы ждете вашего друга, можете осмотреть комнаты!

Он позвал одного из мальчиков-слуг, дежуривших при лифте.

— Оскар, проводи господина во второй номер.

Я уже стал подниматься с моим провожатым по лестнице, как услышал голос вернувшегося Холмса:

— Пойдите, я с вами.

Звонко щелкнул замок двери, и мы вошли в богато обставленную комнату.

— Это была приемная баронета, а здесь он спал, — указал мальчик.

Холмс бегло окинул взглядом обе комнаты.

Взор его остановился на колпаке электрической лампы, стоявшей на столике у кровати.

На нем висел со стороны кровати обрывок почтовой бумаги, который почему-то не тронули при уборке комнаты.

Вероятно, постоялец имел привычку читать в кровати и, чтобы защитить глаза от яркого света лампы, устроил этот импровизированный абажур.

— Какой прекрасный вид из окна, — быстро проговорил Холмс, — а что это за пароход пристает к набережной?

Услужливый Оскар посмотрел в окно, и этого времени было достаточно, чтобы мой друг быстро схватил обрывок почтовой бумаги и зажал его в руке.

Спустя минуту мы вышли из номера.

Мальчик с благодарностью поклонился, ощутив пальцами монету, которую я поспешно сунул ему в руку.

VII

Холмс, вернувшись в номер, сел у стола, положил на него смятую бумажку и начал ее разглаживать. Она оказалась начатым, но недописанным письмом.

Заинтересовавшись этим обрывком, я наклонился через плечо Холмса и прочитал:

*«Стокгольм, восемнадцатое июля тысяча девятьсот...
Обожаемая Маргет! В последнем отправленном тебе письме я сообщил, что вернусь в Англию не раньше, чем через две недели, но меня охватило такое страстное желание тебя увидеть, что я решил выехать отсюда через два дня. Эти два дня необходимы мне для того, чтобы съездить на один из островов, куда меня приглашает владелец редкой коллекции древнего оружия, — хочу кое-что купить у него. К сожалению, с островом нет пароходного сообщения, и мне придется плыть на лодке...»*

На этих словах письмо прерывалось: по-видимому, писавший раздумал его дописывать и отправлять.

— Заметьте, Ватсон, письмо это от восемнадцатого июля, сегодня у нас двадцать пятое, а самоубийство произошло девятнадцатого, — проговорил Холмс. — Трудно предположить, чтобы мысли баронета так резко изменились всего за одни сутки, и вместо того, чтобы оказаться в объятиях любимой невесты, он решил умереть.

— Но я до сих пор не могу понять, Холмс, какое отношение имеет к этой таинственной драме русская танцовщица?

Легкая усмешка пробежала по лицу моего друга.

— Я вижу, Ватсон, что ваша сообразительность становится уже не такой, как прежде!

Насмешка Холмса меня немного обидела, что он тут же заметил.

— Не сердитесь, друг мой. Кстати, расскажу вам, что успел сделать. Я был в Скансене, видел сторожа на Бредаб-

лике, он сказал мне, что действительно пятнадцатого июля один англичанин хотел броситься вниз с башни. Ему удалось остановить его, об этом инциденте было заявлено в контору, и покушавшийся на самоубийство назвал себя бароном Коксвиллом. Я попросил сторожа описать мне его внешность. Она вполне совпадает с наружностью Коксвилла. Меня только поразила одна маленькая подробность.

— Какая?

— У баронета Коксвилла были темно-серые глаза, а сторож уверяет, что они сверкали, как угли. Насколько я знаю, уголь никогда не бывает серого цвета.

— В такую тревожную минуту сторож легко мог ошибиться и принять один цвет за другой.

— Не спорю, очень может быть. Но чем объясните вы, Ватсон, следующее: из Скансена я отправился на Мозебакен и, поднявшись на подъемнике, вошел в ресторан, где случилось второе покушение нашего друга на самоубийство. Найти свидетелей оказалось нетрудно. Но есть одна странность. Вероятно, вы помните, что у Коксвилла были превосходные белые зубы, но люди, удержавшие его от выстрела, все, как один, уверяли меня, что у баронета недоставало в верхней челюсти правого резца.

— Неужели, Холмс, вы не допускаете, что он мог его выбить за это время? Вы сами знаете, каким отважным боксером был Эльджернон.

— А вы узнали что-нибудь от портье?

Я передал ему наш разговор с несостоявшимся юристом и заодно сообщил о бритом посетителе, приходившем к танцовщице.

— Что же вы раньше мне ничего не сказали! — вскричал Холмс.

— Вы об этом меня не спрашивали.

Холмс закурил, по обыкновению, трубку и погрузился в раздумье.

Спустя некоторое время он резко повернул ко мне голову:

— Ступайте, дружище, снова в вестибюль и не пропустите давешнего посетителя; если он войдет в комнаты рус-

ской, немедленно сообщите мне.

— Удобно ли мне будет оставаться внизу? Не возбудит ли это подозрение?

— Какой вы непонятливый, Ватсон: рядом с вестибюлем на три ступеньки вверх находится ресторан; займите стол у двери и прикажите подать вам завтрак. Оттуда весь вестибюль как на ладони.

Я спустился, и портье поприветствовал меня как старого знакомого.

— Какие есть красивые женщины на свете! — заметил он, подмигивая. — Сейчас вернулась русская и несколько минут разговаривала со мной. Я рассмотрел ее! Красавица! Но, Боже мой, как она была недовольна, что тот, бритый, не застал ее в отеле.

Я занял свой наблюдательный пост за столом.

Бритый мужчина не показывался.

Я позавтракал и, желая протянуть время, медленно курил сигару и пил пунш. Мои ожидания были не напрасны. Незнакомец явился и, задав привычный вопрос портье, стал подниматься по лестнице. Я быстро вернулся в номер, поднявшись на лифте, чтобы опередить «бритого».

— Пришел? — встретил меня вопросом Холмс.

Я молча кивнул. Холмс бросился к двери, соединяющей нашу комнату с соседней, и приложил глаз к отверстию, проделанному им за время моего отсутствия. Потом он приставил к двери ухо и слушал долго и внимательно. Лицо его от неудобной позы покраснело.

— Я мало что понял, они говорят по-немецки на особом диалекте, — недовольно заметил мой друг.

Разговор в соседней комнате продолжался довольно долго, пока щелчок замка не дал нам понять, что таинственный посетитель ушел.

Холмс заторопился, надел повязку на лицо и быстро выбежал из номера, бросив мне в дверях:

— Разузнайте точное время прихода и ухода баронета из отеля.

VIII

Узнать точное время, когда баронет бывал в номере и когда покидал его, представлялось мне чрезвычайно трудным, почти невозможным делом. Кто же мог это знать и намеренно следить за знатным человеком, — ведь он ни в чем таком не был замечен, что давало бы на это право.

Случай мне помог — я совершенно неожиданно вспомнил об Оскаре. К тому же, мальчик недурно говорил по-английски, и я решил этим воспользоваться.

— Мой молодой друг, — сказал я, фамильярно взяв шустро мальчугана за пуговицу его форменной курточки, — у меня к вам одна просьба, только обещайте мне, что не будете надо мной смеяться!

Оскар вытаращил глаза от изумления.

Тяжелодумы-шведы плохо понимают шутки и иронию.

— Дело в том, что мне и моему другу не хотелось бы обедать за табльдотом; мы можем обедать в номере?

— Понимаю, сэр, — отозвался мальчуган. — Вы не хотите обедать с другими. Некоторые из наших постояльцев тоже обедают у себя...

— А покойный баронет Коксвилл? — перебил я его.

— Да, сэр, ему подавали обед в номер ровно в пять, он к этому времени возвращался в отель и до восьми часов никуда не уходил.

— Прекрасно! Мы будем обедать в то же время, — поспешил я ответить, обрадованный тем, что часть поручений Холмса мне уже удалось выполнить.

— Баронет был очень добр ко всем нам, — продолжал мальчик, — а в особенности к Ингеборге, — указал он на стройную шведку, продававшую сигары в уголке за прилавком. — Он каждое утро брал у нее сигару и платил ей вдвойне.

Я тут же сообразил, что нужно сделать. Подойдя к продавщице, я взял у нее сигару и вместо кроны уплатил две. Шведка просияла. Еще один щедрый господин!

— Баронет каждый день, уходя после завтрака на прогулку, брал у меня сигары, а у маленькой Герды, которая вон там, у двери, — цветок в петлицу.

— Разве лорд Коксвилл был так педантичен в своем рас­порядке дня?

— Да, пунктуальность его была изумительной. Наш метр­дотель говорил, что можно было проверять часы по его ух­одам и возвращениям.

Нас положительно преследовала удача, все было так, как планировал Холмс!

— Меня только один раз поразило, что к такому ари­стократу подошел какой-то невзрачный господин, и баро­нет с ним дружелюбно беседовал, — сказала девушка, по­ощренная мною покупкой второй сигары. — Я стояла у д­вери и видела, как этот невзрачный человек, очень смуглый такой, похожий на румына или цыгана, подошел к нему.

Миссия моя была выполнена, и я отправился немного пройтись по набережной в ожидании возвращения моего друга.

Оживленная жизнь Стокгольма, красивая панорама рас­кинувшегося амфитеатра города, множество пароходов, бы­стро бегавших по заливу, — все это, залитое горячим, не по­хожим на северное солнцем, заставило меня совершенно забыть о нашем деле и залюбоваться этой чудной картиной.

Я спустился к самой воде и сел на скамейку около Нор­рборо.

Тут меня и нашел явившийся спустя некоторое время Холмс.

Я изумился, как он отыскал меня.

— Ватсон, вы совершенно теряете память! Разве вам бы­ло неизвестно, что именно на этой пристани Коксвилл взял лодку для прогулки, с которой он более не возвращался? Я вас вовсе не разыскивал, а пришел сюда, чтобы все разу­знать.

Воспользовавшись случайной встречей с Холмсом, я по­спешил передать ему, что услышал от Оскара и продав­щицы сигар.

Холмс сосредоточенно задумался.

— Если сопоставить это время с происшествием на Бредаблике и шестью часами вечера — когда Коксвилл находился в ресторане, то возникает сомнение, что в обоих случаях это был именно он.

Я изумленно посмотрел на Холмса.

— Как? Значит, на лодке, отплывшей от этой пристани, находилось другое лицо?

— Об этом я ничего не могу сказать, нужно сперва расспросить свидетелей.

Мы обратились к лодочнику.

Тот отлично помнил несчастливый отъезд баронета и подробно, до мелочей, описал сэра Эльджернона.

— Сомнений здесь не может быть никаких, на этот раз это был настоящий баронет Коксвилл, — заметил Холмс.

— Значит, сомневаться в том, что он утонул, больше нельзя?

— Любезный Ватсон, — шутливо заметил мой друг, — теперь я уже не сомневаюсь... что он жив.

IX

Лодочник указал нам лодку, на которой уплыл лорд Эльджернон и которую потом нашли перевернутой в водах фьорда.

Холмс тщательно осмотрел ее, ничего не упуская из виду и изумляя своим любопытством шведа-лодочника, приписавшего подобную дотошность английскому чудачеству.

Никаких следов на лодке найти не удалось.

— Время отъезда баронета вполне согласовывалось со временем его отсутствия в отеле, — заметил Холмс. — Мне чрезвычайно интересно было бы осмотреть оставшиеся после Коксвилла вещи, но они находятся в полиции до выдачи их законным наследникам, и я, не открывая своего инкогнито, ничего не смогу поделать.

— Отчего бы вам, Холмс, не сообщить шефу полиции, кто вы такой?

— Это не входит в мои планы, Ватсон. Оставаясь здесь инкогнито, я могу расследовать преступление гораздо лучше.

— Вы все еще уверены, что здесь имело место преступление, а не несчастный случай?

— Это очень тонко продуманный замысел, жертвой которого стал наш друг.

— Но позвольте, Холмс! Преступление мог совершить только тот, кто получал от него явную пользу?

— Совершенно верно, Ватсон, явная польза от него была для младшего брата Эльджернона, Арчибальда. После смерти своего брата он становился баронетом и владельцем громадного состояния, — спокойно проговорил Холмс.

— Значит, вы его подозреваете в убийстве брата?

— Ни одной минуты, мой дорогой Ватсон! Молодой человек в этом деле невиннее новорожденного ребенка.

— Но в чьей же голове созрел этот злодейский план? Кому было выгодно убить жизнерадостного баронета?

Холмс загадочно улыбнулся.

— Мне кажется, что разгадать эту тайну нам поможет нож, который я получил от баронета Арчибальда. На сегодня мы достаточно узнали и остальное время можем посвятить осмотру города, — заключил Холмс, и мы, перейдя мост Норрборо, спустились в узкие улицы города.

Хорошо зная моего друга, я не вполне был убежден, что он действительно хочет посвятить оставшееся время простому развлечению.

Холмс никогда не бросал дело незаконченным, понимая, что каждый потерянный час может уничтожить найденный след и оборвать нить разматываемого клубка фактов и предположений.

Я оказался прав.

Пройдя в конец улицы, мы завернули в какой-то невозможной темный переулок, скорее дыру, и вошли в лавчонку торговца-старьевщика.

Меня поразило то обстоятельство, что Холмс, никогда не бывавший в Стокгольме, мог так отлично в нем ориентироваться, но я вспомнил те долгие часы, когда он, оставаясь один в каюте парохода, прилежно изучал карту швед-

ской столицы с лупой в руке.

— Нет ли у вас старинных национальных шведских кос-юмов? — спросил Холмс юркого, угодливого торговца.

Торговец, видимо, едва понявший моего друга, на ломаном английском языке ответил, путая английские слова со шведскими, что, хотя сейчас у него нет таких костюмов, через несколько дней он может приготовить их для господина англичанина, если тому угодно.

— Откуда вы узнали о моей торговле? — спросил хозяин.

— Один из моих знакомых пользовался не так давно вашими костюмами для маскарада, — ответил Холмс.

— Ах да, — вспомнил торговец, — я еще изумился подобному обстоятельству, тем более что летом у нас, в Стокгольме, не бывает костюмированных праздников. Этот человек хотел удивить одну даму, загримировавшись под ее знакомого. Он выбрал подходящий костюм, и я сводил его к моему приятелю-парикмахеру, который загримировал его по фотокарточке.

Холмс крепко сжал мою руку, чтобы удержать меня от невольного восклицания.

— Сколько хлопот и неудобств пришлось испытать моему приятелю, чтобы выиграть это сумасбродное пари! — шутливо заметил Холмс.

— Пари? Какое пари? — с любопытством спросил торговец.

— Он заключил пари с тем человеком, под которого загримировался, что явится, разумеется вечером, к его невесте, и та примет его за своего жениха.

— И выиграл?

— Ну конечно, хотя для этого ему пришлось, как вы знаете, сбрить бороду и усы, которыми он так дорожил.

— Да-да, он явился ко мне совершенно бритым, — засмеялся торговец.

Мы распрощались с ним, пообещав ему зайти через несколько дней.

Х

— Откуда вы могли узнать, Холмс, что человек, загримировавшийся под баронета, обращался именно к этому старьевщику? — спросил я, когда мы вернулись в отель.

— Это было вовсе не так трудно, как кажется, смотрите!

С этими словами он вынул из кармана грязный кусочек картона, на котором резиновым штемпелем было оттиснуто: «Самуэль Экберг, большой выбор подержанного платья. Ульрихсгаттан, 4».

— Эта карточка выпала из кармана ловкого мошенника, когда кельнер, удерживая его от выстрела, боролся с ним. Кельнер передал мне ее, когда я сообщил ему, что погибший — мой близкий знакомый.

— Но это чистая случайность, Холмс, вам благопритствует сама судьба!

— Мой дорогой Ватсон, я смотрю на это немного иначе: человеку, который к чему-нибудь упорно стремится, мысль которого постоянно занята одним и тем же делом, а желание настойчиво направлено на то, чтобы довести это дело до конца, невольно все помогает. Назовите это везением, силой воли или еще чем, но это так! Совершенно как магнит притягивает к себе железо и сталь, так и человеческая воля заставляет все мелочи, все ничтожные обстоятельства слагаться в ту общую картину, которая в конце концов станет очевидной и поможет выявить преступника.

Холмс посмотрел в отверстие в двери и прислушался.

— Нашей соседки нет дома! Воспользуюсь этим обстоятельством и расскажу вам, как я напал на первый след. Борьба предстоит жесткая, и вы, Ватсон, должны знать все подробности на всякий случай, если со мной что-нибудь случится.

— Я уверен, Холмс, что вы выйдете победителем и ничто вам не угрожает, — попытался я его успокоить.

— Кто знает, будущее сокрыто от нас! Но, судя по той дьявольской хитрости, с которой они старались замести все следы преступления, мы имеем дело с опасными негодяями.

— Но кто они?

— Пока я знаю только одного из этой компании.

— Кого именно?

Он молча указал на соседнюю комнату.

— Русская танцовщица? Но она-то тут при чем?

— При том! Сперва выслушайте меня, и вам все будет ясно.

Я приготовился слушать.

Пуф-пуф — выпускал клубы дыма один за другим, удобно устроившись в мягком кресле, мой собеседник.

Накурившись, он начал:

— Помните, как я рассматривал ножи в кабинете баронета Коксвилла? Один из них невольно обратил на себя мое внимание.

— Помню, это был тот, который вы получили тогда же в подарок от молодого баронета.

— Меня поразило клеймо фирмы, вытисненное на незнакомом мне языке; рассматривая его пристально, я заметил на толстой стороне лезвия нацарапанные чем-то острым четыре буквы. «Акка», — прочел я про себя таинственное слово. Мысль моя сейчас же стала усиленно работать, я начал припоминать, хотя с трудом... Когда мы с вами завтракали, Ватсон, я случайно вспомнил, что в лондонском варьете танцует уже несколько лет, пользуясь громадным успехом, некая Акка Субитова. Этого было вполне достаточно, чтобы я сейчас же бросился в это варьете, дабы узнать о ней подробности еще до нашего отъезда. Там мне сообщили, что она получила месячный отпуск и уезжает в Россию, на родину. Накануне она танцевала в последний раз перед отъездом. Все это давало недостаточно материала для начала расследования. Порой я начинал думать, что имя, выцарапанное на лезвии, не имеет никакого отношения к артистке. Увидев танцовщицу, сидевшую за столом в общей каюте, я сейчас же узнал в ней ту красивую даму, которая была вместе с баронетом Эльджерноном на скачках. Когда же вы, вернувшись в каюту, сообщили мне ее имя, мне все стало ясно. Мне тут же пришла на память скандальная лондонская хроника, сообщавшая о связи молодого

го баронета с русской артисткой. Ее неожиданное присутствие на пароходе, идущем в Стокгольм, я сейчас же приписал тому факту, что она имеет отношение к самоубийству баронета.

— Опять счастливая случайность привела танцовщицу на один пароход с нами, — возразил я.

— Вовсе нет, Ватсон! Следуя чьему-то приказанию, она поспешила в Стокгольм, а так как отпуск ее начался только в ту среду, то ясно, что первый пароход, на котором она могла отправиться в путь, был «Титания».

— Что же вы намерены предпринять дальше, Холмс?

— Мне необходимо выяснить степень участия Акки Субитовой в этом путаном деле, выявить ее сообщников, а главное — узнать, убит ли ими действительно баронет Эльджернон. Все это я оставил на завтра, а теперь давайте отдыхать.

Спустя полчаса мы уже спали.

XI

Сон Холмса продолжался недолго — в пять часов он уже был на ногах. Первой его заботой было посмотреть, что происходит в комнате танцовщицы. Кровать ее стояла у ближней к нам стены, и видеть ее из отверстия в двери было нельзя. Холмс приложил к нему ухо и стал прислушиваться. В соседней комнате была гробовая тишина.

— Не слышно даже дыхания! — изумленно прошептал он. — Неужели она так тихо спит? А если... если ее там нет? Он быстро разбудил меня.

— Вставайте скорее, спуститесь в холл и узнайте, тут ли еще Акка Субитова.

Я удивился такой его просьбе.

— Дорогой друг, как-то странно слышать от вас такое... Во-первых, слишком рано...

— А во-вторых, у вас отсутствует сообразительность, — перебил меня Холмс, — бегите и скажите кому-нибудь из

прислуги, что мы напуганы стонами из соседней комнаты!

Мне оставалось только исполнить его поручение.

Заспанный слуга с тупым выражением лица выслушал меня и недоумевающе заметил:

— Кто же мог туда забраться?

— А госпожа, прибывшая вчера?

Слуга ухмыльнулся:

— Она еще вчера вечером уплыла на пароходе в Петербург. Вероятно, это храпит толстый немец, ваш сосед с другой стороны, он...

— Да-да, похоже, — перебил я слугу, бросился в номер и сообщил неприятную новость Холмсу.

— Как жаль, что вчера с вечера я не позаботился узнать об этом, — с легкой досадой заметил он, услышав мои слова.

— Мы отправимся вслед за ней?

— Сперва нужно узнать, когда отходит следующий пароход в Россию.

Он посмотрел лежавшее на столе расписание.

— Только завтра вечером в Або! Она успеет опередить нас на два дня — это много, в особенности для страны, которую не знаешь и где говорят на непонятном для тебя языке! — проворчал Холмс. — Нет ли другого парохода, пораньше?

Но такого не было.

— Придется плыть на этом, — прошептал он, — кстати, нужно узнать, уехал ли «бритый» вместе с нею?

Он закурил и погрузился в задумчивость.

Через четыре часа мы вышли из отеля. Мой вчерашний собеседник легким наклоном головы попрощался с нами и шутливо сказал:

— А красавица-то недолго у нас погостила, уехала в Россию.

— Одна? — наивно улыбаясь, спросил Холмс.

— О нет. Тот господин, что навещал ее здесь, отправился с ней вместе, наш комиссионер видел их обоих на пароходе.

— Ватсон, вам нужно во что бы то ни стало ехать сегодня, иначе следы будут утеряны, — заметил мне Холмс.

— Но как? — с недоумением спросил я его.

Портье отеля ничего не знал об отходе других пароходов.

— Нужно спросить у кого-нибудь из моряков, — заметил Холмс, и мы, рассчитавшись в отеле, к изумлению важного портье отправились на набережную Рейсен.

— Поезжайте в Даларэ, поезд туда отходит каждый час, — посоветовал нам старый матрос с седой бородой, тянувшейся узкой каемкой под подбородком, настоящий морской волк, — там вы всегда найдете охотников, которые доставят вас на парусном боте на Аландские острова, а оттуда до Або пароходы идут регулярно.

Времени терять было нельзя. Мы с Холмсом чуть не бегом бросились к маленькой станции железной дороги, приютившейся под утрюмой скалой Мозебакена, и едва успели к отходу поезда.

Он сейчас же нырнул в темный тоннель, затем вынырнул снова на свет Божий и, оглашая бойким свистом мирно дремавший фьорд, понесся вдоль его берега, прорезая каменные массивы.

Мелькали станции за станциями. Меньше чем через час мы очутились на приморском курорте Сольтэбаден, где успели пересесть на маленький пароход, доставивший нас в небольшой лоцманский городок Даларэ.

Следуя совету старого матроса, мы, не теряя времени, отправились отыскивать парусный бот.

— Вам в Мариягамн? — спросил один из моряков в ответ на вопрос Холмса. — Вот если бы в Гангэ, я взялся бы вас доставить, мне туда.

Холмс чуть не подпрыгнул от радости: попадая в Гангэ, мы значительно сокращали наш путь.

Но все-таки решил уточнить у моряка:

— А как скоро мы доберемся туда?

Старый моряк посмотрел на солнце, затем вынул часы и уверенно ответил:

— Теперь десять. Если сейчас отправимся, то к вечеру поспеем: дует норд-вест, он нам попутный.

Довольный Холмс не стал торговаться, согласившись с первой же названной ценой, и не прошло получаса, как рыбацкий бот, распустив все паруса, нырял в сердитых волнах Ботнического залива.

ХII

Не скажу, чтобы путешествие наше было из приятных. Волны нередко захлестывали за борт крохотного суденышка, и мы рисковали потонуть каждую минуту. Шум их мешал разговаривать. Моряк крепко держал румпель, умело направляя судно, а его сын-подросток ловко справлялся с парусами, и мы бешено мчались, точно в каком-то водяном аду.

Холмс оставался спокоен даже в самые опасные минуты; он предусмотрительно запасся бутылкой коньяку, который нам очень пригодился. Я промок до нитки и, должен сознаться, чувствовал страшный упадок сил, но твердый, уверенный взгляд Холмса невольно ободрял меня.

Спускалась июльская ночь, легкий сумрак заволакивал водное пространство, по которому мы неслись.

— Далеко еще? — спросил Холмс у моряка.

— Нет, скоро будем в Гангэ, — ответил тот. — Вон, смотрите, — добавил он через некоторое время, — уже виден огонь маяка.

Действительно, в темноте блеснул яркий свет.

Холмс нажал пружину репетитора — часы пробили половину одиннадцатого.

— Около двух, а может быть, и раньше, мы будем там, — подтвердил моряк.

Он не ошибся: после часа ночи мы незаметно проскользнули в темноте мимо сторожевых таможенных судов, и в два часа с небольшим бот вошел в маленькую гавань между скал.

— Я вижу, приятель, вы хороший контрабандист! — шуточно заметил Холмс, щедро расплачиваясь с хозяином бота.

— All right, сэп! — весело откликнулся моряк, прощаясь с нами.

До железнодорожной станции было недалеко.

Поезд в Петербург отправлялся ровно в пять часов утра, у нас оставалось два с половиной часа, которые я решил употребить на сон.

— Спице, Ватсон, я вижу, вы устали, — сказал Холмс, — не бойтесь, я разбуду вас вовремя.

Усталость сказалась на мне, я сейчас же крепко заснул и проснулся, только почувствовав, что кто-то меня толкает.

— Пора, поезд сейчас отходит, — услышал я голос Холмса и вскочил.

Мне достаточно было взглянуть на моего друга, чтобы убедиться, что, хотя он не спал, бодрость по-прежнему не покидала его, он был таким же свежим, как и раньше.

Удобства прибытия на боте были очевидными: мы обошлись без паспортов и консульской визы — этой утомительной процедуры, которая требуется для въезда в Россию. Мы прибыли сюда незаметно, чего не удалось бы сделать, если бы мы отправились из Стокгольма на пароходе. Поезд шел очень медленно. Какие-то пятьсот километров мы ехали более семнадцати часов. Я невольно вспомнил переезд из Дувра в Лондон — двести километров в два часа.

— Где мы будем ночевать, Холмс? — спросил я. — Мне говорили, что в России без паспорта никуда не пускают.

— Мы отправимся прямо в британское посольство, там нам все устроят — я не могу допустить, чтобы где-то в мире нарушались права англичанина.

— Вы забываете, Холмс, что мы в России, — значительно возразил я ему.

— Пустяки! Мне все равно!

Я предвидел большие трудности, связанные с незнанием русского языка, но гениальная способность Холмса ориентироваться в любой обстановке давала мне уверенность, что и здесь нам удастся все устроить. Небольшой вокзал, в который вкатил наш поезд, мало свидетельствовал о гран-

диозности и богатстве российской столицы.

— Значит, прежде всего мы пойдем в посольство? — спросил я, когда мы вышли на улицу.

— Нет! — резко ответил Холмс. — Мы не можем терять времени, необходимо сейчас же узнать, где остановилась танцовщица со своим спутником. Опросите по телефону, Ватсон, все лучшие гостиницы в городе.

Я уже направился обратно в здание вокзала, как Холмс одним прыжком догнал меня.

— Подождите, мне пришла в голову мысль: мы же не узнали еще, когда прибыл пароход из Стокгольма.

— Но у кого это узнать так поздно ночью?

— Начальнику станции это известно, я думаю: у него ведь есть расписание паромных рейсов.

— Пароход из Стокгольма приходит в семь утра, — сообщил служащий на плохом английском языке.

— Сколько времени он идет до Петербурга? — спросил Шерлок Холмс.

— Два дня, с остановками в Гангэ и Гельсингфорсе на несколько часов.

— Значит, пароход, отошедший из Стокгольма третьего дня вечером, еще не прибыл?

— Да, он прибывает только завтра утром.

Глаза Холмса блеснули.

— Мы встречаем, сэр, одного нашего друга, прибывающего на этом пароходе, но, как иностранцы, не знаем, где пристают эти пароходы.

Служащий написал нам по-русски на клочке бумаги адрес, любезно прибавив:

— Покажите эту записку извозчику или городовому, он вам укажет, куда надо направляться.

ХІІІ

— Теперь я не упущу их из виду, — сказал Холмс, когда мы снова вышли на улицу. — Хорошо, Ватсон, что вы по-

спали в дороге, так как сегодняшнюю ночь мы проведем без сна.

Мы взяли пролетку и поехали по указанному адресу.

Погода стояла ветреная. До прибытия парохода оставалось еще семь часов. Уходившая вдаль набережная, на которую мы ступили, была совершенно пустынная, газовые фонари едва освещали ее.

От зорких глаз моего спутника не укрылась груда ящиков и мешков, прикрытая брезентом.

— Мы отлично тут устроимся, Ватсон, — заметил Холмс, — здесь уже наверняка никто не потребует от нас паспорта.

Мы незаметно проскользнули под громадный брезент и улеглись на каких-то мягких мешках.

— Самое удобное место для наблюдений, — пошутил Холмс, — мы как раз напротив пристани.

Не знаю, удалось ли моему другу уснуть, но я, несмотря на неудобства, проспал довольно долго.

— Ватсон, давайте выбираться отсюда, — услышал я голос Холмса, — стало светло, и нас может заметить сторож.

Я последовал его совету и ползком выбрался из-под тяжелого брезента. Меня изумило лицо Холмса: с приклеенной узкой бородой и усами, в темных очках, мой друг был совершенно неузнаваем.

— Мне кажется, Ватсон, вам нужно также немного преобразить вашу наружность. Акка вас неоднократно видела и может узнать.

Через минуту у меня «выросла» борода, а густые седые брови, приклеенные опытной рукой Холмса, делали меня просто неузнаваемым.

— Мы должны встретить их при выходе с парохода и неоступно следить за ними.

На небольших часах пристани было еще только шесть, нам нужно было ждать около часа, но пароход появился значительно позже. Смешавшись с ожидавшей его прибытия публикой, Холмс и я наблюдали за обстановкой, не спуская глаз. Пришлось ожидать долго. Осмотр багажа и таможенные формальности заняли очень много времени.

Наконец-то пассажиров выпустили на берег! Я сейчас же заметил танцовщицу — она шла по трапу, опираясь на руку своего бритого спутника.

Норд-вест сильно укачал людей. Большинство выглядели бледными и больными. Передавая багаж комиссионеру, «бритый» что-то сказал ему по-русски. Мне удалось уловить слово «Angleterre». Они сели в карету и быстро поехали.

Предусмотрительный Холмс уже позаботился о другом извозчике. Мы вскочили в экипаж, но не знали, как объяснить, куда ехать. Я вспомнил о подслушанном названии и крикнул кучеру:

— Angleterre!

Кучер кивнул и погнал лошадей. Холмс, следивший из окна за ехавшей впереди каретой, заметил, что она остановилась у какого-то дома; не доезжая до него, встал и наш экипаж. По счастью, я поменял на какой-то станции, где мы долго стояли, шведские деньги на русские, а потому мог теперь расплатиться с кучером.

Когда спустя некоторое время мы вошли в отель, то увидели на доске приезжающих имена «Акка Субитова» и «Натан Розенкранц».

Мы взяли номер в этом отеле. На этот раз он был не рядом с помещением танцовщицы. Холмс, поручив мне следить за интересующей нас парой, поехал в посольство для получения паспорта, и до его возвращения я не должен был никому сообщать наших имен.

— Достаточно танцовщице и ее спутнику узнать, что я в Петербурге, — сказал Холмс, — как они исчезнут, и тогда найти их будет почти невозможно.

Я и здесь применил ту же тактику, что и в Стокгольме. Правда, на этот раз портье оказался не таким разговорчивым, но мне все-таки удалось у него кое-что выпытать.

— К сожалению, госпожа Субитова останется у нас не так долго, как ей бы хотелось, — сообщил он мне. — Она получила телеграмму из Москвы, где ее ждут на гастроли.

— Она едет одна?

— О нет, сэр, господин Розенкранц тоже приглашен ту-

да, он известный иллюзионист и фокусник.

Внутренний телефон внезапно зазвонил, и портье стал разговаривать по нему с кем-то.

— Госпожа Субитова велела послать человека за билетами в Москву, — сказал он, повесив трубку.

— Когда же она едет? — нетерпеливо вырвалось у меня.

— Сегодня вечером экспрессом.

Я сейчас же передал эту новость Холмсу, когда он вернулся. Он был изумлен неожиданным решением танцовщицы.

— Мы должны ехать вслед за ней.

Так никому и не сообщив своих настоящих имен и не ожидая, когда от нас потребуют паспорта, мы покинули гостиницу. В посольстве нам без всяких проволочек выдали удостоверения личности.

Несмотря на расспросы служащих, Холмс не стал сообщать им об истинной цели своего приезда в Россию. Билеты, которые мы купили на московский экспресс, были последними — надо заметить, и тут удача не отвернулась от моего друга.

Холмс воспользовался свободным временем до отхода поезда и поменял сто соверенов на русские рубли.

— Отчего бы вам не взять, Холмс, приказа от шефа русской полиции на арест Акки Субитовой и ее спутника?

— Оттого, что пока арестовывать их нет необходимости, — загадочно ответил он.

Сказать по правде, мой друг с пользой употребил свое свободное время: он прекрасно ознакомился с Петербургом и сделал много важных для себя наблюдений.

В десять часов экспресс помчал нас и танцовщицу с ее спутником в древнюю столицу России.

XIV

Московский экспресс вполне оправдал свое название: в девять часов утра мы были уже в Москве. В нашем спаль-

ном вагоне ехала и Акка. Шерлок Холмс из опасения быть узнанным снова наклеил бороду себе и мне, но предосторожность эта оказалась излишней — танцовщица и ее спутник всю дорогу спали.

На перроне их встретил красивый мужчина, очень смуглый, с курчавыми волосами. Нетерпеливым взглядом он окинул проходившие вдоль платформы вагоны; на лице его показалась довольная улыбка, когда он заметил танцовщицу, но появление «бритого» заставило его гневно нахмурить брови.

Нужно было видеть моего друга в эту минуту! Он весь сделался само внимание, глаза его впились в незнакомца, казалось, что Холмс желает навсегда запечатлеть его в памяти. Смуглый незнакомец сказал что-то непонятное Субитовой, и она, быстро обернувшись к шедшему позади нее «бритому», изумленно проговорила по-немецки:

— *Verschwunden!*

— *Verdammt! Wie und wo?* — пробормотал он недовольно.

Танцовщица прижала палец к губам, показывая взглядом на проходивших мимо пассажиров. Смуглый мужчина стал что-то тихо рассказывать ей по-русски.

Тщетно прислушивался к ним Холмс, стараясь уловить среди непонятных слов знакомое имя.

Незаметно следуя за ними, мы вышли с перрона на улицу. У «смуглого» был приготовлен открытый экипаж, в который они все трое уселись и быстро поехали. Боясь потерять их из виду, Холмс вскочил в первый же экипаж, я — за ним. Кучер понял, что мы следим за хавшим впереди экипажем, и погнался лошадей, стараясь не отставать от него.

Город нам был совершенно незнаком, экипаж ехал по какой-то очень длинной улице, потом пересек большую площадь с фонтаном и через белые ворота в стене продолжил свой путь по узкой улице. Вскоре он остановился у подъезда фешенебельной гостиницы. Наш кучер хотел подъехать туда же, но Холмс энергично дернул его за рукав, показывая, чтобы он не делал этого. Мы остановились чуть подалее и стали наблюдать за приезжими.

Спустя долгое время мы вошли в гостиницу и сняли номер. На доске приезжих были указаны имена танцовщицы и ее спутника.

«Третий живет отдельно», — подумал Холмс.

На этот раз удача опять вернулась к нам. Наша комната была в одном коридоре с номером Акки, хотя и не рядом, но это давало возможность тщательнее следить за ней.

«Смутный» долго оставался у Акки, и Холмс все это время, сидя у открытой двери нашего номера, незаметно наблюдал, не открылась ли дверь комнаты танцовщицы.

— Оставайтесь здесь и продолжайте следить за ними, — сказал он мне, когда «смутный» вышел от Акки. — Я пойду за ним.

С этими словами он бросился вслед за «смутным».

Ожидать возвращения Холмса мне пришлось довольно долго. Он вернулся только часа в четыре, и по его лицу нельзя было понять, произошло ли что-то важное или нет. Я бросился к нему с расспросами, но он настойчиво повторил:

— Следите, Ватсон, он сейчас должен прийти.

Этого было достаточно, чтобы я остался на своем посту у двери. В конце коридора показалась знакомая фигура «смутного», он проскользнул в комнату танцовщицы, за ним щелкнул запор.

— Пришел? — тихо спросил Холмс. — Идите сюда, Ватсон, вы мне нужны.

Я знал, что он мне скажет, но умирал от голода — нам не удалось в тот день даже позавтракать.

— Мне кажется, Холмс, недурно было бы пообедать, — нетерпеливо заметил я.

— Бедный мой друг, я совершенно об этом забыл! Мы не пойдем в общую залу, позвоните, пусть принесут сюда.

Когда слуга накрыл наш стол и отправился за едой, Холмс, не теряя времени, кратко рассказал мне, что произошло.

— Выйдя из отеля, «смутный» быстро направился вдоль этой улицы, свернул направо и, спустившись вниз, прыгнул в вагон трамвая; мы еще раз пересели в другой вагон и наконец добрались до большого белого здания. «Смутный»

несколько минут ходил около решетки, затем вошел во двор. Я следил за ним издали, но видел, как он разговаривал со служителем, несшим ведро. Насколько я понял, это здание было или богадельней, или больницей — в больших окнах мелькали колпаки постояльцев или пациентов. Я также подумал, что это тюрьма, так как на некоторых окнах были толстые металлические решетки. «Смуглый» долго разговаривал со служителем, в чем-то убеждая его, и тот, по-видимому, согласился. Оттуда мы отправились пешком по каким-то кривым улицам и вышли почти за город. «Смуглый» быстро нырнул в один из маленьких деревянных домиков. Мне пришлось долго ждать его. С ним вышли двое невзрачно одетых мужчин, и все они снова пошли к тому большому зданию. Оживленный разговор между ними продолжался недолго. «Смуглый» указывал им на двор, на небольшую калитку у ворот и на высокий каменный забор, тянувшийся позади двора. Расставшись с ними, «смуглый» направился в торговые ряды, зашел в один магазинчик и купил там большой кусок толстого полотна, пучок тонких веревок и мягкую шапку очень большого размера. С этими покупками он свернул на одну из длинных улиц, довольно пустынную, где, по-видимому, он жил. Дольше всего мне пришлось ждать его здесь. Похоже, он обедал и оставался дома около двух часов. Затем мы оба вернулись сюда. Вот и все.

Я подумал, что все эти таинственные манипуляции «смуглого» не имеют никакого отношения к нашему делу, которое окончилось убийством баронета, вне всякого сомнения, утонувшего в стокгольмском фьорде, но высказать своего мнения Холмсу я не решился — не хотел обижать его своими сомнениями.

XV

Нелегкий труд — выслеживать людей, да еще если ты делаешь это в чужой стране и совершенно не знаком с ме-

стностью. Меня всегда поражали энергия моего друга, его целеустремленность и упорство, бывшие ключом к успеху, но на этот раз я был почти уверен, что наша экспедиция окажется неудачной.

«Смутный» пробыл у танцовщицы не больше часа.

Холмс сейчас же пошел вслед за ним, поручив мне скучную обязанность следить за танцовщицей.

На этот раз Холмс скоро вернулся, убедившись, что «смутный» отправился домой и дальше ожидать его появления нет смысла.

— Сегодня мы славно поработаем ночью, Ватсон, — уверенно заявил он. — Приготовьтесь.

В девять часов скромно одетая Акка вышла из своей комнаты в сопровождении «бритого».

— Ватсон, превратитесь в само внимание и не теряйте их из виду.

Они отправились пешком, но шли недолго: недалеко от площади, на которой высилось здание театра, их ожидал двухместный закрытый экипаж.

Холмс, сделав мне знак следовать за ним, ловко устроился на задворках экипажа. Мне удалось быстро взять небольшую открытую коляску и жестом приказать кучеру следовать за двухместным экипажем. Через час экипаж остановился. Я, не расплачиваясь с кучером, тоже велел ему встать в некотором отдалении. Холмс, незаметно соскочивший с задка экипажа, быстро подбежал ко мне и сел рядом.

Из экипажа никто не выходил.

— Вот тут и должна произойти развязка всей истории, — уверенно прошептал Холмс.

В темноте он не заметил моей улыбки, выразившей некоторую беспомощность и сомнение.

— Вы подождите меня здесь, Ватсон, я сейчас...

С этими словами Холмс исчез в темном переулке, ведущем к большому дому. Мой кучер что-то спросил у меня: вероятно, интересовался, сколько времени ему придется ждать. Я отрицательно покачал головой, потому что не знал языка и не мог ему ответить.

Где-то далеко часы звонко пробили двенадцать. Я услышал какой-то шум в переулке и, незаметно выйдя из коляски, пошел на этот шум. Когда я приблизился к экипажу, три человека поспешно впахивали в него какой-то белый предмет, затем один из троих вскочил внутрь, затворил дверцы, и экипаж бешено помчался вперед.

Сзади меня раздался стук колес. Холмс!

— Ватсон, нельзя терять ни минуты! Скорей за ними!

Мы покатали по узкому переулку, едва попевая за экипажем. Безлюдность улиц и ветхие деревянные постройки явно указывали на то, что мы находимся на окраине города. Экипаж подкатил к уже знакомому Холмсу дому, где жил «смуглый». Мы издали видели только, как промелькнул белый объект, на этот раз внесенный в дом танцовщицей и «бритым». Наш кучер с изумлением посматривал то на меня, то на Холмса, стараясь угадать, что мы делаем и кто мы такие.

Окна в доме были закрыты ставнями, но сквозь прорези в них, сделанные в форме сердца, можно было видеть, что делается внутри. Мы оба с Холмсом наблюдали за происходящим с замиранием сердца. Мы увидели, как танцовщица вместе с «бритым» поспешно высвобождали из белого полотна что-то замотанное в него. Ужас! Это была человеческая фигура!

Человека этого высвободили из ткани и поставили на ноги. К сожалению, он оказался к нам спиной, но было заметно, что руки и ноги его связаны, а на лицо нахлобучена большая шапка, не позволявшая ему ничего видеть. Он изгибался всем телом, стараясь ее сбросить, и тут «бритый» подскочил и сдернул с него шапку. Оказалось, что роста эти двое были почти одинакового.

Арка что-то спросила у «смуглого», и тот недовольно покачал головой. Связанный человек, пытаясь избавиться от веревок, упал на пол. «Бритый» и «смуглый» подняли его и посадили на стул у стола, так что свет теперь падал прямо ему в лицо.

Я чуть не вскрикнул от изумления: это был баронет Элджернон Коксвилл — в натуральном виде и собственной

персоной. Шерлок Холмс, к моему удивлению, даже никак не отреагировал на происходящее, только тихо прошептал.

— Ватсон, бога ради, ни звука! Иначе все пропало.

Я с трудом сдерживал себя, чтобы не вскрикнуть, а Холмс пребывал в совершенном спокойствии и, по-видимому, решал, что ему делать.

XVI

Положение наше действительно было отчаянным. Что мы могли предпринять, тем более ночью, в чужой стране, законов которой даже не знали! Прежде всего нужно было заручиться содействием полиции, чтобы арестовать преступников и освободить баронета, но как? Нас бы сразу заметили и убили как ненужных свидетелей. Нам оставалось только ждать и зорко следить за шайкой.

Мы по-прежнему наблюдали за домом из своего укрытия, стараясь не производить ни шороха и замечать все малейшие детали.

— Я не могу остаться здесь на ночь, — услышали мы голос танцовщицы, которая обратилась к «бритому» по-немецки. — Мне нельзя рисковать. Меня хватят в отеле и неизвестно что подумают. Это вызовет подозрения!

— Я один останусь, — ответил «бритый».

— В таком случае Рураду надо поторопиться, — добавила она. — С утра начнутся поиски, и едва ли он, — она кивнула на баронета, — будет тут в безопасности. Как жаль, что Рурад не устроил это дело до нашего приезда! — И она что-то сказала «смуглому» по-русски.

— Он уверен, что здесь искать не будут, — снова произнесла она «бритому» по-немецки, — завтра все это надо закончить, и, как только все будет оформлено, скрываться больше не придется.

Она опять перешла на русский. Тем временем мужчины уложили связанного баронета на диван, «смуглый» проделал над его лицом какие-то движения руками и вместе с

танцовщицей вышел из дома.

Мы с Холмсом вовремя успели прислониться к стене. Акка со своим спутником села в карету и уехала.

— Разве мы не поедem за ними? — спросил я Холмса, указывая на ожидавшую нас вдалеке коляску.

— Нет больше никакой нужды за ними следить, — спокойно ответил мой друг. — Ватсон, револьвер при вас?

— Станный вопрос, Холмс! Разве я когда-нибудь расстаюсь с ним?

— Отлично. В таком случае попытаемcя уладить все сейчас же. Посмотрите в прорези ставни и скажите, что вы видите.

— Баронет лежит на диване и, кажется, спит. «Бритый» составляет кресла, приготавливая себе постель, — сообщил я.

— Продолжайте наблюдать, я перелезу через забор и попытаюсь найти другой вход.

Холмс с ловкостью кошки перелез через забор. Я слышал, как он мягко спрыгнул на землю. Прошло несколько томительных минут. «Бритый» улегся на импровизированной постели из кресел и потушил свечу. Засов калитки еле слышно звякнул, она отворилась.

— Идите, Ватсон, — прошептал Холмс, — я нашел вход.

Осторожно прокравшись по двору, мы добрались до небольшой ветхой двери. Холмс бесшумно оттянул ржавый запор, и мы оказались внутри домика. Добраться до комнаты, где спал «бритый» и где находился баронет, не представляло затруднений. Холмс приблизился к спящему «бритому» и, прежде чем тот успел опомниться, ловко накинul на него поднятую с пола простыню — то самое полотно, в котором тащили баронета, после чего мы надвинули на голову «бритого» шапку баронета, чтобы он не видел, кто мы. Рот его я туго завязал платком и зажег свечу.

Холмс бросился к лежащему без движения баронету, стараясь его растолкать, но тот не подавал никаких признаков жизни, словно оцепенел.

— Они погрузили его в гипнотический сон, — пояснил Холмс. — Но это даже лучше, он пока не будет нам мешать. Вы останетесь здесь караулить этого типа и наблюдать за

баронетом. И глаз не сводите с этого молодчика! Да сидите тихо, а то прохожие могут заметить с улицы, что здесь происходит.

Он поднял валявшуюся в углу газету, разорвал ее и начал заталкивать бумагу в прорези ставен, чтобы снаружи не был виден свет.

— Главное, Ватсон: «бритый» не должен убежать. Попробуйте — пристрелите его... Я вернусь часа через два.

Он уехал в коляске. Я слышал, как стучали колеса о камни мостовой. Я остался один на один с негодяем, не раз уже пытавшимся освободиться от покрывала и шапки. Как нарочно, огарок свечи был такой маленький, что спустя четверть часа я оказался в полной темноте и вынужден был часто зажигать спички, чтобы убедиться, что связанный «бритый» никуда не делся.

Ему как-то все-таки удалось сдвинуть со рта повязку, и он попытался закричать, но я тут же завязал ему рот снова. В каком положении очутился бы я, если бы на его вопли сюда ворвались посторонние люди! Вместо него сочли бы преступником меня, и, пока я объяснялся бы с ними, тем более не зная русского языка, «бритый» успел бы скрыться.

Баронет по-прежнему спал почти без движения. При свете вспыхнувшей спички я внимательно посмотрел на его лицо; от долго не бритой бороды оно казалось похудевшим.

Комната, в которой я находился, была почти пустой. Кроме дивана, на котором спал баронет, нескольких кресел и стульев, служивших постелью «бритому», и стола никакой другой мебели я не заметил.

В глухом переулке лишь вдалеке слышались шаги прохожих.

Я томился ожиданием, мне казалось, что прошла уже целая вечность, но стрелка часов убедительно свидетельствовала: после ухода Холмса не прошло и часа. Мне стало жутко в этом невольном одиночестве, хотя в комнате со мною были два человека. Странные мысли приходили мне в голову: «А что, если Холмс заблудился в незнакомом городе? Сколько времени я проведу тут один, в заброшенном доме,

в обществе преступника, который продолжал метаться, сясь сорвать повязку?»

Спящий баронет глухо застонал. Я начал прислушиваться. Он произносил какие-то фразы, слова, не имевшие никакого смысла, даже голос его изменился — он казался мне совершенно чужим.

«Не ошиблись ли мы с Холмсом и не приняли ли чужого человека за баронета Коксвилла?» — встревожился я.

Я снова чиркнул спичкой и начал с беспокойством вглядываться в лицо спящего.

— Нет, это он, — сказал я сам себе, заметив небольшую родинку в верхней части его правого уха, — но почему с ним такая странная перемена?

В окно громко постучали. Я вздрогнул и сжал револьвер.

XVII

И напрасно — в окно стучал Холмс, вернувшийся с несколькими полицейскими. Снова удача — мой друг убедил начальника местной полиции дать ему людей!

И еще везение: один из полицейских недурно говорил по-английски, прекрасно понимал нас и переводил все, что мы говорили, своим товарищам. Имя Холмса было хорошо известно в Москве, поэтому начальник полиции доверился моему другу и поручил ему арестовать всех подозрительных лиц.

«Бритого» развязали и под стражей отправили в полицейский участок. Арест танцовщицы был отложен на утро. В доме засели несколько городских, чтобы схватить «смуглого», как только он заявится.

Разбудить баронета не удалось, и, не желая переносить его сонного, мы решили оставить его здесь под наблюдением полицейского.

— Теперь пойдёмте, Ватсон, в гостиницу — мне необходимо составить подробный отчет по этому делу, чтобы оп-

равдать доверие, с каким отнесся ко мне глава здешней полиции.

Я очень устал за сегодняшний день, и только что вошел в номер, как сейчас же лег и заснул. Холмс принялся писать, и, когда я проснулся спустя много времени, мой друг по-прежнему работал за столом.

Наутро выяснилось многое, чего я даже не мог и предположить. Баронета местная полиция знала: некоторое время назад его задержали на улице, потому что он вел себя очень странно. Странность его заключалась и в том, что ни на одном языке, на котором его просили назвать свое имя и место жительства, он не смог ничего вразумительно объяснить. Подозревая в нем психически нездорового человека, полиция отправила его в психиатрическую клинику, чтобы врачи установили, не притворяется ли он.

Арестованная утром в гостинице Акка Субитова выразила бурный протест, заявив, что не имеет никакого отношения к этому делу и что полиция нарушает ее права. То же самое твердил и «бритый».

— Какое право вы имеете арестовывать меня, я получила ангажемент в московском варьете и знать ничего не знаю, — кричала танцовщица.

Таинственная история с напроць позабывшим свое имя английским баронетом не могла остаться без последствий, тем более что Холмсу удалось известить обо всем английского консула. Против трех сообщников не было никаких явных улик: только одно похищение ими помешанного баронета представлялось очень странным — никто не мог понять причин и цели такого проступка. И только благодаря сообразительности Холмса удалось все выяснить. Он был прав, подозревая, что баронет Коксвилл находится под гипнозом.

В Москве нашелся какой-то гипнотизер, и после нескольких сеансов странности баронета, заключавшиеся в полной потере памяти, совершенно исчезли. Он сейчас же узнал Шерлока Холмса и меня и подробно объяснил, что с ним случилось.

— Вы знаете, Холмс, что еще при жизни моего отца у меня была связь с Субитовой. Я был так пленен красавицей-танцовщицей, что готов был для нее на все... Однажды я зашел к ней в гримерную в театре и стал уверять, что влюблен в нее без памяти...

«Если вы меня действительно так сильно любите, то женитесь на мне», — услышал я ее вкрадчивый голос.

«Неприменно!» — шутливо ответил я ей, не придавая особого значения ее словам.

«Чтобы вы не забыли своего обещания, — продолжила Акка, — вот, возьмите этот нож; каждый раз, глядя на него, вы будете вспоминать о своем обете».

С этими словами она отцепила от пояса клинок русской работы, который постоянно носила с собой, нацарапала острием булавки свое имя на лезвии и передала мне.

— Вот он, — проговорил Холмс, вынимая из кармана нож и показывая его баронету.

— Да, он самый, — изумленно прошептал сэр Эльджернон. Затем продолжил свой рассказ: — Я совершенно позабыл об этом разговоре, тем более что вскоре я познакомился с дочерью леди Ферфакс, Маргет, которой был так очарован, что сделал ей предложение. Мои посещения вярете стали реже, разумеется, сократились и ужины с танцовщицей. Она ревниво расспрашивала меня о моей личной жизни, но пока о нашей помолвке с Маргет не было официально объявлено в газетах, Акка ничего не подозревала и довольствовалась моими выдумками. Однако достаточно было появиться в «Тайме» официальному сообщению, как страшная буря разразилась над моей головой. Несмотря на массу слуг, находящихся в моем доме на Гросвенор-сквер, Акка ворвалась в мой кабинет и осыпала меня градом упреков, их сменила истерика, перешедшая в просьбы, мольбы, слезы...

«Только не женись на этой девчонке, — упрашивала она меня, — этого я перенести не в силах!»

Но я был непреклонен и твердо выразил намерение вступить в брак с Маргет. Тогда она схватила со стола вот этот нож и хотела меня убить, но я вовремя удержал ее ру-

ку; тем не менее, она успела нанести мне рану, вот сюда, — указал баронет на незаживший еще шрам в нижней части шеи. — Мне удалось ее наконец обезоружить. После новой истерики она попросила у меня прощения, и мы расстались с ней мирно. Как вы знаете, Холмс, мне передалась страсть моего отца к коллекционированию старинных вещей. Как-то мне прислали по почте предложение из Стокгольма приобрести несколько древних редкостей. Я давно уже собирался совершить поездку в Швецию, а этот случай только укрепил мое желание. О моем предполагаемом путешествии раструбили все газеты. Автор письма ожидал меня в Стокгольме и, когда я явился туда, сейчас же стал возить меня в разные места города, где находились раритетные вещи, выставленные на продажу.

— Вам удалось быстро сделать все, что вы планировали, и вы решили вернуться в Лондон раньше назначенного срока, — спокойно прокомментировал Шерлок Холмс.

— Вы и это знаете? — изумился баронет.

Холмс показал найденный обрывок письма к его невесте.

— Смысла нет рассказывать дальше! Я прекрасно провел время в шведской столице, везде побывал, повеселился...

— Немного странный способ развеселиться — два раза покушаться на самоубийство! — иронически сказал Холмс.

— Я? Покушался на самоубийство?! — вскричал Коксвилл. — Вы шутите, дорогой друг!

Вместо ответа Холмс протянул ему номер газеты, где сообщались все подробности о его попытках покончить с собой.

— Да это чушь и явный подлог, — с негодованием заметил баронет, — у меня никогда не было даже мысли расстаться с жизнью, в особенности теперь, когда она мне улыбается и сулит счастье. Но кто так бесчестно поступил со мной?

— Я сейчас приведу его сюда, — вмешался я в разговор и сделал знак полицейским.

XVIII

В комнату тут же ввели «бритого».

Он опустил голову, чтобы не смотреть в глаза баронету.

— Натан Розенкранц! — с изумлением воскликнул сэр Эльджернон, делая шаг назад. — Иллюзионист и фокусник из варьете?

Несмотря на сбритую бороду, баронет сейчас же узнал своего обидчика. Тщетно пытался Розенкранц оправдаться, изображая из себя невинную жертву, — его выдал «смуглый» Рурад, который оказался цыганом по происхождению. И немало этому разоблачению способствовал Шерлок Холмс, который еще на перроне заметил, что «смуглый» ревнует танцовщицу к «бритому». Разумеется, упускать такую возможность было нельзя! Вот почему Холмс, улучив момент, подкараулил «смуглого» и сказал ему:

— Вам нечего скрывать правду, Рурад, Розенкранц уже признался нам, что они с Субитовой задумали убить баронета, чтобы воспользоваться его деньгами и потом убежать вместе.

— Значит, они меня обманывали, — вскричал цыган, и темные глаза его блеснули, — когда говорили мне, что я должен во что бы то ни стало заботиться о знатном англичанине!

Чуть заметное изумление, как тень, промелькнуло на лице Холмса, но объяснять что-либо ему не пришлось: ревнивый Рурад сам подробно рассказал весь коварный план танцовщицы.

— Я ведь тоже работал в варьете, хотя и недолго. Акка мне очень нравилась, я начал за ней ухаживать, и она поощряла это. В последнее время она была все время какая-то задумчивая, я спрашивал почему, но Акка каждый раз отвечала уклончиво... Однажды она случайно проговорила, что у нее есть враг, смертельно ее оскорбивший, и что она готова всем пожертвовать, чтобы отомстить этому человеку. Я сейчас же выразил готовность помочь ей. Она изложила мне свой план, который был столь чудовищным,

что я чуть было не отказался от его исполнения, но бешеная страсть к этой женщине в итоге заставила меня согласиться.

Слушавший рассказ Рурада баронет нервно вздрогнул.

— План был такой. Акка знала о поездке баронета Коксвилла в Стокгольм. Я вместе с Розенкранцем, тоже посвященным в этот заговор, последовал за ним, чтобы похитить его в Швеции и незаметно перевезти в Россию. Мы разыграли сцену самоубийства. Все вышло превосходно. Далеко от города, на пустынном острове фьорда, куда мы заманили баронета подложным письмом, мы захватили его, пользуясь тем, что было уже темно. Розенкранц, как гипнотизер, должен был внушить баронету, что он не помнит, кто он такой, как его зовут и откуда он. Это тоже вполне удалось, и баронет, ставший совершенно беспомощным, был привезен мною в Москву. Здесь я поместил его в заранее снятый дом, но однажды недосмотрел за ним, и он убежал. Остальное вам известно, — закончил Рурад.

— А как вы объясните то, что Акка Субитова запретила убивать баронета Коксвилла?

— Она рассчитывала обвенчаться с ним, пока он находился в состоянии невменяемости, затем я должен был вернуть ему память, предварительно внушив, что он сознательно женился на Субитовой. На другой день утром, после того, как вы меня арестовали, должен был состояться обряд венчания.

Мне и Холмсу наконец-то стал ясен хитроумный план танцовщицы. Вопреки нежеланию баронета жениться на ней, она все-таки хотела сделаться его законной женой. Тем более что, находясь под гипнозом, он не мог сознавать, что этот брак заключается против его воли и желания.

Я не знаю, что случилось в дальнейшем с этими тремя преступниками — они были гражданами России и их должны были судить по законам этой страны.

Мы же втроем — Холмс, я и спасенный нами баронет — вскоре возвратились в Лондон.

Младшему брату пришлось уступить «воскрешему» Эльджернону его законный титул и обширные поместья, а самому довольствоваться прежним скромным положением.

Вскоре после возвращения в Англию баронет Коксвилл женился на Маргет Ферфакс, которая не сразу поверила глазам своим, увидев «умершего» жениха живым и здоровым.

Сергей Соломин

КОНЕЦ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Илл. Лебедева

Доктор Ватсон, верный друг великого сыщика, объяснил в весьма неудовлетворительной форме, — почему Шерлок Холмс прекратил свою деятельность навсегда и занялся огородничеством и пчеловодством.

Что побудило, однако, великого человека прекратить так внезапно самоотверженную борьбу со злом? Одно имя Шерлока Холмса заставляло дрожать от страха и ненависти врагов человечества, и то же имя вселяло благомыслящей части общества надежду, что защитник мещанского благополучия неизменно стоит на страже. Такие личности, как Шерлок Холмс, Наполеон, адмирал Нельсон, Ричард Львиное Сердце, Александр Македонский никогда не останавливаются и не обращаются в бегство с поля битвы. Только смерть или полное поражение ставит роковую точку в длинной повести их подвигов.

Но Шерлок Холмс жив, он удалился в добровольное изгнание. Не пережил ли он какого-нибудь Ватерлоо?

Доктор Ватсон молчит. И я ему вполне сочувствую: друг не должен выдавать позора своего друга.

Но я, случайно узнавший грустное происшествие, сломившее железную волю великого сыщика и, не будучи связан клятвой или узами дружбы, считаю своим долгом поведать миру истину.

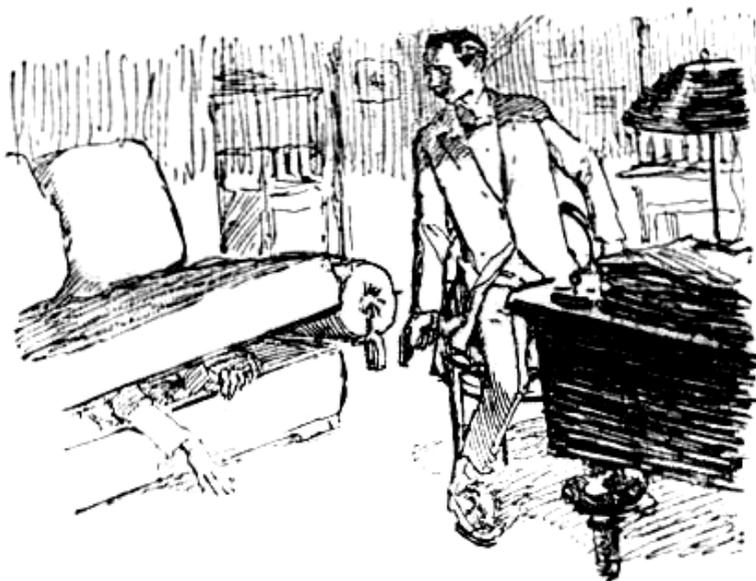
I

Поздно вечером д-р Ватсон сидел в своем кабинете и просматривал документы, которые должны были послужить материалом для нового тома походов знаменитого сыщика. В доме все уснуло и было совершенно тихо. Черная ночь смотрела в окна коттеджа.

Д-р Ватсон довольно часто отрывался от своей работы, чтобы еще раз полюбоваться на новую оттоманку, обшитую превосходной персидской материей. Только накануне он сделал это прекрасное приобретение и оттоманку дос-

тавили из магазина мебели сегодня утром четыре дюжих молодца.

Тишина прерывалась лишь шелестом бумаг и громким тиканьем больших старинных часов. Часовая стрелка стояла на двух, минутная приближалась к двенадцати. Д-р Ватсон вздрогнул: ему показалось, что сиденье оттоманки слегка приподнялось. Привыкший ко всяким неожиданностям, он не растерялся и придвинул к себе ближе браунинг, всегда лежавший на письменном столе.



Сиденье продолжало подниматься и в зияющей щели показалась человеческая рука с длинными тонкими пальцами. Ватсон открыл предохранитель браунинга и направил дуло на оттоманку в ожидании появления злоумышленника.

Часы гулко пробили два удара...

— Дружище! — раздался знакомый насмешливый голос.
— Уберите ваше скорострельное оружие и опустите на окна железные шторы.

Ватсон поспешил исполнить приказание.

— А теперь посмотрите хорошенько, нет ли кого-нибудь за дверями.

После этих необходимых предосторожностей сиденье окончательно поднялось и из внутреннего ящика ловко выскочила худая фигура Шерлока Холмса.

Ватсон бросился к своему другу и крепко пожал ему руку, изобразив на лице радостное изумление.

— Дружище, избавьте меня от расспросов. Просидев целый день в вашей оттоманке, я чувствую адский голод. Накормите меня чем-нибудь, не беспокоя домашних.

— Но почему?..

— Вы хотите знать, почему я не вылез раньше из этого проклятого ящика? Ватсон, я должен был повидаться с вами, но за мной следит двенадцать пар глаз, не менее пронизательных, чем мои. Само Провидение внушило вам счастливую мысль купить оттоманку, а попасть в нее для вашего покорнейшего слуги, конечно, детская забава. Кормите меня, Ватсон, если не хотите видеть умершего голодной смертью...

Только истребив холодную закуску и запив ее стаканом виски, Шерлок Холмс получил способность говорить. Он закурил свою знаменитую трубку с крепчайшим табаком и растянулся на кресле-качалке.

— Никогда еще, Ватсон, ваш друг не находился в более странном положении. Победа и поражение — в одно и то же время. Вы, вероятно, обратили внимание, что в последние два года в Лондоне, Париже, Вене, Берлине, Амстердаме, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Токио, Владивостоке, Петербурге, и во многих других городах совершен ряд дерзких преступлений, оставшихся безнаказанными? Какие это преступления? Ограблено несколько касс банков и акционерных обществ. Похищено несколько красивых девушек лучших аристократических фамилий. Без вести исчез наследник американского миллиардера. Убит и ограблен старый еврей Ионас, имевший привычку хранить в своем уединенном доме огромные ценности. Около Варшавы произошло крушение европейского поезда, в котором ехали чрезвычайно бо-

гатые пассажиры и везли бриллианты общей стоимостью в миллион фунтов стерлингов. Недавно ограблен Ватикан. Из сокровищницы одной царствующей династии исчез алмаз, равного которому нет в мире. Произошло нападение на трансваальские алмазные копи. Английское морское министерство тщетно ищет пропавшую миноноску №107... Продолжать ли, Ватсон? Вы спросите, какая же связь между этими преступлениями? По-видимому, никакой. Так думал и я. Долго было бы рассказывать, как я, неустанно работая целый год, сверяя малейшие подробности преступлений и совершив несколько раз кругосветное путешествие, пришел к заключению, что все это — дело одной преступной международной шайки. Вы знаете мой метод? Мне достаточно ухватить конец нити и клубок в моих руках. Я знаю поименно и в лицо всех двенадцать главарей этой опаснейшей шайки. Всем руководят три женщины. Ватсон, это настоящие дьяволы, воплотившиеся в женские тела безукоризненной красоты! Шайка замыслила грандиозное ограбление банка — 10.000.000 фунтов стерлингов, Ватсон! Я знаю, что для осуществления своего гнусного замысла им не хватает одного сведения. Ватсон, время идет, через пятнадцать минут я должен исчезнуть! Надо нанести последний удар и красивые дьяволы очутятся за решеткой. Вот пакет! В нем все подробности. Если через двое суток я не явлюсь к вам, передайте пакет властям, но... не раньше! Если арестуют не всю шайку...

Шерлок Холмс не договорил. Электричество мгновенно погасло и Ватсон ясно расслышал среди наступившей внезапной тьмы шипящий звук. Он почувствовал приторный, одуряющий запах, дыхание захватило, сознание его оставило...

Когда Ватсон очнулся утром, он увидел открытое окно. Шерлок Холмс исчез. Исчез и пакет с обличающими документами.

II

— Ха, ха, ха! — раздался смех трех прелестных женщин.

Веселым переливам женского хохота вторил бас брюнета атлетического телосложения.

— Здравствуйте, великий сыщик!

Смуглая красавица блеснула на Холмса черными звездами глаз и, округлив обнаженную до плеча руку, точно вылитую из бронзы, послала воздушный поцелуй. Холмс сидел в кресле, весь опутанный веревками. Рот его был заткнут куском гигроскопической ваты.



Великий сыщик несколько не тревожился за будущее, так как не раз бывал в положениях, совершенно безнадежных.

Великолепная блондинка с роскошными формами пристально посмотрела на Холмса своими небесно-голубыми глазами и откинула золотистые волосы, которые локонами вились до самой земли. Перед равнодушными глазами сыщика засверкал снежной белизной глубокий вырез черного бархатного корсажа. Блондинка отдала какое-то приказание царственным движением полной руки.

Мужчина атлетического телосложения подскочил к Холмсу и вынул у него изо рта клочок гигроскопической ваты.

Заговорила третья красавица. Это было прелестное создание. Огромные глаза наивно смотрели на весь мир под ровными, точно рисованными, дугами бровей. Носик был задорно вздернут и маленький рот словно выкрашен свежей кровью. Все обличало в ней парижанку.

— М-сье Холмс, поверьте, что я с огромным удовольствием читала о ваших дивных похождениях, описанных д-ром Ватсоном. И даже многому научилась из бесподобных методов, применяемых вами при сыске. Когда в «Совете Трех» обсуждался вопрос о смертной казни, которую вы, строго говоря, давно заслужили, я первая подала голос за вас и убедила председательницу оставить вам жизнь. Я против смерти...

— А еврей Ионас и жертвы железнодорожного крушения под Варшавой?! — замогильным голосом прогудел Холмс.

— Не будем спорить! С вашим проницательным умом вы, конечно, догадались, зачем мы вас похитили?

— Вы собираетесь ограбить банк в одну из ближайших ночей. Чтобы открылась дверь бронированной кассы, необходимо знать три последовательных слова для комбинации кнопок секретного замка. Вам известно только первое слово: «Альсинорт». Остальных двух вы не знаете и надеетесь выпытать у меня тайну.

— Вы удивительно хорошо осведомлены. Это избавляет нас от излишних разговоров. Ваши условия?

— С грабителями и убийцами я не вхожу в переговоры.

— Прекрасно. Другого ответа мы и не ожидали. Все же мы считаем своей обязанностью попытаться окончить дело мирно. Что вы скажете о 20% с добычи? Это ведь составит

2 миллиона фунтов!

— Богатство никогда меня не прельщало.

— А если мы укажем место, где находится английская миноноска № 107? Вернем похищенного наследника? Отдадим сокровища Ватикана и королевский бриллиант?

— Все это я разыщу без вашей помощи.

— Но вы забываете, милейший м-сье Холмс, что выйти на свободу вам удастся, лишь сообщив нам два слова. В противном случае...

— Я не боюсь смерти! — гордо блеснул серо-стальными глазами великий сыщик.

— Это мы знаем, но неужели вы думаете, что умрете так просто — от револьвера, яда или кинжала? Вам знакома пытка огнем?

— Меня жгли до костей раскаленным железом пираты Темзы.

— Водой?

— На Сандвичевых островах шайка Хуареса влила в меня бочку воды.

Царственная блондинка подняла руку.

— Довольно. Призовите Яди-Самагата.

Через минуту явился юркий, жилистый японец. Он подошел к Холмсу и, вытянув свои цепкие руки, начал последовательно сжимать ими мускулы рук и ног сыщика. Потом он проделал что-то над шеей. Перебирал пальцами по груди и животу. И наконец, оставив свою жертву, безнадежно развел руками.

— Этот человек прошел школу японской пытки, называющейся у нас «Пляской Смерти». Каждый кусок его тела сопротивляется «адскому массажу».

— В таком случае, — сказала блондинка, — применим электричество.

Брюнет атлетического сложения надел на голову Холмса металлический шлем и опутал его тело проводами.

Блондинка повернула ручку выключателя...

Только закоренелые злодеи могли смотреть без ужаса на пытку электричеством. Холмс испытывал нечеловеческие страдания, все тело его сводило мучительной судоро-

рогой, казалось, голова сейчас разорвется на части. Несмотря на то, что сыщик был привязан к креслу, его подкидывало до самого потолка.

Блондинка выключила ток.

— Вы скажете два слова, Холмс?

— Никогда! — произнес сыщик задыхающимся голосом и потерял сознание.

Когда он очнулся, в комнате царил полумрак.

Адские женщины — главари шайки — и их помощники куда-то скрылись.

Внезапно открылась дверь и к Холмсу тихо стала приближаться женская фигура, вся закутанная в покрывало.

Белая пелена спала и перед сыщиком предстала блондинка во всем блеске своей царственной красы. Единственной одеждой для красавицы служила густая волна ее собственных золотых волос. Она прильнула к Холмсу и покрыла лицо его страстными поцелуями. Призывный запах молодого женского тела, соединенный с ароматом цветка лотоса, дурманил голову.

— Милый, скажи два слова и я буду твоей. Я напою тебя сладкой отравой безумной страсти, которую ты никогда не испытывал.

Красавица развязала сыщику руки и уже торжествовала победу, чувствуя, как сильные мужские руки обняли ее обнаженный стан.

В комнате раздался сухой треск стальных наручников, которые Холмс с быстротой молнии вытащил из бокового кармана и защелкнул на руках блондинки, отведя их за спину.

— Именем закона я тебя арестую! — крикнул он громовым голосом и быстро освободился от веревок, связывавших его ноги.

Но блондинка в тоже время успела отскочить к стене и, не владея руками, нажала кнопку электрического звонка своим прелестным носиком.

В комнату ворвалось пять негров чудовищного роста и, схватив Холмса, повалили его на пол. Один из них отстегнул манжетку на его левой руке и обнажил ее до локтя.

Вошли другие главари шайки и шторы взвились кверху. Комнату залили солнечные лучи.

— Обыщите его! — раздался властный голос.

Все карманы сыщика были выворочены.

— Сахира-Нагиб, делай свое дело!

Бронзовый индус подошел к Холмсу со шприцем Праваца и впрыснул что-то под кожу.



Негры откинули сыщика с силой в угол и в то же время раздался грохот опустившейся решетки, перегородившей комнату на две части. Холмс очутился в клетке, совершенно пустой. По другую сторону расселась важно на стульях вся шайка... и три красавицы впереди всех.

На этот раз заговорила брюнетка, в которой Холмс, по свойственной ему проницательности, узнал мексиканку.

— Великий сыщик, вы, конечно, убеждены, что вам впрыснут смертельный яд и мысленно прощаетесь с жизнью. Успокойтесь! Это всего только настой из индийского корня *suambo*. Известно вам это средство? Действие его начнется через десять минут. Скажите два слова и позади вас откроется в стене дверь.

Первый раз в жизни Шерлок Холмс весь содрогнулся от холодного ужаса. Он знал действия настоя *suambo*, впрыснутого под кожу, и сам применил однажды это средство к

кафру, проглотившему в Трансваале дивный бриллиант голубой воды. Именно таким образом овладел он знаменитой «Южной Звездой».

Никакая попытка не могла сравниться с тем, что чувствовал Холмс. Его ожидали позор и унижение и... в присутствии дам, хотя бы и преступниц.

— Дункан! — крикнул Холмс не своим голосом.

— Третье слово?

— Леди... леди Мильсборо!

Позади сыщика мгновенно открылась дверь.

.

В ту же ночь банк был ограблен.

— Друг Ватсон! — с поникшей, когда-то гордой головой сказал великий сыщик. — Я навсегда отказываюсь от профессии эксперта по уголовным делам. Есть сила, перед которой пасует и британское мужество. Эта сила называется: «Ш о к и н г».

Н. Михайлович

ТРИ ИЗУМРУДА ГРАФИНИ В.-Д.

(Из воспоминаний петербуржца о
Шерлоке Хольмсе)

В биографии Шерлока Хольмса, написанной его другом доктором Ватсоном, есть существенный пробел. Пробел этот относится к 18** году, к тому времени, когда Хольмс, покончив с профессором Мориарти, симулировал свою гибель с целью на некоторое время окончательно замести следы, и посвятил два года путешествиям. Большую часть этого времени, как вскользь упоминает и сам Ватсон, Хольмс провёл в России.

О деятельности знаменитого сыщика в России до самого последнего времени никто не писал. Объясняется это просто: Ватсону ничего почти не было известно, так как он в это время жил в Лондоне, а его воспоминания касаются, главным образом, тех «дел», в которых он участвовал лично, как наперсник и помощник Хольмса, русские же свидетели подвигов знаменитого сыщика не писали, так как он фигурировал во всех этих делах под самыми разнообразными фамилиями, скрывая, к тому же, по возможности, свое участие и приписывая труды своих рук работе агентов сыскальной полиции.

Но недавно в одном из наших журналов начали появляться рассказы о деятельности Хольмса в Москве и в других городах России. Рассказы касались, главным образом, «дел», в которых знаменитый Хольмс пошел по ложному следу. Эти тенденциозные произведения и заставили меня взяться за перо, чтобы дополнить своими воспоминаниями картину подвигов Хольмса в России, картину, получившую до сих пор слишком одностороннее освещение.

Во время пребывания Хольмса в России, я, по некоторым обстоятельствам, которые будут ясны из дальнейшего рассказа, имел возможность очень близко познакомиться с этой замечательной личностью и, прибавлю, познакомиться в такой момент, когда невозмутимый англичанин решал труднейшую задачу исключительно путем анализа, не собирая лично никаких сведений и не делая никаких наблюдений. Дело, о котором я хочу сейчас рассказать, записано в дневник Хольмса под названием «Три изумруда графини В.-Д.». Я должен оговориться, что, ввиду сравнительно небольшой давности событий, о которых идет речь, фамилии

действующих лиц изменены или заменены инициалами; в остальном же я ни на шаг не буду уклоняться от действительности, что, кстати, не представляет для меня особого труда, так как я был одним из наиболее осведомленных лиц во всей этой истории.

Глава I

Преступление

В описываемое время я занимал, вместе с моим другом Александром Петровичем Введенским или, проще, Сашкой Введенским, небольшую квартиру, окна которой выходили на набережную Фонтанки, недалеко от Чернышева моста. Я посвящал все свое время чистой математике и, имея один хороший урок, считал свои средства к жизни обеспеченными. Сашка был блестящим представителем типа вечного студента — он считался одним из лучших петербургских газетных хроникеров, зарабатывал большие деньги, из которых, конечно, невероятно быстро ничего не оставалось, но никак не мог сдать какого-то экзамена в течение пяти лет, к немалому удивлению и возмущению профессоров.

В один прекрасный весенний день (было начало мая) я сидел с книгой у открытого окна, забыв весь мир ради глубоких красот интегрального исчисления. Вдруг дверь отворилась и в комнату стремглав влетел Сашка, до того мирно дремавший на кожаной кушетке в своем «кабинете», и с торжествующим видом стал тыкать мне под нос какую-то бумажку.

— Ты погляди, погляди, — кричал он, как бесноватый, — что значит быть с Петром Алексеичем в дипломатических сношениях! Полицейская сошка! Взяточник! Закорючка! А ты смотри, сколько он мне сейчас пользы принес! — и Сашка продолжал все с тем же победоносным видом размахивать своей бумажкой.

У меня перед глазами встала низкая, расплывшаяся фигура Петра Алексеевича, туго затянутая в полицейский мундир, с побагровевшим от натуги лицом и мутными, стеклянными глазами. Три дня тому назад мы угощали его по настоянию Сашки обедом, после которого я был страшно зол на своего сожителя за удовольствие принимать таких милых гостей; в тот вечер мы едва не разругались. Теперь Сашка торжествовал, так как Петр Алексеич, очевидно, отблагодарил его за угощение, сообщив какое-то важное известие!

— В чем дело? — удалось мне, наконец, прервать расходившегося приятеля. — С Исаакия леса сняли?* Или Адмиралтейская игла в Неву свалилась?

Но Сашка мгновенно стал серьезен; его ликующее настроение исчезло без следа, и совсем иным, чисто деловым тоном он ответил:

— На Каменноостровском, в собственном доме, убиты граф Дмитрий Иванович В.-Д. и его жена, вероятно, с целью грабежа. Преступление обнаружено в два часа. Теперь, — продолжал Сашка, взглянув на часы, — четверть четвертого. Стало быть, если я сейчас найму лихача, я буду, надо думать, первым корреспондентом на месте убийства. Жди меня к вечеру.

Сашка попытался было быстро уйти, но я его задержал.

— Постой, Сашенька, — взмолился я, — ведь я знаком с молодым графом Николаем Дмитриевичем. Слушай, нельзя ли мне как-нибудь вместе с тобой? Устрой, если ты подлинно приятель. Голубчик, Сашенька!

Введенский повертелся на каблуках, метнул на меня молниеносный взгляд, привычным движением вскинул пенсне и вдруг решился.

— Одевай шляпу, — скомандовал он, — поедем. Живо.

Я не заставил себя долго ждать, и через несколько минут мы уже мчались на Петербургскую сторону.

* Собор св. Исаакия Далматского оставался в лесах чрезвычайно долго, и в то время петербуржцы начали уже терять надежду увидеть это здание в законченном виде (*Прим. авт.*).

Сашка сопел и нетерпеливо погонял извозчика. Я нервничал, так как мне в первый раз предстояло увидеть картину преступления.

Промелькнула Нева, начались дачи. Рысак неся, как стрела, и через несколько минут путешествие кончилось.

Мы подъехали к двухэтажному красивому каменному особняку.

— Стой! — крикнул кучеру Сашка и, быстро соскочив, направился к подъезду.

Нас тотчас остановили два городских, стоявших у дверей. Сашка, как человек бывалый, быстро сумел соответственным образом воздействовать на их непоколебимость и убедил вызвать Петра Алексеича.

Не прошло и пяти минут, как Петр Алексеич появился и, кряхтя, провел нас во внутренние комнаты особняка.

— Вот это, — объяснил он по дороге, — прихожая. Вот эта дверь направо ведет в кабинет, где и сейчас еще находится труп графа в том же положении, в котором он был найден. Эта дверь прямо, через которую я вас и проведу, ведет в столовую.

Через столовую мы вошли в небольшую комнату, судя по обстановке, будуар. Наш вожатый подтвердил эту догадку.

— Это будуар графини, — продолжал он. — Отсюда нам удобнее незаметно войти в кабинет.

Он приотворил дверь в соседнюю комнату.

Там находилось уже несколько человек, очевидно, судебные власти, занятые осмотром места преступления.

Я взглянул на Сашку. Ноздри его раздувались, усы как-то особенно воинственно торчали в стороны, а глаза так и сверкали из-под пенсне. Он точно обнюхивал воздух и неслышными шагами крался за Петром Алексеичем в кабинет.

Кабинет представляла собою довольно обширная комната в два окна. Она вся была заставлена тяжелою кожаной мебелью, украшенною медными гвоздями, тяжелыми книжными шкафами и обширным письменным столом. В углу виднелся широкий, выложенный коричневыми изразцами камин. Дверей было две: одна, ведущая в прихожую, мимо

которой мы проходили, и другая, ведущая в будуар, через который мы вошли.

Я вошел за моими спутниками и вздрогнул.

Прямо передо мной лежал навзничь, головой к окну, старый граф. Он широко раскинул руки и ноги; на голове у него зияла рана. На полу, возле трупa, виднелась кровь.

Не успели мы войти, как высокий, темноволосый, с проседью мужчина, стоявший у окна, с нотой раздражения в голосе крикнул:

— Петр Алексеич!

Наш чичероне сжался и рысцей подбежал на зов. Высокий ему что-то повелительно буркнул, и через минуту он уже возвращался обратно к нам, виновато моргая глазами.

— Уходите, — прошептал он, косясь по направлению к окну. — Говорит, что корреспондентов еще пускать нельзя. Подождите пять минут на террасе. Сейчас все уберутся.

Делать было нечего. Мы вышли из комнаты и через столовую прошли на террасу. Введенский тотчас же вынул записную книжку и карандаш, а я стал медленно прогуливаться.

Как я узнал впоследствии, терраса соединялась с крытой галереей, ведущей во флигель, в котором помещалась спальня и комната молодого графа.

Когда мы вышли на террасу, в конце этой галереи вдруг показались два человека. Они, разговаривая, медленно направлялись в нашу сторону; в первом я узнал молодого графа Николая Дмитриевича. Он был смертельно бледен, под глазами обрисовывались черные круги; в остальном же его спокойная, непринужденная фигура носила обычный сдержанный вид.

— А, это вы, — сказал граф, поравнявшись со мной. — В невеселую минуту пришлось встретиться...

— Николай Дмитриевич, — ответил я, — если мое соблазновение может иметь для вас хоть какое-нибудь значение, примите выражение самого искреннего участия...

— Благодарю вас, — ответил граф. — В моем несчастье не может быть утешения. Но мне остается одно: все свои силы я употреблю на то, чтобы найти негодяя, у которого

поднялась рука на такое зверское дело.

— И в этом вы не найдете более верного помощника, чем маркиз Альфред де Варенн! — вмешался в разговор спутник графа, молодой брюнет с изящной эспаньолкой, и черные глаза его мрачно сверкнули.

— Спасибо, Альфред, — ответил граф, признательно пожав руку своему товарищу. — Я в этом был уверен.

В этот момент Сашка, до сих пор молчаливо слушавший наш разговор, вмешался:

— У вас есть какой-нибудь определенный план, граф? — спросил он. — Ведь для того, чтобы найти преступника, нужны опытные помощники, нужно уметь взяться за дело.

— Я обращаюсь к помощи Воронина, — ответил Николай Дмитриевич, — его имя говорит само за себя.

— Прекрасная мысль, — обрадовался Сашка. — Простите мою назойливость, но если вы ничего не имеете против, я осмеливаюсь предложить вам и свои услуги. Позвольте представиться: Введенский, корреспондент газеты ***, — тут Сашка назвал одно из известнейших петербургских изданий.

— И мой старый приятель, — прибавил я.

— Очень тронут, — отвечал граф. — Я очень ценю ваше сочувствие. Вам, очевидно, и с вашей точки зрения интересно разыскать преступника; стало быть, пути наши сходятся. С удовольствием принимаю ваше предложение.

Он был, очевидно, рад заручиться содействием Сашки, имя которого, должно быть, ему было знакомо по газетам. Сашка, надо сказать, был в Петербурге довольно популярной личностью.

— Благодарю вас, — поклонился Сашка. — Надеюсь, вы не будете в этом раскаиваться.

Граф раскланялся с нами и, взяв под руку маркиза де Варенна, прошел дальше в комнаты.

Не успели мы обменяться двумя-тремя словами, как на террасу выбежал Петр Алексеич и усиленно закивал нам головой.

— Идите, идите, — зашептал он, когда мы приблизились. — Протокол составлен, осмотр кончен, все убираются. Теперь можете заняться и вы.

Мы не заставили себя долго просить, и в следующий момент уже были в кабинете. Введенский осторожным, мягким жестом остановил меня у дверей, а сам, как-то съжившись и приобретя кошачьи ухватки, принялся за осмотр.

Он начал с одного угла и обошел постепенно всю комнату, залезая под кресла, под письменный стол, обнюхивая каждую полку книжных шкафов, тщательно осматривая окна. Так он возился с полчаса. Вернувшись к прежнему месту, он с видом отчаяния схватился за волосы и произнес:

— Ничего, абсолютно ничего!

— Я с вами совершенно согласен, — раздался вдруг голос за моей спиной, — абсолютно ничего.

Перед нами стоял среднего роста человек с большими голубыми глазами и светлой шевелюрой, с типичной наружностью славянина. Его небольшие усы довольно небрежно висели книзу, серый пиджак сидел как-то особенно мешковато, словом, видно было, что этот человек совершенно не следил за своей наружностью. Вокруг губ у него постоянно виднелась складка, благодаря которой лицо все время сохраняло выражение насмешливой иронии. Прямые, непокорные волосы все время слегка спускались на лоб, и онправлял их привычным жестом.

Это и был знаменитый Сергей Лукич Воронин, начальник сыскной полиции.

За его спиной виднелись фигуры графа и маркиза Альфреда де Варенна.

— Здравствуйте, — отозвался Сашка.

— Здравствуйте, — отвечал Воронин. — По приглашению графа, я первый занялся этим делом и пришел к тому же результату. Стало быть, это верно. Пойдемте теперь в комнату Николая Дмитриевича, подождем, пока он исполнит свои печальные обязанности, и потом попросим, может, он нам расскажет что-нибудь новое.

— С удовольствием, — сказал граф.

— Позвольте только мне с ними (он указал на людей, очевидно, присланных погребальным бюро) перенести отца.

Последние слова граф проговорил со слезами в голосе. Он, видимо, невыносимо страдал и лишь усилием непреклонной воли подавлял свое волнение.

Мы молча переглянулись и вышли.

Глава II

Рассказ молодого графа

Я докурил уже вторую сигару, когда в комнату вошел граф. Он, по-видимому, уже совершенно овладел собой и, по крайней мере, по наружности, был невозмутимо спокоен.

— Я к вашим услугам, — сказал он, обращаясь к Воронину.

Воронин очнулся от задумчивости, которая не покидала его ни на секунду во время ожидания, и произнес:

— Вам не слишком тяжело, граф, растравлять эту рану подробными ответами?

Когда граф отрицательно покачал головой, он продолжал:

— В таком случае, я прошу вас рассказать возможно подробнее все, что вы знаете о преступлении.

Все приготовились слушать. В комнате находилось пять человек: Воронин, маркиз де Варенн, Введенский, я и сам граф.

Граф немного подумал и спокойно начал свой рассказ.

— Я боюсь, что расскажу вам слишком мало, — начал он, — так как сам я ничего почти не видел.

Сегодня утром, по обыкновению, наш лакей — негр Ганнибал — принес мне завтрак сюда. Позавтракав, я принялся за работу и занимался довольно долго — до двух часов. В два часа я решил пойти пройтись и поэтому, выйдя из моей комнаты, по галерее прошел в столовую. Я о чем-то задумался; затем, не знал, есть ли кто-нибудь дома или нет, и не обратил внимания на тишину, царствовавшую в комнатах. Я уже входил в прихожую и удивился, отчего там,

вопреки нашим порядкам, нет казачка, как вдруг мне послышался стон.

В первый момент я принял это за галлюцинацию. Но звук был слишком ясен, слишком отчетлив. В следующее мгновение я был уже в кабинете.

Здесь я увидел то, что видели и вы. Передо мной был труп отца. Но еще ближе, налево, у стены, на полу лежала моя мать, вернее — мачеха, так как отец женился на Нине Александровне приблизительно год назад, будучи вдовцом. Нина Александровна была почти без сознания, едва дышала, и не знаю, смогла ли бы вторично издать тот стон, который я только что услышал.

Я не стану вам говорить, что я пережил в эту минуту. Я, кажется, немного поседел (я взглянул на графа — действительно, в его волосах виднелись серебристые нити), но я рад, что дело ограничилось только этим: я мог в этот момент сойти с ума, и преступление осталось бы, может быть, неотомщенным.

Глаза графа засверкали. Он помолчал несколько минут и, собравшись с силами, продолжал.

— Я бросился к Нине Александровне и громко закричал, призывая на помощь прислугу. Но никто не являлся, пока я не догадался позвонить. На звонок прибежал наш старый повар Терентий, который служит у нас с малолетства: он начал свою карьеру поваренком у моего деда.

Общими усилиями мы перенесли Нину Александровну на кровать в спальню. В это время жена Терентия, которая также живет у нас и помогает ему на кухне, вместе с казачком, который куда-то отлучился и только в этот момент вернулся в кухню, побежали за доктором. По дороге она сообщила о происшедшем постовому городовому.

К счастью, доктор, который живет в двух шагах — по другой стороне Каменноостровского, — оказался дома и прибежал уже через пять минут. Он мог лишь констатировать смерть отца (голос графа дрогнул). Нина Александровна, по видимому, между жизнью и смертью.

Затем приехал Сергей Лукич, явилась полиция и все эти господа, которых вы видели. Вот и все, что я могу вам

рассказать.

— Если не ошибаюсь, — быстро спросил Воронин, который, как и Введенский, все время делал в своем блокноте заметки, — вы упомянули имя вашего лакея Ганнибала. Где же он теперь?

— Я не знаю, — ответил граф. — Ганнибала отец привез из кругосветного путешествия, которое он совершил лет десять тому назад. Это человек идеальной честности, к тому же преданный моему отцу, как собака. Повар говорит, что приблизительно в половине первого часа он отправился прибирать комнаты и с того времени не возвращался на кухню. Но когда я вошел в комнаты в два часа, его там не было. Куда он девался, я не знаю, но до сих пор его еще нет.

— Вы говорите, Ганнибал — негр, — подхватил Сашка. — Стало быть, на него не могут не обращать внимания на улице и, если бы он вышел через подъезд на улицу, его бы неминуемо заметили.

— Конечно, — согласился граф.

— Постовой городской, который стоял недалеко от дома с девяти часов утра, — отозвался маркиз де Варенн, — говорит, что Ганнибал не выходил на улицу ни разу...

— Вы его подробно расспрашивали о преступлении? — быстро спросил Воронин.

— Нет, я спросил его об этом случайно, к слову, — спокойно ответил маркиз.

— Какая удачная случайность! — воскликнул Воронин, и ироническая улыбка вокруг его губ обрисовалась яснее. — Впрочем, мы, профессионалы, знаем, как много преступлений было раскрыто благодаря случайности.

— А как вы полагаете, граф, — вмешался в разговор Введенский, — каким путем преступник или преступники проникли в комнаты и с какою целью совершено преступление?

— Вы мне задаете очень трудный вопрос, — ответил граф. — Обыкновенно дверь на террасу бывает утром заперта, точно так, как и окна. С улицы преступник войти не мог. Была ли дверь на террасу плохо закрыта, или ее просто забыли запереть, но факт тот, что, как я хорошо заметил, в момент

обнаружения преступления дверь в сад была открыта. Я полагаю — это путь, которым злодей проник в дом...

— Если он имел надобность проникать в дом, — добавил Воронин.

— Как же иначе? — спросил граф. — Что же касается цели преступления, то она мне совершенно понятна. Преступники, очевидно, рассчитывали овладеть нашими фамильными драгоценностями. Шкаф в кабинете, в котором они хранятся, как вы сами видели, взломан. К счастью, злодеи не могли вскрыть стальной огнеупорной шкатулки, которая и спасла наши бриллианты.

— Эта шкатулка тяжела? — спросил Введенский.

— Да, довольно тяжела, — ответил граф. — Она весит около двух пудов.

— Почему же, в таком случае, они не унесли ее с собой? — вопросительно воскликнул Введенский. — Ведь двухпудовую шкатулку унести очень легко.

— Вероятно, вор искал чего-то другого, — проговорил маркиз де Варенн.

— Чего же другого? — рассмеялся Саша. — Имея в руках шкатулку с фамильными драгоценностями, вор искал бы чего-нибудь другого... Я склонен думать, что вора кто-то спугнул во время его работы, и он сбежал, бросив шкатулку в испуге, а может быть, просто затем, чтобы не затруднять себе бегства.

— Кто же мог спугнуть? — спросил де Варенн.

— Мы забираемся слишком далеко в область предположений, — прервал его Воронин.

В этот момента Сашка поднялся и неожиданно произнес:

— Я пройду на минутку в сад.

— Поискать следов? — спросил Воронин. — Напрасно. Я уже смотрел, — абсолютно ничего. Асфальт и трава — судите сами; кроме того, ведь ночью прошла гроза; там мог бы пройти и слон, не оставив ни малейшего знака своей тоненькой ножкой.

Граф поднялся с своего места и спросил:

— Сергей Лукич, я вам больше не нужен? В таком случае, я вас покину и пройду к Нине Александровне. Если вам что-нибудь понадобится — будьте, пожалуйста, как у себя дома.

— Я уйду с тобой, — сказал де Варенн и, сделав общий поклон, вышел вместе с графом.

Мы поднялись в свою очередь.

— Надо прежде всего разыскать Ганнибала, — сказал я, желая услышать мнение Воронина.

— Да, сам он не вернется, — уверенно ответил Сашка.

— Поживем — увидим, — медленно проговорил Воронин — и мы втроем вышли на улицу.

Городовой, которого по просьбе графа Николая Дмитриевича дали ему, как охрану, запер за нами дверь. Мы сели на извозчика, Воронин пошел пешком.

Было жарко, почти душно. Сашка задумался и молчал. Я перебирал в уме все виденное и старался нарисовать себе картину преступления.

— Тут, пожалуй, в конце концов и Воронин «сядет»! — подумал я вслух.

— «Сядет»! — подтвердил Сашка.

Глава III

Новые события и новые данные

На следующий день, рано утром, меня разбудил возглас Сашки.

— Ишь, развалился, лодырь! Вставай, если хочешь ехать со мной на Каменноостровский.

— Зачем? — любопытствовал я.

— Ну, ну, не спрашивай! — рассердился Сашка. — Поеду осмотреть сад виллы графа В.-Д. А ты, любопытная баба, мне поможешь.

Я не стал ждать, пока Сашка повторит свое приглашение, и через двадцать минут мы уже ехали по вчерашнему пути.

Мы вышли из экипажа, несколько не доезжая виллы графа В.-Д., и приблизились к ней пешком. Окна обоих этажей, отражая яркий солнечный свет, так и сияли на красных, красиво отделанных рустами стенах, и весь изящный особняк, казалось, улыбался добродушною, ясною улыбкою, точно радовался этому прелестному майскому утру, позабыв о вчерашней драме.

Введенский долго и внимательно стал рассматривать высокую стильную решетку, отделявшую от улицы примыкавший к дому сад. Потом он быстро пошел далее по Каменноостровскому, молча увлекая меня за собой.

Так мы дошли до моста через Карповку. Введенский свернул в сторону. Идя по берегу речки, мы вскоре увидели решетку такого же рисунка. Очевидно, это была противоположная Каменноостровскому сторона сада. Посередине решетки находились ворота, за которыми виднелась какая-то будка; должно быть, в ней жил сторож или садовник.

Мои предположения скоро подтвердились. Сашка, внимательно осмотрев и эту часть ограды, подошел к калитке и дернул за ручку. Калитка была заперта.

На стук вышел из будки широкоплечий человек среднего роста, с короткой шеей, которая, казалось, не позволяла ему поднять вверх голову, и, подойдя к калитке, спросил:

— Вам чего надобно?

— Мы хотели бы осмотреть сад, — ответил Введенский.

— Сад осматривать не разрешается, — резко ответил не приветливый субъект.

— Вы садовник? — не смущаясь, продолжал Сашка. — Садовник? Ну и отлично. Вас-то мне и надо. Я думаю, вы не откажетесь показать нам сад. Вам от этого ничего, кроме прибыли, не будет (тут Сашка вынул из кармана и стал равнодушно вертеть в руках полуимперил), а мне надо описать сад графа В.-Д. в газете.

При виде золотого, взгляд угрюмого Цербера смягчился. Немного поколебавшись, он вытащил из кармана ключ и открыл калитку. Мы с Введенским вошли, а садовник поплелся за нами, не отставая ни на шаг.

Мы обошли весь сад кругом. От берега Карповки и от Каменноостровского он отделялся, как уже было сказано, высокой железной решеткой, покрытой тонкими ветвями вьющихся растений, перелезть через которую можно было разве лишь с помощью очень длинной лестницы. С двух других сторон сад ограничивали сплошные стены, на гребне которых, в свою очередь, была устроена еще деревянная стенка, очевидно, с целью закрыть внутренность сада от любопытных взглядов из окон соседних домов. Посередине возвышалась красивая беседка в китайском стиле, в окна которой были вставлены разноцветные стекла.

Введенский медленно подвигался вперед; все его внимание было обращено на ограду. Несколько раз он подходил к ней вплотную и внимательно рассматривал ветви дикого винограда, еще почти непокрытые листьями, а затем шел дальше, не переставая разговаривать с садовником.

— А вас, дядя, как зовут? Демьян? Хорошее имя. У меня был дядя Демьян. Хозяйственный был человек, просто на редкость. А за садом смотрел — страсть. Каждое деревце, каждый кустик, как свои пять пальцев, помнил. Садовнику у него туго приходилось. А покойный граф Дмитрий Иванович в садоводстве, помнится, также толк знал.

— Мало, — отозвался Демьян.

— А вы, дядя, давно здесь служите?

— Да скоро десятый год пойдет, — ответил садовник. — Покойный граф, царство ему небесное, ко мне доверие питал. Десятый год здесь живу, — Демьян махнул рукой в сторону своего флигеля, — первый раз на побывку домой отпросился; вчера вернулся, и вот...

Садовник замолчал.

В этот момент со стороны калитки послышался резкий стук. Демьян побежал отворять.

— Не нравится мне этот субъект, — сказал я Введенскому. — С виду животное, а претендует на глубокое чувство...

Сашка промолчал.

Через две минуты Демьян уже возвращался к нам, ведя нового посетителя. Когда он подошел ближе, мы узнали Воронина.

— Здравствуйте, — скороговоркою приветствовал нас Воронин, — я сейчас раз десять звонил с подъезда, и никто не отозвался. Пойдемте в комнаты через террасу.

Мы повиновались.

Со стороны сада дом улыбался так же, как и со стороны улицы. Все было ясно, определено и буднично, успокоительно действуя на взволнованные нервы.

— Дверь открыта! — воскликнул Воронин.

— Встали, должно быть, — откликнулся садовник.

Мы прошли террасу и вошли в столовую. Дом казался мертвым, так все в нем было тихо.

Из столовой Воронин прошел в слабо освещенную прихожую, где была устроена постель городского. Подойдя к кровати, на которой виднелась длинная вытянутая фигура спящего стража, Воронин взял его за плечо и потряс:

— Вставай, вставай! Подушку у тебя можно украсть, и не заметишь.

Но городской упорно не двигался.

Между тем, глаза уже привыкли к полусвету. Воронин нагнулся над спящим и вдруг вскрикнул:

— Да ведь он мертв, черт возьми!

Мы бросились к постели: сомнения быть не могло. Изпод одеяла виднелось красное пятно на рубашке. Убийца, очевидно, поразил свою жертву во время сна метким ударом в сердце, а затем закрыл рану одеялом.

— Внутреннее кровоизлияние, — сказал Введенский. — Удар нанесен сверху вниз тонким и длинным колющим оружием, должно быть, тем же, которым был убит граф.

— Это издевательство, — с бешенством воскликнул Воронин. — Этого я себе не прощу!

Я посмотрел на его лицо и поразился. Добродушное, слегка ироническое выражение его исчезло. Предо мной был иной человек, охваченный яростью, едва-едва сдерживающийся усилием воли; в нем клокотало неуправляемое желание мстить за новое наглое преступление, за свое собственное оскорбленное самолюбие.

— Это надо было предвидеть! — произнес он. — Александр Петрович, вы мне поможете. Необходимо осмотреть

весь дом. А вас я попрошу, — обратился он во мне, — занять, вместе с Демьяном, наблюдательный пост на террасе, — ведь у вас есть револьвер? В случае, если выйдет из своей комнаты граф, предупредите меня.

Воронин с Введенским тщательнейшим образом осмотрели комнаты главного корпуса здания; там их поиски остались совершенно безрезультатными. Но когда Воронин стал подыматься по лестнице, которая вела из прихожей в верхний этаж, его внимание было привлечено бумажкой, белешкой на одной из ступенек. Подняв ее и осторожно расправив, он разобрал отрывок фразы, очевидно, вырванной из какого-то письма:

«...je laisse Claire dans la famille de mon amie, et dans quelques jours...»

Лестница вела в небольшой коридорчик, в который выходили три двери из трех расположенных во втором этаже особняка комнат. Две из них постоянно занимал молодой граф, лишь недавно, почему-то, переехавший вниз, а третья служила для приезжающих. В ней теперь жил, гостя у графа, маркиз де Варенн. В этот день маркиз ночевал внизу, вместе с Николаем Дмитриевичем.

Здесь поиски не увенчались успехом. Но когда Воронин уже сходил с лестницы, Введенский, вернувшись в среднюю комнату, бережно ссыпал на бумажку пепел с одной из пепельниц и, спрятав сверточек в карман, спустился в сад.

Затем они прошли через коридорчик в кухню и в людскую.

В кухне повара Терентия уже не было, — он ушел за провизией, а его жена Пелагея и казачок были поражены появлением Воронина и Сашки чуть ли не до столбняка и лишь молча наблюдали за каждым их жестом. Поиски и здесь не дали никакого результата.

— Надо еще обследовать сад, Сергей Лукич, — сказал Сашка, когда они возвратились на террасу.

— Непременно, — отозвался Воронин. — А вас я попрошу, — обратился он ко мне, — постучаться к Николаю Дмитриевичу и как-нибудь поосторожнее рассказать ему о всем происшедшем.

Пока я исполнял эту печальную обязанность, Воронин с Сашкой исследовали еще раз сад. В той его части, которой мы с Введенским не успели еще осмотреть, было сделано очень важное открытие. На дорожке, отделявшей газон, в центре которого находилась беседка, от другого, примыкавшего к ограде, виднелись следы. Кто-то, судя по величине и форме следов — мужчина, по-видимому, перешел через эту дорожку, направляясь от беседки к стене.

— Это вчерашний след. Как я его мог не заметить! — воскликнул Воронин. Сашка укоризненно закивал головой.

Воронин вынул из кармана лист бумаги, расправил его и, осторожно наложив на ясно обрисовавшийся на песке отпечаток ноги, вырезал его точную копию. В это время Введенский тщательно осматривал траву в том месте, где неизвестный сошел с нее на дорожку.

Трава не песок, и человеческая нога почти не оставляет на ней следов. Введенскому, а вслед за ним и Воронину не удалось определить путь, по которому прошел неизвестный. Только с обоих краев дорожки трава была как будто слегка примята.

После тщательного осмотра сада, Воронин направился вместе с Введенским в комнату Николая Дмитриевича. Они застали нас в тот момент, когда мне пришлось употреблять все свое красноречие, чтобы успокоить взволнованного графа.

— Это ужасно, — восклицал он с отчаянием. — Это я, только я виноват в смерти этого несчастного! Зачем только я вмешиваю ни в чем не повинных посторонних людей в свои дела? Одно пребывание в этом доме приносит несчастье.

Напрасны были все мои доводы, что предвидеть убийство было невозможно. Граф упорно стоял на своем, упрекая себя в совершившемся преступлении.

К счастью, ко мне на помощь пришел Воронин. Он вошел уверенно и спокойно, представляя своим видом полный контраст вытянутым лицам всех присутствовавших, не исключая и появившегося следом за ним Сашки.

— Успокойтесь, граф! — сказал он убежденным тоном. — Того, что свершилось, не поправить. Но я полагаю, что не позже, чем через три дня, мне удастся привести вам разгадку этого, столь таинственного на первый взгляд, происшествия.

— Я буду жить этой надеждой, — с невольным порывом облегчения воскликнул Николай Дмитриевич. — Заранее благодарю вас.

Воронин молча откланялся и ушел.

— Граф, у меня к вам очень большая просьба! — обратился я к Николаю Дмитриевичу, когда затихли шаги Воронина. — Только, пожалуйста, не припишите ее моей навязчивости.

— Что вам угодно? — спросил граф.

— Я знаю, что после всех этих передрыг ваши нервы не могли еще успокоиться. Затем, о Ганнибале еще ни слуху, ни духу; графиня Нина Александровна все еще в беспомощности; при таких обстоятельствах помощь надежного человека может вам пригодиться. И я прошу у вас, как одолжения, разрешения помочь вам в эту трудную минуту.

— Благодарю вас, — ответил граф. — Я был бы очень рад воспользоваться вашим предложением, но зачем вы хотите припутывать себя к тем скверным шуткам, которые сыграла и, я боюсь, сыграет судьба с нашей семьей?

— В таком случае, я не оставляю его одного, — вмешался Введенский. — Ночевать мы можем эти несколько ночей наверху и, следовательно, вас не стесним. Вы не откажете нам, Николай Дмитриевич?

Граф с чувством пожал нам руки.

Глава IV

Китайский павильон

Вечером, когда мы поднялись во второй этаж, попрощавшись с графом, который по-прежнему не отходил от постели,

ли Нины Александровны, начавшей, по-видимому, немного поправляться, я вспомнил обещание, которым Воронин обнадежил Николая Дмитриевича, и спросил Введенского:

— Сашка! Что, по твоему, выдумал Воронин?

— Чушь! — коротко ответил Сашка. — Я сам в этом деле ничего еще не понимаю и, боюсь, не пойму, но для меня ясно, что правильно разрешить загадку так скоро Воронин не мог.

— Так что он на ложном пути! На каком же именно?

— Не знаю! — ответил Сашка. — Но боюсь, что на самом неудачном. На этом деле он легко может попортить свою репутацию. Впрочем, может быть, он просто хотел обнадежить Николая Дмитриевича...

— Репутация Воронина, — возразил я, — испытана уже на таких твердых оселках...

— Ну и оставайся при своем, — сердито ответил Сашка. — А по-моему, у нас настоящий преступник, преступник-артист своего дела — такая редкость, что Воронину с ним встречаться не пришлось.

И на все последующие вопросы Сашка, обиженный моим недоверием к его словам, отвечал притворным храпом.

— Сбавь немного свою спесь, — наконец, сказал я в виде заключения. — Мое, и не только мое — всеобщее убеждение в талантливости Воронина имеет под собой кое-какие основания; и я убежден, что он один способен поднять густой флер, который лежит на всем этом деле.

Но Сашка, по-видимому, не слушал и храпел уже непритворно. Я пытался заснуть в свою очередь, но мне не спалось. Перед глазами так и мелькали трагические картины двух последних дней, взволнованные, растерянные лица зрителей... Но одно лицо было самоуверенно-спокойно: это было лицо Воронина.

Заснуть мне так и не удалось. Провалившись часа два в постели, я наконец решил, что лучше встать, одеться и посидеть у окна.

Была светлая, ясная ночь. Приближались белые ночи, для одних — прелесть, для других — бич Петербурга. Но до настоящих белых ночей было еще довольно далеко. Свет

был не то лунный, не то от зари, и это странное сочетание давало всей картине своеобразный колорит — бледный, нежный, какой бывает иногда на акварельных пейзажах, полный еле заметных переливов красок, прелесть которых, чуждая ярких тонов, понятна лишь чуткой к красоте настроенная душе северянина.

Я распахнул окно и невольно залюбовался расстилавшейся передо мной картиной.

Английский сад с его правильно разбитыми, точно ювелирной работы, клумбами, подстриженные низенькие деревья на фоне своих более старых собратьев, не поддавшихся ножу садовника, — все тихо спало. Белые дорожки протянулись, как изящно расшитые на богатом туалете ленты, вились и терялись в глубине. И посередине этого пейзажа, точно драгоценная вещь в изящном футляре, возвышался китайский павильон. Его цветные окна, казалось, приобрели в эту полную внешней неги прелестную северную ночь какой-то особенный блеск, гармонично сливавшийся с окружающим и как бы дополнявшим всю обстановку.

Я невольно перенесся мыслью за несколько десятков лет назад, в прошлое, из которого, казалось, была вырвана эта картина.

Я замечтался и не мог бы сказать, сколько времени просидел у окна, как вдруг мое внимание было привлечено странным обстоятельством: окна беседки слегка осветились, как будто бы кто-нибудь зажег внутри ее фонарь или свечку.

Я не суеверен и, как могут засвидетельствовать мои приятели, далеко не робкого десятка. Мне случалось проводить ночи наедине, в глухом лесу, не испытывая от этого ничего, кроме наслаждения близкого общения с природой. Но в этот момент, признаюсь, мне стало жутко. Обстановка была слишком необычайна, и воображение, к тому же увлеченное мечтами о прошлом, отказывалось естественно объяснить это странное явление.

Я знал, что в беседке никто не ночует. С другой стороны, я сидел у окна довольно долго, и в павильон нельзя бы-

ло войти, не будучи замеченным мною, так как его единственная дверь выходила по направлению к дому. Что за таинственный свет явился за цветными стеклами, чтобы через минуту снова погаснуть?

Невольным движением я бросился к постели Введенского и стал трясти его плечо. Когда он, наконец, проснулся и выслушал мой торопливый рассказ, то счел его просто галлюцинацией; но мне все-таки удалось убедить неисправимого скептика встать с постели и вместе со мной занять наблюдательный пункт у окна.

Мы просидели четверть часа, но свет не появлялся. Сашка уже начал ворчать, что я своими бреднями не дал ему выспаться, как вдруг он схватил меня за руку, как бы призывая к молчанию, и впился глазами в уже сгустившуюся темноту сада. В следующий же момент я понял, в чем дело: дверь павильона открылась и из нее показалась человеческая фигура.

Фигура остановилась в тени и долго и пристально стала рассматривать окна дома. Осмотр, по-видимому, ее удовлетворил (мы были скрыты занавеской), потому что она медленно стала двигаться дальше, и мы ясно рассмотрели человека, который, держа какой-то предмет в руках, согнувшись, крадущимися шагами, стал пробираться по направлению к дому.

В этот момент Сашка уже успел, не отрываясь от окна, натянуть брюки и пиджак и, вдруг решившись, очевидно, действовать, потянул меня за рукав и увлек за собой по направлению к лестнице. Соблюдая всевозможные предосторожности, с револьверами в руках, мы спустились в прихожую и через столовую прошли на террасу. Там никого не было видно.

После минутного колебания, которое показалось нам целой вечностью, Сашка решился открыть дверь и выйти в сад.

Мы обошли его кругом, никого не встретив. А между тем, сад был невелик и зарос не густо, так что спрятаться в нем было более чем затруднительно. Наконец, Сашка направился к китайскому павильону и толкнул дверь.

Дверь бесшумно открылась. Перед нами в фантастическом освещении, но как на ладони, была единственная восьмигранная комната павильона, красиво обставленная старинной мебелью красного дерева... Она была пуста.

Мы заглянули за портьеры, под столы, под кресла: никто не мог спрятаться здесь от такого осмотра. Введенский и я — мы оба были поражены, подавлены. Куда мог скрыться таинственный незнакомец?

Наконец, Сашка решил постучаться к садовнику и попытаться разъяснить что-нибудь этим путем.

Демьян долго не отзывался на наш стук, потом вышел, злой и раздраженный ночной тревогой, и категорически заявил, что он никого не пропускал, а перелезть через забор невозможно.

Мы направились снова к себе наверх, подавленные непроницаемой таинственностью ночного приключения.

— Рассказывать графу не стоит, — заметил, когда мы снова легли, Сашка. — А вот Воронину рассказать следовало бы, да это все равно ни к чему: он на ложном пути, и наше происшествие объяснит именно с точки зрения своего убеждения. Стало быть, ничего, кроме вреда, мы делу не принесем. Надо молчать, хотя я, признаюсь совсем сбит с толку...

В голосе Сашки слышалось, несомненно, сознание собственного бессилия.

— А на каком объяснении остановился, по-твоему, Воронин? — спросил я немного погодя.

Но Сашка уже ничего не ответил — он спал, а может быть, притворился спящим.

Г л а в а V

Мистер Уильям Митчель

Было уже около полудня, когда мы с Сашкой, на третий день после описанного случая, выйдя из особняка на Каменноостровском, направились к себе домой, чтобы захва-

тить кое-что из белья и платья. Найдя квартиру в полном порядке и взяв все необходимое, мы собирались уже совсем уйти, как у входной двери раздался звонок. Через минуту горничная (она же исполняла у нас обязанности кухарки и экономки) пришла доложить, что нас желает видеть какой-то господин.

Сашка немедленно вышел в гостиную, я вслед за ним.

У окна, спиной к свету, стоял высокий, бритый господин с рыжеватыми волосами, иностранец, как сразу можно было заключить по манере одеваться.

— Чем могу быть полезным? — спросил Сашка, направляясь к незнакомцу.

— Уильям Митчель, — представился тот и продолжал на довольно хорошем русском языке, но с заметным английским акцентом: — Очень извиняюсь, что вынужден обратиться к вам, не имея чести быть знакомым. Но меня заставляет очень важное дело.

— К вашим услугам, — сказал Сашка, подавая мистеру Уильяму Митчелю стул.

— Если не ошибаюсь, — начал англичанин, — я имею дело именно с господином Введенским из газеты ***? В таком случае, для вас сейчас будет ясна причина моего назойливого посещения. Дело в том, господа, что я чрезвычайно заинтересован загадочным убийством на Каменно-островском проспекте. Затем, мне неизвестно, что вы, господа, настолько занялись этим случаем, что даже живете в настоящее время не здесь, где мне случайно удалось вас застать, а в доме графа В.-Д. Надо вам оказать, что я не раз занимался, из любви к искусству, распутыванием всякого рода таинственных происшествий. В данном случае, я полагаю, я мог бы принести некоторую пользу и в деле выяснения убийства графа В.-Д.; к сожалению, у меня нет никакой возможности найти лицо, которое рекомендовало бы мои услуги графу. Поэтому я решил обратиться прямо к вам. Вам известны все подробности дела, — это во-первых, а во-вторых, надеюсь, вы не откажете мне помочь вам разобраться в этих запутанных обстоятельствах. Полагаю, что мой опыт может принести вам некоторую пользу.

Сашка, во все время этого монолога пристально рассматривавший посетителя, расплывался все больше и больше; дослушав до конца, он ответил:

— Есть на свете только один человек, которого я рискнул бы посвятить, на свой страх, в это дело. Этот человек — Шерлок Хольмс.

— В таком случае, препятствий не находится, — сказал, в свою очередь улыбаясь, англичанин.

Внезапная догадка озарила для меня всю эту сцену.

— Вы — Шерлок Хольмс?! — изумленно спросил я посетителя.

— Для вас, господа, если вам угодно, я Шерлок Хольмс, — отвечал англичанин. — Для всех же я — мистер Уильям Митчелль.

Я невольно замолчал, пораженный неожиданным появлением знаменитого сыщика, которого весь мир считал погибшим.

— У вас, господин Введенский, несомненный прирожденный талант, — продолжал между тем Хольмс, — вы меня узнали по рассказам, ни разу не видав. Я убежден, что подробности моей биографии с того момента, как меня сочли жертвой профессора Мориарти, для вас не важны. Я, с своей стороны, зато чрезвычайно интересуюсь результатами ваших исследований на Каменноостровском проспекте.

— Подробности преступления вам известны? — спросил Сашка, польщенный замечанием англичанина.

Хольмс утвердительно кивнул головой.

— В таком случае, я вам расскажу те, к сожалению, чрезвычайно малозначащие выводы, которые я сделал. Должен вас предупредить, что теперь я совершенно сбит с толку и без вашей помощи, пожалуй, не двинусь ни на волос вперед.

Хольмс приготовился слушать: я был также чрезвычайно заинтересован.

— Прежде всего, — начал Сашка, — я решил выяснить цель преступления. Этот пункт до сих пор остался для меня очень неясен. Как вам, вероятно, известно, по-видимому, целью преступления были фамильные драгоценности

графов В.-Д., хранившиеся в несгораемой шкатулке в шкафу. Вор взломал шкаф и, таким образом, мог, по-видимому, унести шкатулку. Между тем, он этого не сделал.

Однако, во всяком случае, факт взлома шкафа налицо. Отсюда можно, по-моему, сделать первый вывод: вор хотел похитить драгоценности, Это мы знаем достоверно. То обстоятельство, что он не унес с собою шкатулку, я склонен объяснить единственным, по моему, возможным объяснением: преступнику помешали; в последний момент его что-то спугнуло.

Второе обстоятельство, обратившее на себя мое внимание, заключается вот в чем.

Шкаф, в котором хранятся драгоценности, потайной. О существовании его, по глубокому убеждению графа Николая Дмитриевича, не знал никто, кроме его самого и его родителей. Допускаю, что это утверждение ошибочно. Но, во всяком случае, можно установить с достоверностью, что о существовании шкафа не мог знать никто, кроме семьи графов В.-Д. и их прислуги. На этом выводе, по-моему, и необходимо построить все расследование.

Наконец, что касается картины самого преступления, то достоверно, на мой взгляд, следующее: преступник, совершив убийство графа В.-Д. и нанеся страшную рану графине, не убежал из дома, а, по неизвестной мне причине, направился по лестнице во второй этаж, где и просидел целые сутки в комнате для приезжающих. Это я утверждаю с достоверностью, потому что нашел в упомянутой комнате его след.

Введенский встал, вышел к себе в кабинет и через минуту вернулся, неся какую-то свернутую бумажку.

— Вот, — сказал он, передавая бумажку Хольмсу, — пепел, который я нашел в этой комнате.

Хольмс развернул бумажку, вынул из кармана лупу и, старательно рассмотрев пепел, сказал:

— Папироса русской фабрики.

— Я сделал такой же вывод, — ответил Сашка. — Между тем, никто в доме папирос не курит. Покойный граф признавал только очень дорогие сигары, Николай Дмит-

риевич совсем не курил, маркиз де Варенн курит сигары.

Вот и все, что я знаю с достоверностью. На основании указанных трех соображений и надо, по-моему, построить нашу разгадку. Я и продолжал бы свои розыски в этом направлении, если бы не новое неожиданное происшествие, которое вносит в дело элемент таинственности, сверхъестественности. Эта таинственность совершенно лишает меня способности следовать указаниям рассудка.

Тут Сашка передал наше ночное приключение с павильоном.

Хольмс все время напряженно слушал. Выслушав рассказ Введенского до конца, он сказал:

— Вы пользуетесь совершенно правильным методом. Не следует только слишком поддаваться чувству, — всякая таинственность действует на нервы, но ведь от нас же зависит ее разъяснение. Впрочем, это дело привычки, сначала всегда так.

— Я хотел вам предложить один вопрос, — продолжал Хольмс после минутного молчания. — Вы не знаете, что сделано с несгораемой шкатулкой после того, как преступление было обнаружено?

— Шкатулка, — отвечал Сашка, — не была убрана из шкафа; лишь на следующий день, после вторичного преступления — убийства городского, — шкатулку спрятал в своей комнате Николай Дмитриевич.

— Хорошо, — с довольной улыбкой сказал Хольмс. — В первый день преступник не воспользовался шкатулкой, потому что его спугнули, и он принужден был спрятаться. Но почему он не захватил ее с собой во второй день? Ведь он уходил совершенно беспрепятственно.

— Объяснение может быть только одно, — сказал, подумав, Сашка. — Вор искал в шкафу не шкатулку, а что-то другое. Но там больше не было ничего, кроме большого деревянного футляра для диадемы, который по своей величине не влезал в шкатулку. Поэтому графиня прятала диадему без футляра.

— Я так и полагал, — ответил Хольмс. — Мне непременно надо будет осмотреть этот футляр. Теперь перейдем к лич-

ности преступника. Предпринимали ли вы что-нибудь для ее выяснения?

— У меня уже есть вполне определенное подозрение, — ответил Введенский. — Как я уже вам говорил, я считаю несомненным, что преступление совершено человеком, хорошо знакомым с домом и его порядками, словом, человеком домашним. Отбросив в сторону семью графов, у нас остаются:

1) повар Терентий, служит с детства, репутация безукоризненная;

2) его жена, Пелагея, которая уже в силу своей чрезмерной тучности не способна на преступление, требующее такой большой затраты энергии;

3) казачок, — отбрасываю его за малолетством;

4) садовник Демьян, служит уже около десяти лет, репутация безукоризненная;

5) лакей-негр Ганнибал, считался человеком, преданным старому графу до обожания; сейчас исчез неизвестно куда;

Наконец, — я нарочно оставил его в стороне, — маркиз Альфред де Варенн, который в настоящее время гостит у графов В.-Д., близкий приятель Николая Дмитриевича.

Под подозрением у нас остаются: маркиз де Варенн и садовник Демьян; Ганнибала я пока не трогаю.

Но оба эти подозрения отпадают, если мы вспомним, что обоих видели в промежутке между двумя преступлениями, равно как и всех остальных перечисленных лиц. Между тем, можно считать несомненно достоверным, что вор просидел весь день в комнате для приезжающих, которая в день первого преступления осмотрена, к стыду всех нас, не была. Ведь для того, чтобы выйти из комнаты, ему пришлось даже убить городского, постель которого лежала как раз у лестницы, мешая выйти.

Таким образом, под сомнением остается один Ганнибал. Преданность его могла быть побеждена какими-нибудь корыстными соображениями, — душа цветного человека еще большие потемки, чем душа белого. Но я допускаю все-таки, что Ганнибал был не более, как соучастни-

ком. Присутствие другого преступника подтверждают, между прочим, следы неизвестного человека, оставленные на дорожке сада.

Кто же был этот второй преступник?

Для разрешения этого вопроса я постарался разузнать, не менялась ли у графов прислуга. Мне удалось установить, что единственный человек, который мог еще принять участие в преступлении, это — сын Терентия и Пелагеи, известный под прозвищем Васька Косой. Еще мальчиком он сбежал от родителей с какой-то бродячей группой актеров и прошел, по-видимому, весь курс «мазовой академии». Этот многообещающий молодой человек вернулся в конце прошлого года к своим родителям, изобразив из себя блудного сына, и прожил у них весь декабрь прошлого года и январь текущего, после чего внезапно исчез, вместе с неосторожно забытым на столе бумажником папаша. За это время он был с Ганнибалом в хороших отношениях.

На основании всех этих соображений, я рисую себе такую картину преступления:

Васька Косой, зная о существовании потайного шкафа, решился на грабеж; с этой целью он входит в соглашение с Ганнибалом. В назначенный момент Ганнибал впускает его в дом. Случайно в кабинете в это время находилась графиня; ей и был нанесен первый удар, к счастью, не смертельный. На звук падения в кабинет вбежал из спальни граф и был также встречен предательским ударом. После этого был взломан шкаф. Промелькнула ли в этот момент в окне будуара фигура молодого графа, или просто раздался какой-нибудь шум, но разбойники поспешно спасаются бегством в верхний этаж, в комнату для приезжающих, где и сидят целый день, удерживаемые страхом. Просидеть целые сутки без пищи не легко, и Васька Косой, чтобы заглушить мучения голода, решается выкурить папиросу; привычный курительщик непременно прибегает к такому способу.

С наступлением ночи они бегут, и для того, чтобы проложить себе дорогу, закалывают спящего городского. Выйдя в сад через террасу, они ухитряются не оставлять за собой следов до павильона. Тут им пересекает путь дорожка, кото-

рую необходимо пересечь. Васька Косой, надеясь, что его следов не узнают, перебегает ее; Ганнибал, более осторожный, перепрыгивает (примята трава с обеих сторон дорожки). Затем остается лишь перелезть через забор, например, с помощью заготовленной каким-нибудь сообщником лестницы.

— Все это отчасти достоверно, отчасти требует подтверждения, — сказал Хольмс. — Но пункт, касающийся Васьки Косого, чрезвычайно интересен. Вы говорили об этом господину Воронину?

— Говорил, — ответил Введенский. — В настоящее время Ваську Косого ищут по всему Петербургу так же усердно, как и Ганнибала.

— Very well! — одобрительно кивнул головой Хольмс.

Глава VI

Воронин действует

Распроставшись с Шерлоком Хольмсом и обещав зайти к нему на следующий день утром, мы вернулись на Каменноостровский и успели уже на все лады перетолковать странное воскресение знаменитого сыщика, когда в дверь постучали, и вошел Воронин.

Он имел довольно взволнованный вид и, по-видимому, испытал какую-то неудачу.

— Господа, — сказал он после обмена приветствиями, — я обращаюсь к вам с большой просьбой. Мне необходима ваша помощь.

— В чем же дело? — спросил Сашка.

— Мы к вашим услугам, — прибавил я.

— Дело в том, — немедленно начал Воронин, — что мне приходится наткаться в моих действиях на чрезвычайно неприятное противодействие — на противодействие графа Николая Дмитриевича. Вас это удивляет? Позвольте, я вам сейчас все объясню.

Предупреждаю, что буду говорить начистоту. Я слишком хорошо знаю Александра Петровича, а стало быть, и его приятеля, чтобы не быть в вас совершенно уверенным. Я догадываюсь, кроме того, что Александр Петрович заметил тот вывод, к которому я пришел, на основании, главным образом, моего чутья, — моему чутью я доверяю больше всего на свете; догадываюсь и о том, что вы придерживаетесь совсем другого мнения. Но я надеюсь убедить даже и самого Александра Петровича.

Так вот в чем дело, господа. Я заподозрил преступника в человеке, который называет себя маркизом Альфредом де Варенном. Чтобы удостовериться в его личности, я снесся по телеграфу с парижской сыскной полицией и получил сегодня ответ: *«Маркиз Альфред де Варенн находится в настоящее время в своем поместье в Бретани»*.

С этой телеграммой в руках я отправился к графу Николаю Дмитриевичу и предупредил его, что считаю необходимым арестовать маркиза де Варенна. В ответ на это граф заявил, что не допустит ареста своего приятеля и гостя, потому что глубоко убежден в его невинности. Телеграмму он считает недоразумением, так как маркиз неоднократно говорил ему, что приехал в Петербург прямо из Бретани. Для того, чтобы убедить Николая Дмитриевича, необходимы факты. Вас, господа, я и приглашаю в свидетели, чтобы удостоверить эти факты; к счастью, сегодня ночью они будут у меня в руках.

— Вы меня ужасно заинтересовали, — сказал Введенский. — С удовольствием предлагаю вам свои услуги; он, конечно, также не откажется.

Я поспешил утвердительно кивнуть головой.

— В таком случае, господа, я буду ждать вас у себя в одиннадцать часов. Заранее благодарю за услугу! — сказал Воронин и поспешил распрощаться.

Нечего и рассказывать, как мы были заинтересованы уверенным заявлением Воронина. Сашка был заметно обеспокоен; очевидно, он боялся, что начальник сыскной полиции лучше его понял преступление.

Ровно в одиннадцать часов мы сидели в кабинете у Воронина.

— Предупреждаю вас, что нужно будет устроить маленький маскарад, — смеясь, заявил он, вставая нам навстречу. — Я заготовил уже необходимые принадлежности.

И он указал на кучу платья, лежавшую на стуле.

— Это безусловно необходимо? — спросил я.

— Безусловно, — категорически ответил Воронин.

Нечего делать, пришлось прибегнуть к переодеванию. Кроме нас, в предприятии принимал участие один агент, так что через четверть часа из ворот дома вышли четверо парней, с виду как будто мастеровых.

У ворот нас ждал ломовой извозчик. Платформа извозчика была окружена довольно высоким бортом, так что на ней можно было лежать, не будучи видимым прохожими.

Мы так и улеглись, а Воронин сел на облучок и погнал лошадь мелкой рысью.

Мы ехали довольно долго, колеся по Петербургской стороне. Лежать было неудобно, жестко, кроме того, раздражала тряска. К счастью, Воронин, наконец, сдержал лошадь и остановился.

— Байдулин, — сказал он шепотом агенту. — Слезай и стань здесь за углом. Когда заметишь, что из подъезда — видишь, того дома, третьего от угла, — выйдет человек, подойди ко мне и скажи: «Едем» — и сам садись на облучок. Понял?

Байдулин слез и поместился в указанном месте. В это время из ворот дома, противоположного тому, на который указал Воронин, отделились две фигуры и медленно, точно гуляя, направились в нашу сторону. Воронин сделал незаметный знак рукой, и они так же медленно направились дальше и скрылись за углом.

Ждать нам пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как из указанного подъезда вышел человек, с ног до головы закутанный в серый плащ и с надвинутой на глаза соломенной шляпой с широкими полями. Он быстро пошел в противоположную от нас сторону.

В тот же момент из-за угла показался Байдулин и, вле-

зая к нам, громко крикнул:

— Ну, поехали!

— Слава Богу, дождались! Чего пропадал столько времени? — сердито отозвался наш возница и, хлестнув лошадь, пошел вслед за удалявшейся серой фигурой.

Незнакомец шел быстро, не оборачиваясь и, по-видимому, не обращая на нас никакого внимания. Мы следовали за ним, держась на почтительном расстоянии, но не упуская его из виду.

Путешествие уже продолжалось с полчаса. Воронин внезапно осадил лошадь и сказал нам:

— Вылезайте!

Байдулин остался на облучке.

— Видите фонарь? — сказал нам шепотом Воронин. — Это ресторанчик с садом. Мы войдем и сядем за стол, ближайший к выходу. Будем пить пиво и ждать.

Мы пошли по указанному направлению и, войдя в освещенную калитку с надписью «Ресторан Еремеев», — очутились в небольшом садике. Посетителей почти не было.

Заняв, как было условлено, столик у входа и спросив себе пива, мы огляделись кругом.

Ресторан представлял собою небольшой садик, уставленный деревянными белыми столиками и железными стульями. В глубине сада находилось здание ресторана. Посередине его находился главный вход, а сбоку, по-видимому, из квартиры владельца, маленькая дверца вела также в сад.

— Войти можно только через сад, — довольно заметил Воронин. — С той стороны двор дома купца Арбузова. Впрочем, это неважно. Птичка не подозревает об опасности и не станет принимать мер предосторожности. Господа, очень прошу вас следить за мной и помочь в случае, если я не справлюсь с делом один.

Мы выпили по крайней мере по четыре бокала пива, не разговаривая и молча ожидая конца всего приключения, когда в освещенных дверях ресторана показалась фигура в сером плаще и соломенной шляпе.

Незнакомец спокойным, ровным шагом сошел в сад и направился к выходу, не достаивая нас ни одним взглядом.

Он проходил вплотную около нас, погруженный, по-видимому, в глубокую задумчивость. Лица его нельзя было разглядеть из-под шляпы.

В этот момент Воронин, поднявшись с места, положил руку на плечо незнакомца в сером плаще и произнес:

— Именем закона, маркиз, я вас арестую.

Неизвестный остановился, по-видимому, чрезвычайно удивленный, и вдруг произнес:

— Воронин! Это вы? Что за шутки? Здравствуйте, господа.

Он приподнял шляпу — перед нами стоял граф Николай Дмитриевич.

Я наблюдал за Ворониным. В первый момент он просто опешил. Но это продолжалось только мгновение. В следующий момент он уже вполне владел собой и, естественно рассмеявшись, сказал:

— Конечно, я пошутил, Николай Дмитриевич. Но как...

— Почему вы назначили мне это таинственное свидание? Что все это обозначает? Телеграмма пришла поздно, я боялся опоздать, а вас все нет и нет!..

Воронин совершенно спокойно спросил:

— А телеграмма при вас?

— Вот она, — ответил граф, вынимая из кармана и передавая Воронину сложенную бумажку.

Воронин ее небрежно развернул; я взглянул ему через плечо. Телеграмма гласила:

«Будьте непременно сегодня двенадцать ночи ресторан Еремеева, Новая Деревня, Коломяжская, 7. Крайне важное дело. Чтобы вас не узнали, возьмите плащ и панаму. Воронин».

Воронин вернул телеграмму графу и сказал:

— Я надеюсь, мне сейчас удастся арестовать очень важного для нас человека. Подождите, господа, пожалуйста, одну минуту.

Воронин, по-видимому, никогда не терялся. Он быстро ушел по направлению к ресторану, но уже через десять ми-

нут возвратился.

— Какое разочарование, граф! Неудача! Простите за беспокойство, но мне так хотелось доставить вам удовольствие присутствовать при аресте этого человека...

Граф был, очевидно, сердит, но сдержал свой гнев и не сказал ни слова. Воронин произнес еще несколько извинений, и мы все вышли из сада. К воротам подкатила карета.

— Хотите, господа, я вас подвезу? — предложил Николай Дмитриевич.

— Благодарю вас, нас ждет извозчик, — ответил за всех Воронин. — А разве вы, Николай Дмитриевич, приехали сюда в карете?

— Конечно, — ответил граф и, распрощавшись, уехал.

Мы также рысцой поехали переодеваться.

Глава VII

Совет Уильяма Митчеля

— Молодец, — одобрительно изрек Шерлок Хольмс, окутанный непроницаемым облаком дыма, из которого виднелись лишь ступни его длинных ног, невозмутимо покоившиеся на столе, когда мы с Введенским сообщали ему на следующий день результаты нашей экскурсии. — Много хладнокровия. Дело становится все интереснее. Очень жаль, что не могу приняться за него лично. Боюсь, что Воронин все-таки для этого происшествия недостаточно опытен.

— Что же вам мешает, мистер Хольмс? — спросил я.

Хольмс улыбнулся и ответил:

— Мне еще рано воскресать; а за Уильямом Митчелем Хольмсу спрятаться не удастся. Я должен остаться в стороне.

— Так вы хотите совсем бросить это дело? — с тревогой произнес Сашка. — Но ведь без вас, надо думать, оно так и останется не открытым.

— Я недаром знакомился с делом, — ответил Хольмс. — Теперь я знаю его не хуже Воронина и вас, и попытаюсь

дать совет. Кстати, господин Введенский, что же футляр, который я просил вас достать?

— Вот он, — ответил Сашка, взяв из передней довольно большой сверток и передавая его Хольмсу.

Это был тот самый футляр, который не помещался в нестораемой шкатулке графов В.-Д. и поэтому хранился просто в шкафу.

Хольмс взял его в руки, развернул и начал внимательно рассматривать, вертя во все стороны и исследуя каждую щель.

Мы молча ждали.

Не прошло и пяти минут, как под ногтем у Хольмса щелкнула пружина и дно футляра открылось, как крышка. Хольмс молча показал нам свое открытие.

— Я так и знал, — произнес он. — Это секретное отделение. Как видите, здесь были спрятаны три камня, судя по углублениям в бархате, довольно больших и не оправленных ни в какую оправу. Это отделение подтверждает мнение, которое я уже вам высказал.

Раз преступник имел полную возможность унести шкатулку и не сделал этого, то он мог так поступить по двум причинам.

Во-первых, он мог под влиянием какого-нибудь нервного потрясения бросить свои первоначальные намерения.

Во-вторых, он мог совершить преступление не ради шкатулки.

Первое предположение я отбрасываю ввиду того хладнокровия преступника, которое доказывает меткий и верный удар, нанесенный спящему городовому в день бегства. Остается, стало быть, второе предположение.

Но, с другой стороны, не даром же был взломан потайной шкаф. Отсюда ясно, что вор искал чего-то в шкафу, но не шкатулку. Это мог быть единственно этот футляр.

Затем, трудно допустить, чтобы вор, по-видимому, великолепно посвященный в домашнюю жизнь графов В.-Д., не знал о существовании шкатулки, в которую прячутся все драгоценности. Этой шкатулки он даже не пытался взломать. Очевидно, он искал чего-то, что для него важнее даже

фамильных драгоценностей графов В.-Д.; это что-то заключалось именно в этом футляре. А вот вам, господа, и доказательство в виде секретного отделения.

Итак, у нас есть новое данное для определения личности преступника: он знает о существовании этого секретного отделения (а этого не знает, прибавлю, даже молодой граф В.-Д.). Замечу, что этот футляр составляет собственность графини.

Этот вывод должен нам пригодиться впоследствии; теперь же пока еще мы не можем воспользоваться им для разгадки всего происшествия, потому что он не влечет за собою никаких очевидных следствий; но для немедленных розысков можно воспользоваться гипотезой, которую я построю на основании другого факта.

Я имею в виду то странное обстоятельство, что совершенно не выяснен путь, которым преступник или, по-вашему (тут Хольмс кивнул головой в сторону Сашки) преступники, скрылся или скрылись из сада. Вы, господин Введенский, объяснили этот факт помощью сообщников, приставивших лестницу. Но мне думается, что приставлять лестницу со стороны улицы — поступок довольно рискованный, даже ночью. Необходимая в данном случае длинная лестница должна была быть принесена, приставлена, затем снова унесена. Не говоря о том, что одному человеку это даже невозможно сделать, весьма маловероятно, чтобы все эти эксперименты не обратили на себя внимание прохожих, как бы они ни были редки вечером на пустынной набережной. Гораздо вероятнее, что лестница могла быть приставлена со стороны соседних дворов. Но здесь, во-первых, это тоже легко могло бы быть замечено, а во-вторых, я считаю очевидным, что легкая деревянная стенка, установленная над каменной стеной для защиты сада от наблюдений любопытных из окон соседних домов, судя по описанию этой стенки, сделанному господином Введенским, не может выдержать на себе тяжесть необходимой очень длинной, а стало быть, и очень тяжелой лестницы, да еще с прибавлением веса человеческого тела.

Затем, во всех разобранных случаях по лестнице можно только влезть на забор, и то сообщнику преступников, а не им самим. Для перелезания через забор необходима сложная и длинная процедура перетаскивания самой лестницы. Наконец, еще один аргумент против гипотезы о лестнице: все перечисленные операции не могли бы не оставить следов на ветвях ползучих растений, которыми со всех сторон обросла садовая ограда. Между тем, внимательный осмотр господина Введенского нигде не обнаружил заметно поломанных веточек.

Все приведенные соображения заставляют меня с уверенностью отбросить гипотезу о лестнице. Отбросив, по тем же соображениям, возможность бегства через крышу особняка, отбросив бегство через комнаты дома, потому что все двери и окна на улицу остались закрытыми и целыми, — и через ворота, — потому что они были закрыты, а ключ у верного человека — садовника, — я вынужден сделать единственное остающееся, хотя, на первый взгляд, и маловероятное допущение: преступник воспользовался подземным ходом.

— Отбросьте на минуту ваше предубеждение, — продолжал Хольмс, заметив недоверчивые выражения наших физиономий, — и вы согласитесь, что единственный путь, остававшийся преступнику, окруженному сплошным кольцом стены, был под стеной, потому что над стеной он, как мы уже разобрали, перебраться не мог. Стало быть, мы должны допустить существование подземного хода. Это тем более вероятно, что барский особняк графов В.-Д. насчитывает уже не один десяток лет и строился, стало быть, в те времена, когда нередко прибегали к таким предосторожностям.

— Но откуда же знал про этот ход преступник? — спросил я.

— Да ведь мы уже выяснили, — возразил Хольмс, — что преступник знал секрет футляра, секрет, о котором не знает даже молодой граф. Стало быть, этот субъект — человек, более чем осведомленный в секретах семьи графов В.-Д.

Теперь перейдем к месту, в котором находится вход в подземелье. Место это должно быть замаскировано. Так как

в саду кустов нет, ход может идти или от дома, или от павильона. Направляться он должен, конечно, за ограду, но куда? Вероятнее всего, не в сторону улицы, а туда, где легче всего замаскировать выход, т. е. в сторону речки. Но если принять это направление подземного хода, то, начинаясь в доме, он по кратчайшему пути непременно должен пройти под павильоном.

В этом случае, я полагаю, строитель не мог бы удержаться от искушения устроить сообщение между павильоном и подземельем. Итак, надо думать, что из павильона во всяком случае можно пройти в подземелье. Этот вывод подтверждается и странным, неожиданным появлением человека из павильона, которое вы, господа, наблюдали сами.

— Однако, — возразил Сашка, — ведь мы видели следы преступников, которые вели через дорожку сада, направляясь от павильона к ограде, следов же обратно к павильону мы не нашли. Как же могли преступники уйти через павильон?

— Вы помните, — ответил Хольмс, — что один преступник перешел через дорожку (следы ног на песке), а другой — перепрыгнул (примятая трава с обеих сторон дорожки). Но допустим, что преступник был один; тогда он мог сначала перейти через дорожку, нарочно оставив заметные следы, а назад — перепрыгнуть. В таком случае, это был бы очень ловкий прием, чтобы отвести подозрения от павильона и заставить искать путь бегства преступника в другом месте.

— Но Ганнибал?! — воскликнул Сашка. — Ведь на дорожке не Ганнибала следы, а кого-то другого. Куда же девался Ганнибал?

— Он прошел прямо из павильона в подземелье, — спокойно ответил Хольмс.

Сашка сидел несколько минут, подавленный неумолимой логикой Хольмса. Наконец он поднялся и сказал:

— До свиданья.

— Куда вы? — спросил Хольмс.

— В китайский павильон. Буду искать.

— Напрасно, — ответил с обычным спокойствием Хольмс. — Я бы поступил иначе.

— Как? — впился в него глазами Сашка.

— В павильоне, — объяснил Хольмс, — была возможность замаскировать дверь в подземелье так умело, что вы будете искать ее целую неделю, и то, может быть, не найдете. Я полагаю, что гораздо легче найти выход из подземелья со стороны Карповки. Там у строителя не было возможности замаскировать подземелье так искусно, как он это несомненно сделал в павильоне.

— Вы правы, как всегда! — воскликнул Сашка.

— Если бы вы знали, сколько раз я ошибался! — рассмехался Хольмс. — Но мне было бы очень приятно, если бы мои выходы подтвердились, и подземелье действительно существовало. Осмотр его может дать нужные результаты.

Глава VIII

Что дальше предпринял Воронин, и что из этого вышло

Не успели мы, расставшись с мистером Уильямом Митчелем, пройти и половину пути до Каменноостровского, как нас отвлекла от цели неожиданная встреча.

— Ба, господа! Вас-то мне и надо! — раздался за нами знакомый голос. Это был Воронин.

— В чем дело, Сергей Лукич? — спросил Сашка, останавливаясь и здороваясь с начальником сыскальной полиции, по видимому, совершенно не смущенным вчерашней неудачей.

— Опять хотите звать нас в поход?

— Не совсем, — ответил, смеясь, Воронин. — После вчерашнего приключения вас, должно быть, и калачом не заманишь. Но мне надо с вами поговорить.

— О чем? — полюбопытствовал я.

— Дело довольно щекотливое, — проговорил Воронин. — Знаете, что, господа? Пойдем сейчас ко мне. Вместе позавтракаем, и я вам объясню в чем дело.

— Очень сожалею, дорогой Сергей Лукич, — поспешно ответил Сашка, — но мы идем сейчас по очень важному делу.

— Относительно убийства графа В.-Д.? — осведомился Сергей Лукич. — Ничего не значит; я с вами хочу поговорить также по этому делу. И не вздумайте сопротивляться! — замахал он руками, увидев протестующее выражение, которое приняла Сашкина физиономия. — Агентов позову! Силой заставлю! — и, смеясь, он потащил нас вместе с собой к извозчику.

Пришлось покориться.

— Вот в чем дело, господа, — начал Сергей Лукич, когда мы уже сидели втроем в уютной столовой его роскошной казенной квартиры, — мне необходимо ваше сочувствие.

— Необходимо? — улыбнулся я. — Неужели уж вы-то без него не можете обойтись?

— Совершенно серьезно, — продолжал Воронин. — Мне необходимо заручиться вашей поддержкой, чтобы оказать влияние на графа.

— По какому это поводу? — спросил Сашка.

— А вот почему: я арестую сегодня маркиза, — совершенно спокойно ответил наш хозяин. — Боюсь лишь, что граф, узнав об этом, немедленно пустит в ход все свои колоссальные связи, чтобы освободить «друга», к тому же еще гостя. Вы ведь знаете, что он совершенно убежден в его невиновности,

— Какие у вас основания быть иного мнения? — с нотой легкой насмешки в голосе спросил Введенский.

— А вот какие, — уверенно возразил Воронин. — Послушайте, и вы сами, надеюсь, убедитесь.

— Вы знаете, — начал он, дополнив рюмки и жестом приглашая не забывать за разговором об еде, — что я более всего на свете доверяю своему собственному чутью, которое до сих пор никогда еще меня не обманывало. И вот это чутье с того момента, как только я увидел маркиза де-

Варенна, говорило мне самым настойчивым образом, что за корректным и светским обликом этого человека скрывается несомненный преступник. Вы улыбаетесь? Но слушайте дальше.

Руководствуясь этим убеждением, я решил не упускать маркиза из виду ни на одну минуту. За ним был учрежден тайный, но чрезвычайно бдительный надзор. Результат его таков.

В день убийства городского, маркиз де Варенн собственной персоной не погнушался посетить столь демократическое учреждение, как адресный стол. Здесь он навел две справки: сначала о комиссионере французской фирмы торговцев винами Лоран, Константине Барском, двадцати семи лет, которого в Петербурге не оказалось, а затем об итальянском подданном Франческо Кучини, капиталисте. Этот итальянец оказался проживающим на Петербургской стороне. Маркиз де Варенн немедленно поехал по полученному адресу и просидел у господина Кучини часа два.

На следующий день визит был повторен. На этот раз маркиз вышел вместе с итальянцем (были уже сумерки); они отправились вместе в один ресторанчик на Выборгской стороне и встретились в кабинете с неизвестным человеком чрезвычайно подозрительного вида. Свидание повторилось на третий день в том же порядке, только без итальянца, в другом кабачке. Здесь агентам удалось подслушать, что при прощании было условлено встретиться в каком-то новом месте.

К этому времени у меня было в руках сообщение парижской полиции о том, что маркиз де Варенн находится сейчас в своем имении в Бретани. Кроме того, выяснилось, что человек, с которым встречались самозванный маркиз и итальянец Кучини, не кто иной, как сын повара графов В.-Д., золоторотец, известный под кличкой Васька Косой.

— Васька Косой! — вырвалось у меня. — Предположенный убийца графа!

— Я ведь знаю, что вам уже известно это имя, — спокойно ответил Воронин, хотя глаза его засверкали. — Поздравляю вас, вы не теряли даром времени. Но это меня тем бо-

лее радуется, что раз вы предполагаете в Васьеке Косом убийцу графа В.-Д., то вы согласитесь, что свиданья маркиза с этим человеком — вполне достаточная причина для ареста.

— Но что же означает ваше вчерашнее приключение? — спросил я.

— Неужели вам теперь не ясно? — спросил Воронин. — Мы шли по следам маркиза, когда он вышел из квартиры Кучини и отправился на свидание с Косым. Только дичь перехитрила охотников.

Когда мы пришли в ресторан Еремеева, там, в одном из кабинетов, уже ждал нас граф Николай Дмитриевич, вызванный телеграммой, в которой маркиз так умело злоупотребил моим именем.

С помощью ловко подстроенного сходства верхнего платья, я принял за маркиза Николая Дмитриевича в то время, когда он, наскучив ждать меня, намеревался уже уходить. Маркиз и Косой, как я узнал сейчас же после обнаружения ошибки, прекрасно успели переговорить в кабинете и скрыться кружным путем: они выпрыгнули в окно и ушли через двор соседнего дома.

Это был чрезвычайно ловкий прием; маркиз, очевидно, прекрасно знал, что за ним следят, и таким способом успел повидаться с Косым, несмотря на все принятые меры.

Он не рассчитал только одного: вся эта мистификация сделала то, что я решился арестовать его, лишь только он выйдет на улицу. С таким человеком нельзя медлить; скомпрометировать себя — он никогда не скомпрометирует.

Признаюсь, я сидел, убежденный доводами Воронина. Роль человека, называвшего себя маркизом Альфредом де Варенном, во всем этом запутанном деле казалась действительно чрезвычайно подозрительной.

Однако Сашка, по-видимому, не был еще совсем убежден и пытался проверить путем сопоставления некоторых подробностей, не является ли Воронин жертвой буйной фантазии его не в меру усердных агентов.

Но не успели они поспорить и десяти минут, как лакей доложил, что Байдулин просит разрешения видеть Сергея Лукича.

Воронин поспешно встал, извинился и вышел в кабинет. Через минуту он возвратился и сказал:

— Господа, если желаете присутствовать при снятии показания, пожалуйста. Маркиз де Варенн арестован.

Мы были уже подготовлены к этому известию, но все-таки остолбенели: арест был произведен слишком неожиданно.

Все же допрос обещал быть интересным, и Сашка быстро выразил согласие.

Когда мы вошли в кабинет, там уже стоял, в непринужденной позе, маркиз де Варенн, пощипывая свою изящную эспаньолку; с обеих сторон и сзади, около него стояли три агента.

— Но какому праву вы арестовали гражданина французской республики? — громко спросил де Варенн, сверкая своими жгучими глазами, едва мы переступили порог. — Я буду жаловаться посланнику. Вы за это дорого заплатите...

— Потрудитесь отвечать на вопросы! — равнодушно произнес Воронин, садясь за письменный стол.

Мы стали поодаль.

— Ваше имя?

— Жюль Леру, — ответил, сдерживаясь, маркиз.

— Так что вы теперь уже не маркиз де Варенн? — насмешливо спросил Сергей Лукич.

— Какой маркиз де Варенн? — сердито и скороговоркой ответил допрашиваемый. — Никакого маркиза я не знаю и знать не хочу. Я свободный человек, и арестовать меня вы не имеете права!

— Не ожидал с вашей стороны такой манеры защищаться, — спокойно продолжал Воронин. — Ваше занятие?

— Свободный художник, — буркнул маркиз.

— Когда и где вы познакомились с графом Николаем Дмитриевичем В.-Д.?

— Не имел удовольствия! — уже совсем злобно выкрикнул арестованный.

— Почему же вы сейчас, прежде чем быть арестованным, вышли из его дома?

— Я вышел из магазина Яковлева на Каменноостровском проспекте.

— Я бы вам советовал не лгать и не закираться, — тем же равнодушным тоном заметил Воронин.

— Вы не смеете меня оскорблять! — взорвался, как бомба, француз. — Я с вами не желаю разговаривать! Я вам не скажу больше ни одного слова! Я требую немедленного свидания с посланником!

Он сдержал свое слово, и на все остальные вопросы отвечал молчанием или фразой: «Я требую свидания с посланником».

— Вряд ли посланник поможет вам, — произнес, наконец, Воронин, провозившись еще понапрасну с четверть часа. — А пока что, я вынужден вас подвергнуть задержанию.

Несмотря на энергичные протесты, агенты быстро увели его из кабинета.

— Вот ведь каналья! — сказал Сергей Лукич, когда мы остались втроем. — Чего он думает добиться этим враньем? Что вы, господа, собираетесь уходить? — прибавил он, видя, что мы взялись за шляпы.

— Куда теперь? На Каменноостровский? Поедем вместе; мне надо уговорить графа помириться с совершившимся фактом.

Обсуждая нелепое закирательство маркиза, мы и не заметили, как добрались до особняка на Каменноостровском.

— Дома граф? — спросил Воронин у казачка. — Доложите.

Казачок молча открыл дверь в кабинет, и мы вошли.

— Здравствуйте, Николай Дмитриевич, — приветствовал я графа.

— Здравствуйте, — ответил мне его собеседник, которого я сначала не заметил, так как в кабинете от спущенных гардин царствовал полумрак.

Я пристально взглянул в его сторону и чуть не вскрикнул: передо мной стоял собственной персоной маркиз де Варенн.

Глава IX

Новая загадка

До сих пор я не могу забыть того чувства удивления, недоверия к собственным глазам, наконец, ужаса, которое овладело мной при виде маркиза, которого мы оставили только что перед отправлением в камеру одиночного заключения.

Я стоял столбом, не будучи в состоянии открыть рот, точно передо мной внезапно появилось привидение.

К счастью, Воронин быстро овладел собой и, чтобы сказать хоть что-нибудь, спросил:

— Что у вас нового?

Но маркиз молчал, точно не слышал вопроса.

— Мало хорошего, — с усилием произнес, наконец, Николай Дмитриевич. — Нины Александровны не стало...

В голосе Николая Дмитриевича слышалось бесконечное горе. Но в этот момент, несмотря на всю симпатию, которую возбуждала во мне личность этого благородного человека, я сидел, как на иголках. Мне — да, по-видимому, Сашке и Воронину не менее моего — страшно хотелось поскорее уйти, встряхнуться, сообразить, что может значить этот кошмар.

Не помню, под каким предлогом, — надо думать, чрезвычайно неудачным, — я, наконец, ушел из кабинета и очутился наверху, у себя в комнате.

Спустя несколько минут ко мне вошел Сашка, а за ним и Сергей Лукич.

Бледный, злой, Воронин долго шагал по комнате из угла в угол. За полчаса мы не обменялись ни одним словом.

Наконец, кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — крикнул Сашка.

Появился казачок и передал Воронину письмо.

— Я так и знал! — воскликнул Сергей Лукич, вскрыв конверт и пробежав глазами записку. — Дело ясно. Но от этого все-таки не легче.

— Что же все это значило? — быстро спросил я, оживленный мыслью, что Воронин понимает невероятное происшествие с маркизом де Варенном.

Я не ошибся. Воронин передал мне записку и сказал:

— Смотрите сами; это уже ответ на мое письмо: Байдулин пишет, что арестант никуда не уходил и находится сейчас в камере.

— Это значит, что де Варенн действует не один, а стоит во главе целой шайки. Это сущий дьявол. Он предвидел, что после ночного происшествия у Еремеева я решусь его арестовать, несмотря на горячее противодействие графа. У него оказался двойник, свободный французский гражданин, непорочный, как новорожденный голубь. Это дьявольская хитрость. Все предвидеть и на все иметь под руками заранее обдуманную, великолепную защиту.

— Какой двойник? — я все еще недоумевал.

— Я об этом слышал, — вмешался Сашка. — Еще в древности суровые деспоты Востока держали, на всякий случай, своих двойников. Но с мошенником нашего времени, применяющим такие остроумные средства самозащиты, признаюсь, я еще не встречался.

— Дело плохо, — апатично произнес сыщик. — С таким субъектом, нам господа, не справиться. Он все предвидит, все предотвращает. У меня опускаются руки.

— Бросьте отчаиваться! — убежденно возразил ему Введенский. — Вот послушайте лучше, что я вам расскажу.

И Сашка подробно повторил Воронину длинное рассуждение, путем которого Шерлок Хольмс пришел к выводу о существовании подземного хода.

Воронин, вначале слушавший довольно рассеянно и с недоверчивым видом, постепенно оживился.

— Признаюсь, вывод представляется мне довольно невероятным, — произнес он, когда Сашка замолчал. — Но чем же мы рискуем, последовав вашему совету? Пойдемте, поищем. А то у меня совсем было пропала энергия.

Через пять минут мы уже выходили из ворот сада к Карповке.

Перед нами была знакомая речонка — один из многочисленных рукавов дельты Невы, перерезывающих обширную площадь нашей северной Венеции. Все они имеют почти одинаковый вид, только в центре города берега их одеты гранитной набережной, а ближе к окраинам — просто укреплены деревянными сваями.

Берег Карповки не представлял исключения. Только сваи были покрупнее, да прямо перед воротами сада виднелся короткий помост, слегка выдававшийся в реку, служивший, очевидно, пристанью. Этот помост сразу привлек наше внимание.

Его старинные полусгнившие сваи покрылись зеленым налетом водорослей; два железных кольца для привязывания лодок насквозь проржавели. Было ясно, что пристань давным-давно уже не исполняла своего назначения.

Сначала мы медленно обошли берег на протяжении решетки сада графов В.-Д., потом взошли на помост пристани. Но все было напрасно.

Толстые, все еще крепкие бревна внушали полное доверие.

— Если бы здесь был скрыт механизм замаскированной двери, — заметил Воронин, — он все равно давным-давно перестал бы действовать. Нужно было немало времени, чтобы поверхность этих бревен приняла такой вид; на этом фоне каждая свежая царапина заметна за двадцать шагов.

— Обойдем еще раз, — предложил Сашка.

— Пойдите, — воскликнул Воронин. — У меня мелькнула мысль. Ведь мы не осматривали еще берег под помостом!

— Предприятие не из легких, — отозвался я, рассматривая помост, возвышавшийся над водой не выше аршина.

Но Воронин уже спрыгнул вниз, Сашка за ним. Пришлось последовать и мне.

Мы очутились на узенькой полоске песка, отделявшей воду от свай, тесным рядом которых был укреплен берег. Для того, чтобы пролезть под помостом, пришлось опуститься почти на четвереньки и, согнувшись, наполовину ползком, протиснуться в отверстие между поддерживавши-

ми его сваями. К счастью, нам удалось проделать эту операцию, не будучи никем замеченными.

Добравшись, таким образом, приблизительно до середины пристани, перепачкавшись и промочив сапоги, я натолкнулся на Сашку и остановился.

— Пойдите, господа, — сказал Воронин. — Ничего не видеть. Надо зажечь спичку.

Раздался легкий треск, и маленькое пламя спички, колеблясь, осветило наши скорченные, вымазанные фигуры, воду и сваи.

— А это что?! — воскликнул Сашка, хватаясь за ржавое кольцо, которое он только теперь разглядел у себя под носом. — Что это за штучка?!

«Штучка» оказалась правильным квадратом, с виду напоминавшим самую обыкновенную подъемную дверь, какие часто бывают на чердаках и в подвалах; квадрат был вделан в берег и снабжен сверху кольцом.

Сашка быстро схватился за кольцо и потащил его к себе. Дверь довольно легко поддалась, и перед нами открылась черная пасть подземелья.

— Да здравствует мистер Уильям Митчель! — торжественно произнес Сашка. — Сергей Лукич, чиркните-ка еще раз спичкой.

Воронин не заставил себя долго просить и осветил отверстие подземелья. Сбоку, на пороге самой двери, стоял фонарик со свечкой.

— Однако, сюда ходили запасливые люди! — воскликнул сыщик, протягивая руку за фонарем и зажигая свечу. — Хорошо, что благодаря им можно исправить нашу оплошность!

И, освещая себе путь, он первым пролез в отверстие. Мы последовали за ним.

Впереди открылся довольно просторный коридор; стены, пол, своды — все было из кирпича.

Я оглянулся.

За нами виднелся светлый квадрат подъемной двери; перед нами уходил вдаль коридор, лишь на ничтожном протяжении освещенный мерцающим огоньком фонаря.

Мне было жутко. Пришлось ободрить себя, нащупав в кармане револьвер.

Переглянувшись, мы тесной кучкой двинулись вперед. Но уже через несколько шагов Воронин остановился и спросил:

— Чувствуете, господа?

— Что? — отозвался Сашка.

— Запах.

Действительно, в коридоре, помимо затхлого запаха сырости, чувствовалась какая-то сильная, специфическая вонь.

— Трупный запах! — докончил за меня Сашка.

Воронин утвердительно кивнул головой и поднял фонарь, стараясь осветить подземелье подальше. Но впереди зияло все то же мрачное, мертвенно-молчаливое пространство, в котором гулко раздавался даже наш еле слышный шепот.

— Идем! — решительно сказал Сашка, и мы медленно двинулись дальше, затыкая носы, чтобы не чувствовать удушливой вони.

— Вот! — произнес Воронин, указывая рукой вперед, когда мы находились уже, по моему расчету, под садом.

Впереди, на полу, у стены лежал какой-то длинный предмет, покрытый грязной рогожей. Вонь усилилась до такой степени, что сомнения быть не могло.

Воронин, быстро подбежав и подняв рогожу, осветил труп фонарем. Мы невольно вздрогнули.

Прямо на нас смотрело и точно улыбалось белыми оскаленными зубами отвратительное, полуразложившееся черное лицо.

— Ганнибал?! — воскликнул Сашка.

— Ганнибал! — утвердительно отозвался Воронин, отбрасывая в сторону рогожу.

Несмотря на то, что негр ушел в лучший мир, судя по процессу разложения, уже давно, — причина смерти была совершенно ясна. На груди его платье было залито кровью; на нем виднелась и небольшая, сравнительно, дырка — след удара тонким кинжалом, который отправил на тот свет черного слугу вслед за его господином.

Зрелище было настолько ужасно, что я не выдержал и, схватив Воронина за руку, увлек его дальше. Сашка последовал за нами — и вовремя: у всех нас начиналось от сильной вони головокружение.

Коридор, все такой же безмолвный и мрачный, тянулся еще довольно долго, пока, наконец, не оборвался. Перед нами была широкая и длинная комната.

Фонарик Воронина одиноко мерцал среди окружающего мрака, освещая лишь небольшой круг около нас и оставляя углы в полной темноте.

Прошло несколько долгих секунд раньше, чем мы огляделись и решились что-нибудь предпринять.

— Обойдем подземелье кругом по стене! — предложил Сергей Лукич, который, по-видимому, лучше всех владел собою. — Может быть, найдется дверь в павильон.

Но в этот момент Сашка, пристально всматривавшийся куда-то направо, произнес:

— Господа, там стоит человек.

Мы точно застыли в позах, в которых нас застало это восклицание. Я ничего не видел в том направлении, в котором была протянута Сашкина рука, но у Воронина, очевидно, зрение оказалось острее, потому что он также рассмотрел фигуру, замеченную Сашкой.

В руке у него сверкнул при свете фонаря револьвер.

— Кто здесь? — громко, отчетливо и совершенно спокойно прозвенел его голос.

— Отвечайте!

Но ответом было лишь эхо, гулко прокатившееся по коридору, постепенно замирая вдали.

— Кто здесь? — повторил сыщик, и на этот раз в его голосе звучали уже грозные нотки.

Тень, к которой относился этот окрик, все упорно молчала.

— Идем же! — сказал Воронин.

Держа в руках револьверы, мы направились в сторону темной фигуры незнакомца. Воронин в высоко поднятой левой руке держал фонарь.

По мере того, как мы приближались, очертания человека становились все яснее и яснее.

Он стоял в причудливой позе, вытянувшись на носках и подняв руки кверху — точно собирался сделать прыжок в воду.

Все это было слишком фантастично и потому ужасно. Даже теперь, много лет спустя, я вздрагиваю, рисуя в воображении эту картину: мрачное, черное подземелье с тремя освещенными человеческими фигурами посередине, и впереди неясная тень, точно собирающаяся с размаху ринуться вперед, прямо на нас.

Между тем, Воронин остановился и стал пристально всматриваться. Этого уж мои нервы не выдержали. Я мог бежать вперед, назад, все, что хотите, но стоять в выжидательной позе мне было не под силу.

И в этот момент, сам почти не отдавая себе отчета в своем движении, я не целясь поднял револьвер и нажал спуск.

Грянул выстрел, всколыхнув тяжелый воздух и прокатившись по подземелью.

— Стойте! Зачем?! — успел еще крикнуть Воронин и в этот момент мы все ясно увидели, как фигура закачалась и слегка повернулась.

— Да он повешен! — воскликнул Сашка и бросился вперед.

Он не ошибся. Моя кощунственная пуля поразила мертвеца. Перед нами, слегка покачиваясь, висел человек, подтянутый кверху на веревке, привязанной к рукам и перекинутой через блок. К ногам трупа был привязан тяжелый булыжник.

— Да, я не ошибаюсь, — проговорил Воронин, когда мы оправались от удивления. — Этот человек вздернут на дыбу.

— На дыбу??! — повторил я, чувствуя, как волосы поднимаются у меня под шляпой. — Так что же, здесь действовала какая-то тайная канцелярия?!

— Канцелярия или нет, — отозвался Сашка, — но факт, что этого человека вздернули на дыбу, и не далее, как в последнюю ночь.

А мертвец все так же спокойно и свысока смотрел на нас, странно выпятив вперед голову, точно недовольный и нашим неожиданным приходом, и неудобным положением вывернутых в суставах рук.

Я всмотрелся в его лицо. Оно было мне незнакомо и принадлежало, по виду, совершенно неинтеллигентному человеку. Рыжие, торчащие усики, веснушки, грубый нос и чувственный рот и очень поношенный костюм — вот внешние признаки жертвы страшной пытки.

— Кто это может быть? — неожиданно спросил Введенский.

— Да ведь это Васька Косой! — ответил Воронин, внезапно узнав сына повара Терентия, предполагаемого убийцу графа В.-Д.

Глава X

Раскрытие инкогнито

— Васька Косой! — повторили мы в один голос, когда Воронин узнал мертвеца. — Здесь, на дыбе?!

Но Воронин уже не отвечал. Он насторожился, весь подобрался и начал быстро исследовать подземелье во всех направлениях.

Результаты осмотра были немногочисленны. Воронину удалось найти застарелое кровавое пятно на полу — очевидно, место, где упал Ганнибал, затем несколько менее заметных следов крови, указывавших путь, по которому тело негра было оттащено вглубь коридора. В стене коридора был выломан один кирпич (он лежал там же на полу); просунув руку в образовавшееся таким образом отверстие, можно было нащупать пустое пространство, служившее, по-видимому, потайным ящичком. Наконец, к противоположной ко-

ридору стене подземелья была устроена лестница, оканчивавшаяся трапом — очевидно, это была дверь в китайский павильон.

Эти результаты не объяснили ровно ничего ни мне, ни Сашке. Воронин, если и понимал что-нибудь, то не считал нужным объяснить и весь углубился в какие-то соображения.

— Здесь, господа, нам делать нечего, — заявил наконец Сашка. — Надо попытаться выйти в павильон.

Он быстро вбежал по лестнице до трапа и нажал его плечом. Эта дверь отворилась так же легко, как и первая, и к нам в подземелье хлынул поток дневного света.

— Бросьте! Какая неосторожность! — крикнул Сашке Сергей Лукич. — Почем вы знаете, что может быть в павильоне?! Хорошо, что там никого не оказалось. Надо вернуться обратно.

Введенский согласился с мнением Воронина, захлопнул трап, и мы быстрым шагом вернулись к реке и вышли тем же путем, которым и вошли, тщательно затворив за собою дверь.

Воронин был видимо взволнован и всецело занят какой-то мыслью. Пока мы чистились в будке угрюмого садовника Демьяна, отделяваясь самыми невероятными объяснениями от его подозрительных вопросов, Сергей Лукич не проронил ни слова. Потом он быстро распрощался и ушел.

Нам не хотелось идти в дом, отчасти, чтобы не беспокоить молодого графа, сраженного новым ударом, отчасти потому, что после столь обильного впечатлениями дня необходимо было проветриться и успокоиться.

— Пойдем к мистеру Уильяму, — предложил Введенский.

Он угадал и мое желание, так что <мы> тотчас же зашагали по направлению к квартире англичанина.

Мистер Уильям Митчель принял нас, сидя в своем кабинете за решением какой-то сложной математической задачи. Прошло минут десять, прежде чем он решился оторваться от какого-то хитроумного интеграла и обратился к Сашке с стереотипным вопросом:

— Ну, как дела?

Сашка не стал заставлять себя просить и подробнейшим образом передал Шерлоку Хольмсу все удивительные события, которые произошли со времени нашего последнего свидания.

Не прошло и пяти минут после того, как он замолчал, и Хольмс, отбросив свою трубку, сказал:

— Едем, господа.

— Куда? — удивленно спросил Введенский.

— К Франческо Кучини, — ответил Хольмс. — Может быть, нам еще удастся приехать вовремя.

— Что же нам предстоит предупредить? — удивился я.

— Новое преступление, — лаконически ответил Хольмс уже на пороге.

Хольмс чрезвычайно торопился и вскочил, не торгуясь, на первого случайно попавшегося лихача.

Мы быстро выскочили у знакомого по ночному приключению с ресторанчиком Еремеева подъезда на Петербургской стороне и бегом вбежали по лестнице.

Хольмс сильно дернул звонок и замер в ожидании.

Дверь отворилась; перед нами стоял Воронин.

— Если не ошибаюсь, имею честь говорить с господином Ворониным? — спросил Уильям Митчель.

— Вы не ошибаетесь, мистер Хольмс, — спокойно ответил Сергей Лукич.

— Очень приятно, — невозмутимо продолжал англичанин. — Если ваш проницательный взгляд раскрыл уже мое инкогнито, надеюсь, вы не откажете мне в позволении осмотреть квартиру. Не могу, кстати, не выразить моего восхищения, застав вас здесь.

Воронин жестом пригласил нас войти и, запирая дверь, произнес:

— Я не знал, мистер Хольмс, что вы решились бросить свои занятия математикой ради этого случая. Иначе, конечно, я предвидел бы, что мы здесь встретимся.

— Вы опоздали? — спросил Хольмс.

— К сожалению, да! — ответил Воронин.

Мы прошли вслед за ним в столовую. На столе лежал труп элегантно одетого мужчины с слегка высунутым языком, выпученными глазами и багрово-синим шрамом на шее.

— Он скрылся? — быстро спросил Хольмс.

— Да, — мрачно ответил Воронин.

— Вы приняли меры?

— Да; но только такой человек не боится никаких «мер».

Я в этом уже дважды убедился.

— Надо что-нибудь предпринять, — заметил Хольмс. — Его нельзя выпустить из рук.

— Что же возможно сделать? — почти вскричал Воронин. — Я знаю, что ни один человек не уедет из Петербурга, не пройдя негласного контроля моих агентов, — но вы ведь знаете, что он одурачит, кого угодно...

Впрочем, у меня есть маленький шанс. К счастью, я не успел еще выпустить из рук его двойника, этого Жюль Леру. Его сейчас должны привезти сюда.

— Но ведь он ничего не скажет! — возразил Холмс.

— Посмотрим, — мрачно ответил Воронин.

Жюль Леру не заставит ждать себя слишком долго. Вскоре опять раздался звонок, и он появился в сопровождении Байдулина и двух агентов.

— *Mon Dieux!* — вскричал француз, увидев на столе обезображенный труп хозяина квартиры. — Его повесили!..

— Господин Леру, — оборвал его Воронин. — Вы должны ответить мне на один вопрос. Человек, который называл себя маркизом де Варенном, скрылся неизвестно куда, не более, чем два часа тому назад. Где он может сейчас находиться?

— Я не знаю никакого маркиза де Варенна, — равнодушно ответил Леру.

— Я не потерплю никаких возражений, — настойчиво произнес Воронин. — Где он может сейчас находиться?

— Я требую свидания с посланником, — упрямо возразил француз.

— Вы ничего от него не добьетесь, — вмешался Шерлок Хольмс. — Лучше не будем терять времени.

— Я вам даю две минуты времени на размышление, — не обратив внимания на слова Холмса, продолжал Воронин, и глаза его грозно сверкнули. — Предупреждаю, что если вы не ответите — будет плохо.

Воронин вынул часы.

— Я требую свидания с посланником, — ответил тем же упрямым тоном Леру.

Воронин смотрел на часы.

— Минута, — считал он. — Полторы. Две. Ваше последнее слово?

— Я требую свидания с посланником.

— Байдулин! — крикнул Воронин. — Принесите веревку.

Он указал в сторону мертвеца.

Байдулин вышел в соседнюю комнату и сейчас же вернулся, неся новенькую и узкую веревку с петлей на конце.

— Перекинуть! — скомандовал Воронин.

Веревка тотчас заболталась на крючке, вбитом в перекладину дверей.

— Что за шутки! — спросил француз, заметно бледнея.

— Это не шутки, — холодно возразил Воронин. — Вы будете сейчас вздернуты.

Леру криво улыбнулся.

— Повесить! — коротко приказал Воронин.

Два агента взяли Леру под руки и повели к дверям. Байдулин уже взялся за веревку, когда Хольмс подошел к Воронину и произнес:

— Ради Бога, что вы хотите делать?

— Не мешайте, — резко ответил Воронин. — Не ваше дело.

— Постойте! — прибавил он, обращаясь к агентам. — Веревка намылена? Намыльте!

Байдулин тотчас же раздобыл кусок мыла и начал усердно намазывать им петлю.

Француз смотрел на всю эту операцию, считая ее комедией, но в душе у него все-таки шевелилось сомнение, и неестественная улыбка не могла скрыть мертвенной бледности его лица.

— Надевайте! — скомандовал Воронин, и Байдулин стал аккуратно надевать петлю на шею Леру.

— Руки развязать прикажете? — спросил он Сергея Лукича.

— Не надо. Тяните!

— Стойте! — вскрикнул француз. Он понял, что Воронин не шутит. — Я скажу все.

Воронин жестом приказал агентам обожждать:

— Подождите.

— Снимите с меня это украшение! — сказал Леру. Он весь дрожал и еле держался на ногах.

— Снимайте! — разрешил Воронин. — Отвечайте!

— Кирочная, 23, — сказал Леру, — четвертый подъезд, третий этаж, квартира помещика Петрова. Эту квартиру он снял для своих надобностей. Должно быть, он там.

Воронин поспешно записал адрес.

— Байдулин, — распорядился он. — Вы поедете с нами. Они останутся стеречь квартиру и эту птичку.

Леру невольно вздрогнул, когда Воронин указал на него рукой.

— А теперь, господа, едем!

Путешествие предстояло немалое. К счастью, за углом стояла коляска Воронина, наш извозчик также ждал у подъезда, так что через двадцать пять минут мы уже были у четвертого подъезда дома № 23, по Кирочной улице.

Байдулин пошел с черного хода, а мы с парадного.

Поднявшись по устланной коврами лестнице на третий этаж, мы увидели дощечку с красиво выгравированной надписью «Василий Викторович Петров».

Воронин позвонил. Через мгновение за дверью послышались шаги, и вскоре представительный лакей впустил нас в переднюю.

— Хозяин дома? — спросил Воронин.

— Уехал полчаса тому назад, — почтительно ответил лакей. — Вы господин Воронин?

— Откуда вы меня знаете?

— Барин, — ответил лакей, — уезжая, говорили, что вы заедете, и приказали передать этот пакет.

Воронин побледнел.

— Я начальник сыскной полиции... Покажите мне всю квартиру, от передней до последнего чулана.

Лакей, по-видимому, огорошенный словами Воронина, беспрекословно повиновался.

Но все поиски были напрасны. Маркиз де Варенн и здесь все предвидел.

— Вскройте пакет, — напомнил Воронину Хольмс.

— Сейчас, — ответил Воронин, ломая печать. — Интересно, чья в нем подпись?

Воронин взглянул на подпись и замолчал. На лице его изобразилось безграничное изумление.

Хольмс нагнул ему через плечо и громко прочитал:

— Арсен Люпен, он же маркиз де Варенн.

Глава XII

Письмо

— Арсен Люпен! — воскликнули все в один голос.

— Национальный вор Франции! — прибавил Сашка.

— Вор-джентльмен! — произнес Хольмс.

— Я не удивляюсь теперь, — сказал Воронин, когда затихли все возгласы изумления, — что мне не под силу было справиться с маркизом де Варенн. Господа, на свете есть один человек, который мог бы бороться с Арсеном Люпенном; этот человек — Шерлок Хольмс. Если я мог бороться так долго, то только благодаря его совету. Но и при таких благоприятных обстоятельствах маркиз оказался сильнее меня.

— Вы обвиняете себя совершенно напрасно, — сказал Шерлок Хольмс. — Если мой совет и помог вам найти потерянный было след, так вся остальная погоня, которая столкнула нас в квартире Кучини, была проведена ничуть не хуже моего. Затем, не могу не выразить моего восхищения перед вашим поразительным умением сразу найти верный

след. Если же вас теперь постигла неудача, то право же, с Арсеном Люпенем нельзя справиться с первого раза.

— Вы правы, — заметил Воронин, — что в этом запутанном случае Арсен Люпен был в более благоприятных условиях, чем его преследователи. Да и роль его была скорее ролью судьи, чем преступника. Впрочем, прочтем, что за письмом оставил нам маркиз де Варенн.

Мы прошли в гостиную и сели. Воронин начал читать.

«Милостивый государь, Сергей Лукич, — гласило письмо. — Я очень извиняюсь, что причинил вам столько неприятностей. Но что же делать — я был вынужден действовать жестоко.

Я убежден, что вы получите это письмо, а стало быть, знаете уже все или почти все, Поэтому мой рассказ лишь подтвердит ваши выводы. Но мне хочется испкупить мою вину чистосердечным признанием.

Живя в Италии лет пять тому назад, я познакомился с Ниной Александровной Бельской, впоследствии супругой покойного графа. В.-Д. Это был очень тяжелый период ее жизни. Молоденькой девушкой она вышла замуж за Бельского, красивого гвардейского офицера и большого повесу. Бельский был убит на дуэли на четвертый месяц их совместной жизни и не оставил жене ничего, кроме долгов.

Я назывался тогда графом Джузеппе Паулуччи и был у Бельских, так как все три месяца своей супружеской жизни они провели в Риме...»

Воронин остановился, окинул взглядом всех и сказал:

— Господа, дальше, по-видимому, затронуты такие стороны всей этой истории, что я, собственно говоря, должен был бы прекратить чтение; но все, здесь присутствующие, посвящены в нее так подробно, что я согласен продолжать, если вы дадите торжественное обещание молчать обо всем услышанном, пока жив будет Николай Дмитриевич.

Получив согласие, Сергей Лукич продолжал прерванное чтение:

«Поддержка, которую я оказал Нине Александровне после внезапной смерти Бельского, положила начало нашему более тесному сближению.

Между прочим, Нина Александровна согласилась принять от меня в подарок три изумруда; она не знала их стоимости, но эти три изумруда — лучшие в мире: они оцениваются приблизительно в девять миллионов франков. Они хранились у графини в особом потайном отделении футляра от ее ожерелья. Месяц тому назад, вопреки желанию Нины Александровны (мы все время изредка переписывались) я приехал в Петербург и получил от графа Николая Дмитриевича, с которым сдружился еще в Париже, приглашение остановиться у него.

Когда было совершено убийство, я первым начал тайно производить розыск преступников. Найти их мне было легко.

Об изумрудах графини В.-Д., знали только мои постоянные помощники; зная же их русские паспорта, я легко обнаружил присутствие в Петербурге одного из них, по паспорту Кучини, который, по моему приказанию, должен был в это время находиться в Париже. Найти оружие этого изменника, задумавшего овладеть изумрудами, — самого убийцу, — мне удалось сейчас же через Кучини. Убийца — Васька Косой — должен был рассказать мне все свое гнусное дело подробнейшим образом; ведь я всегда окружен друзьями и помощниками, из моих рук вырвать <ся> невозможно... К тому же, он находился в моей власти, так как у меня в руках были улики. Главная из них — окровавленный кинжал; Васька Косой накануне убийства купил его в известном мне магазине Александровского рынка.

Вы спросите, где я нашел эти улики? В подземелье, которое я обнаружил совершенно самостоятельно в ночь после убийства городского».

— Так вот кого мы видели из окна в ту ночь, — пронеслось у меня в голове.

«Я простил бы негодяя, — продолжал читать Воронин, — если бы Нина Александровна осталась в живых. Когда же она умерла...»

Я заставил Ваську Косого пойти вместе со мною и с одним моим другом в подzemелье, несмотря на страх перед трупом верного Ганнибала, достигшего его после первого преступления, во время бегства, во втором этаже, убитого им и ночью перенесенного в подzemелье. Здесь Васька должен был указать место, куда он спрятал изумруды. Затем я наслаждался мщением... Кучини также попла- тился позорной смертью.

Когда вы будете читать это письмо, я буду уже в море на моей быстроходной яхте.

Теперь вы понимаете, что я должен был прибегнуть к маленьким хитростям: ваше вмешательство грозило помешать моему мщению.

Изумруды будут возвращены тому, кому — даю вам в этом слово Арсена Люпена — они принадлежат по праву».

Воронин замолчал.

Несколько минут мы сидели молча, подавленные картиной невероятно жестокой расправы, которую развернул перед нами Арсен Люпен. Наконец Воронин поднялся и направился к дверям.

Вдруг он остановился, обернулся к нам и сказал:

— А я... право же, рад, что на этот раз его не удалось арестовать. Прощайте, господа.

Он раскланялся и вышел из комнаты. Мы последовали его примеру.

Заклучение

Мы с Сашкой сидели у Хольмса и вспоминали подробности пребывания Арсена Люпена в Петербурге; некоторые частности были еще для нас непонятны.

— Я был уверен заранее, — сказал Введенский, — что Воронин не поймает убийцы.

— Но ведь убийца был убит, — заступился я за Сергея Лукича.

— Оставьте, — вмешался Хольмс. — Воронин — такой начальник сыскной полиции, какого никогда не было и в Лондоне.

— Но ведь маркиз де Варенн... — начал было Сашка.

— Арсен Люпен, — прервал Хольмс, — когда-нибудь встретится с Шерлоком Холмсом и... и я не знаю, что из этого выйдет. Понимаете ли вы, что за человек Арсен Люпен?!

На следующую же ночь после убийства Люпен уже нашел подземный ход. А вся последующая работа, которую он выполнил так артистически, рискуя, притом, на каждом шагу быть арестованным Ворониным? С таким человеком я еще не встречался; а я знал профессора Мориарти...

— Кстати, дорогой мистер Хольмс, — воспользовался я словоохотливым настроением хозяина, — не объясните ли вы нам темные стороны всего этого приключения?

— Их немного, — ответил Хольмс. — Слушайте. Прежде всего, картина преступления. Вы знаете, что организатором его был Франческо Кучини. Приехав в Петербург, он начал отыскивать пути, чтобы проникнуть в дом графов В.-Д. В этих поисках он, конечно, наткнулся на единственного человека, служившего у графов В.-Д. и вполне пригодного для предприятия — на Ваську Косого.

На его счастье, Васька Косой владел чрезвычайно важным секретом, на который ему случайно удалось натолкнуться: он знал о существовании подземелья.

Снабженный указаниями Кучини, Косой решается на взлом шкафа; в результате, как вы знаете, убийство графа, рана, нанесенная графине, убийство Ганнибала; сиденье на-

верху (здесь он немного покурил, чтобы облегчить голод: этот пепел и нашел мистер Введенский). Затем убийство городского, бегство. Ганнибал, надо думать, был перенесен в подземелье с целью отвести подозрение от настоящих убийц.

Затем Косой, может быть, охваченный страхом при мысли о четырех убийствах, которые он вынужден был совершить для достижения цели, поспешно убегает из подземелья, успев лишь спрятать изумруды в потайную кладовую кирпичной стены и оттащить труп Ганнибала подальше, чтобы запах гниения не проник как-нибудь в беседку. Остальное вам известно.

— Но почему Люпен проявил такую жестокость мщения? — спросил я.

— Вы помните записку, которую нашел мистер Введенский после убийства городского? Там было написано рукой де Варенна:

«...je laisse Claire dans la famille de mon et ami, dans quelques jours...»

Сопоставьте эту записку с тем, что рассказал де Варенн о своих отношениях к Нине Александровне, и вам станет все ясно.

Claire — дочь Нины Александровны и... Люпена. Ворджентльмен любил графиню В.-Д.; вот почему он мстил с такой жестокостью.

— Так что изумруды...

— Изумруды составят приданое Claire. Но довольно об этом. Что вы скажете джентльмены, о маленьком путешествии на острова?

Я подошел к окну.

Голуби нежились в лучах яркого солнца; дворник меланхолически подметал улицу; где-то гудел одинокий колокол.

— Едем! — встал за мной и Сашка.

— All right! — поднялся и Хольмс.

Аркадий Бухов

КОНЕЦ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(Из записок доктора Ватсона)

Я никогда не ожидал, что моему другу Шерлоку Холмсу всего в несколько дней предстоит так бесславно пасть в глазах общественного мнения, но, увы! — это так. Лучше было бы моему другу пасть от предательской руки наемного убийцы, чем позволить восторжествовать над собой злейшему его врагу, профессору Мориарти, — но последний поставил на карту все и выиграл ставку.

Шерлок Холмс уже давно стал замечать, что Мориарти что-то замышляет, и несколько дней был озабочен. Впрыскивал морфий и играл на скрипке. Потом, как это бывало всегда, его охватила кипучая деятельность. Он переодевался рыбаком, чтобы попасть на фешенебельные балы Уайтчепель-Сити, заgrimировывался старой продавщицей гнилых яблок, чтобы быть не замеченным в literной ложе Дарлинг-Холла, но все было напрасно.

— Моя песня спета, — с грустью сказал он в один из вечеров, из предосторожности закуривая сигару с обратного конца. — Мориарти задумал что-то слишком серьезное.

— Вы победите, Холмс, — твердо ответил я, вставая с постели, чтобы пожать ему руку, — вы победите.

— Посмотрим, — загадочно произнес он. — Скоро борьба начнется.

И, не меняя тона, он загадочно лег спать. Борьба действительно началась.

* * *

Ночью мы были разбужены резким звонком.

— Это звонит Грегсон, — уверенно сказал Холмс, просыпаясь.

— Почему вы думаете? — с удивлением спросил я.

— Посмотрите на колокольчик, — кивнул головой Шерлок на прихожую.

— Я не вижу.

— Посмотрите на часы.

— Смотрю. Два ночи.

— Вы не наблюдательны. Читайте.

И Шерлок показал мне записку: «Ровно в два буду. Грегсон».

— В нашей профессии ничего нет загадочного, милый Ватсон, — снисходительно улыбнулся Холмс. — Нужно только идти путем умозаключений. Войдите, Грегсон.

Никто не входил. Я побледнел и схватился за револьвер.

— Достаньте, Ватсон, валерьяновых капель. За дверями женщина. Она волнуется и не решается войти. Войдите.

Дверь отворилась, и на пороге показался громадный рыжий мужчина, с большим пятном крови на ладони.

— Это вы — Шерлок Холмс?

Мой друг осмотрел прибывшего с ног до головы и кинул:

— Я. Садитесь. Вы каменотес?

— Меня зовут Джемсом Кеннером. По профессии — убийца малолетних. Вы расследуете дело об убийстве старухи в домике у Реджинальд-Парка?

— Вас это интересует?

Я увидел, что глаза у Холмса загорелись особым огоньком.

— Немного. Старушку-то я убил.

Я опустил на стул. Холмс вздрогнул.

— Расскажите подробности.

— Да тут и подробностей никаких не было. Вошел через открытую дверь, ударил дубинкой, а деньги взял.

Холмс посмотрел на Джемса Кеннера и покачал головой:

— Убийца не вы.

— Вот тебе раз, — возмутился Кеннер, — чай, мне лучше знать.

— Неправда. Вы подсланы Мориарти.

— Это — к вам, от Мориарти. А старушку по собственному почину. Своя, так сказать, инициатива.

— Докажите.

— С нашим удовольствием. Наручники сейчас наденете или после?

Через полчаса мы были на месте происшествия, в домике у Реджинальд-Сквера. Грегсон, Холмс, Кеннер и я вошли в дом, а полицейские остались у ворот.

Кеннер весело расхаживал по комнате.

— Отсюда вот вошел, — спокойно объяснял он, — шагнул через порог; старушка, значит, удивилась, да от меня. Здесь вот я ее догнал и доконал по голове.

— Негодяй говорит правду, — прошептал Холмс. — Кеннер! Почему вы сознались?

— Да что же не сознаваться-то? Кабы не убийство, а то дело чистое. Убил и сознался.

— Вас повесят, — вежливо вставил Грегсон.

— Да, за такие дела по головке нельзя гладить, — охотно согласился Кеннер. — Повишу за старушкино здоровье.

Холмс стоял хмурый.

— Погода в этот день была грязная, — нерешительно сказал он, посматривая на пол, — и вы долго ходили по улице.

— Это верно. Дождина был здоровый, а я пешком припер.

— Скотина, — шепнул Холмс, — все из-под рук вырывает... Ушли вы из дома...

— Через четверть часа. Парадным ходом.

Кеннер немного помолчал, посмотрел на часы и зевнул:

— Ну, в тюрьму, так в тюрьму... Время детское, отправить еще и сейчас успеете...

Когда мы вдвоем подъезжали к дому, Шерлок закурил трубку:

— Мориарти пустил в ход небывалое оружие. Я погибаю.

* * *

Не успели мы отдохнуть от потрясений этой ночи, как через четыре дня весь Лондон потрясло известие о кошмарном убийстве в отеле «Средней Козы», где жертвами пали

старик-отец с одним законным и двумя побочными сыновьями.

Грегсон позвонил сейчас же, как только полиции стало известно об убийстве.

— Приезжайте, — взволнованно говорил он. — Нас не пускает в гостиницу хозяин. Он уверяет, что он сообщник, и ему не приказано никого пускать в комнаты убитых до вашего приезда.

— Нужно взять револьвер, Холмс?

— Не берите, — грустно прошептал мой друг. — Он нам, кажется, не понадобится... Едемте.

У ворот нас дождался кеб. Кучер наклонился к Холмсу и громко сказал:

— Скорее, сэр. Я уходил из дома последним, едва успев покончить с младшим из семьи, и каждую минуту туда может войти полиция. Она отнимет у вас честь раскрытия преступления.

Не раз нам приходилось переживать жуткие минуты, но ехать среди белого дня в кебе, управляемом сенсационным убийцей, — это было слишком.

В комнате убитых мы застали полный беспорядок. Я посмотрел на Холмса: он стоял бледный, с дрожащими руками. Тяжело вздохнув, Холмс опустился на колени и, посмотрев на след, оставленный грязной ногой, с ужасом схватился за голову.

След был тщательно очерчен мелом, а около него лежала приколотая кнопкой записка: «32 сантиметра. След мой. Ботинки покупал на Бридж-авеню в Универсальном магазине, у приказчика с рыжей бородой. Вильям Стрэд».

— Ватсон, я с ума схожу...

Мы осторожно подошли к подоконнику. На нем лежал окурок, а около окурка чьей-то неторопливой рукой было написано: «Окурок мой, сообщника. Улица Пятерых, д. № 5, в подвале, вызвать через Джима, по прозвищу Зеленая Крыса. Дома от 4 до 6. Самуил Брайтон, беглый каторжник».

— Позовите прислугу отеля, — дрогнувшим голосом сказал Холмс, бессильно опускаясь в кресло. — А вы, Грегсон,

съездите по адресу Универсального магазина и допросите приказчика...

Когда лакеи отеля собрались в комнату, Шерлок окинул их пытливым взглядом и спросил:

— Кто был дежурным сегодня ночью?

— Я, сэр, — почтительно ответил самый молодой, с неприятным хищным лицом, — я и впускал убийц. У нас было условлено, что они придут на полчаса раньше, но они опоздали.

— Долго они здесь были? — упавшим голосом сказал Холмс.

— О нет, сэр, — ответил другой лакей. — Я все время стоял на страже, чтобы кто-нибудь не вошел. Всего четверть часа. Эти почтенные господа поумирали быстро.

— Не будь я Джек Спринт, за которым полиция гоняется четыре года, — воскликнул третий лакей, — если кто-нибудь умирал быстрее этих молодых джентльменов.

— Целью было ограбление? — отвернувшись в сторону, спросил Холмс.

— О да, сэр. В несгораемом ящике мы оставили записку, сколько нами взято денег, а также подробный адрес лица, у которого эти деньги хранятся.

Через несколько минут вернулся Грегсон.

— Я виделся с приказчиком. Лицо, купившее ботинки, оставило у него свой адрес и просило сообщить о нем полиции. Это Вильям Стрэд.

— Не забудьте, что я убивал, — раздался сзади нас голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял кучер нашего кеба.

— И я человек, — добавил хозяин отеля, входя в комнату, — и меня забывать не надо. Не знай я обо всем, ничего не произошло бы. Фамилия моя — Бриджерс. Судился четыре раза.

— Делайте что хотите, Грегсон, — крикнул Холмс, затыкая уши. — Мориарти издевается надо мной... Если еще пять-шесть таких убийств, мне придется открыть табачную лавочку или сделаться маркером... Я должен чем-нибудь зарабатывать кусок хлеба...

И с истерическими криками он бросился на улицу.

* * *

Во время расследования следующего убийства, на которое Грегсон и его товарищ Лестрад позвали Холмса, убийца просто дожидался около трупа и читал газету.

— Как вы долго, — с укором обратился он к Холмсу. — Я уже и следы оставлял, и окурки бросал, и отпечатки с пальцев понаделал на всех стеклах, даже руку разрезал, чтобы отпечатки яснее были, а вы так опаздываете...

— Подлец, — с возмущением бросил Холмс, — от себя работаешь или от Мориарти?

— От него. Он сегодня к вам в шесть часов звонить будет.

Это оказалось правильным. Ровно в шесть часов раздался телефонный звонок, и трубка едва не выпала из рук Холмса, когда он приложил ее к уху.

— Здравствуйте, Холмс. Это я — Мориарти.

— Я сотру тебя с лица земли, — хрипло крикнул Холмс. — Я не арестую тебя сейчас, но когда придет время...

— Будет, Холмс. Вы обязаны меня арестовать. Я говорю в присутствии двух посторонних лиц, хозяина булочной и какого-то футболиста, что вы обязаны арестовать меня. Иначе я донесу полиции... Жду вас на четырнадцатой аллее Гайд-Парка. Приходите с Ватсоном и полицией.

— Я схожу с ума, — прошептал Холмс. — Он меня преследует... Одевайтесь, Ватсон.

Когда мы с Шерлоком, Грегсоном и дюжиной полисменов приехали на условленное место, Мориарти уже стоял там, дожидаясь нас, окруженный массой публики и репортеров. Холмс вплотную приблизился к Мориарти.

— Я бессилен, — задыхаясь от злобы, несмотря на свое хладнокровие, сказал Холмс. — Вы припрятали концы в воду, и я не могу вас арестовать. Но я доберусь до вас, когда у меня будут в руках данные...

— Об ожерелье леди Грахам? — спросил Мориарти.

— Вы, конечно, отправили его в Америку вместе с перстнем графа Пешбери?

— Ничего подобного, — и Мориарти опустил руку в карман, — вот ожерелье, вот перстень. А вот, кстати, и медальон убитого герцога Рококо. А вот браслеты графини Ам-пир.

— А... того... собственноручные убийства...

— Для двух виселиц хватит. Во-первых, убийство старого фермера в Пендждбере. Сам работал. Во-вторых...

— Грегсон, — сдерживая слезы отчаяния, пробормотал Холмс, — я, кажется, здесь лишний.

На другое утро репортеры больших газет оповестили о случившемся читателей поучительной заметкой, которая заканчивалась так:

«...нарядом полиции был арестован известный преступник, профессор Мориарти. При аресте присутствовало много посторонней публики. Среди присутствующих: Шерлок Холмс...»

* * *

Через полгода однажды утром я бесцельно бродил по улицам Лондона. Около Гайд-Парка я встретил какую-то процессию. То были безработные. И когда я ближе всмотрелся в проходящих мимо, я на мгновение увидел четкий профиль Шерлока Холмса.

— Холмс! — крикнул я.

Он обернулся, посмотрел на меня усталыми глазами и, по-видимому, не узнав, сказал:

— Может быть, сэръ хочет предложить мне какую-нибудь работу? В этом проклятом Лондоне можно сдохнуть с голоду, не имея определенной профессии...

И, махнув рукой, он пошел дальше.

Василий Сиповский
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Из записок доктора Ватсона

Илл. И. Владимирова



От редакции

Помещаемый ниже рассказ заслуживает особого внимания. И прежде всего — по теме. Юбилей Шерлока Холмса, завершающий его многопрославленную деятельность... Какая благодарная канва! В живом, все время нарастающем действии, в сменяющихся беспрерывно картинах, чуткий читатель не может не уловить филигранно-тонкую, художественную иронию над произведениями, которые еще недавно, к сожалению, составляли излюбленное чтение наших юношей, — да и одних ли только юношей?..

Чрезвычайная динамичность повествования может служить образцом современных литературных достижений. По великому завету Тютчева, здесь тесно словам и мыслям просторно. В этом нет ничего удивительного.

Автор рассказа — один из самых популярных наших профессоров, заслуженный исследователь русской словесности, написавший ряд научных и литературных трудов. Имя его известно всей грамотной России. Но мы должны подчиниться воле автора, пожелавшего подписать свою прелестную вещицу, родившуюся в редкие часы досуга, — только инициалами.

1

К серии рассказов об удивительных похождениях моего гениального друга я считаю необходимым прибавить рассказ о странных приключениях его, связанных с торжественным днем его юбилея.

Сегодня, 20-го января 1891 г., исполнилось двадцать пять лет его научно-детективной деятельности. Сегодня в честь его готовились в Лондоне торжества: здание главного бюро лондонской сыскной полиции было украшено снаружи и внутри зеленью и национальными флагами. Над главным входом был укреплен огромный лавровый венок с инициалами моего друга, с римской цифрой XXV. Вечером этот венок должен был быть иллюминирован разноцветными электрическими лампочками. В зале должен был быть сервирован ужин. Предполагались тосты, чтение телеграмм. Весь церемониал торжества был разработан совместно с Холмсом. Без его одобрения не решались устроить торжество, т. к. знали особенности его характера и опасались, что он совсем отвергнет всякие чествования. Шерлок Холмс значительно сократил церемониал, постарался придать ему более интимный характер. Он не любил публичных торжеств, не любил больших собраний и обедов, когда юбиляру приходится выслушивать немало напыщенных речей, в которых, обычно, нет искренности. На все эти речи приходится отвечать такими же речами. Это было не по душе Холмсу, — вот почему он и постарался сделать свой праздник более скромным. Отказаться от праздника Холмс не пожелал, т. к. заслуги свои перед человечеством признавал и всегда говорил, что такие праздники имеют воспитательное значение для граждан, приучая их ценить заслуги великих общественных деятелей.

Итак, сегодня, в 10 часов вечера, депутация из самых видных чиновников главного королевского детектив-бюро должна была заехать за ним на автомобилях, украшенных флагами и цветами, и свезти его в главное полицейское управление. Там он должен был выслушать несколько речей и полученные со всех концов мира поздравительные телеграммы. Обещал приехать сам министр полиции. Говорили, что Шерлок Холмс получит подарок от короля.

Накануне я довольно долго засиделся у Холмса, и мы весь вечер проговорили о предстоящем торжестве. Не скрою того, что друг мой, великий Холмс, был несколько взвол-

нован, курил сигару за сигарой и говорил гораздо больше обыкновенного.

— Да, милый Ватсон, — говорил он, — 25 лет сосредоточенной, упорной работы все в одном направлении, работы не только практической, но и научной, теоретической — это, должен сознаться, при всей моей скромности, дело большое...

Я, конечно, не мог не согласиться с ним... И мы дружески беседовали с ним, перебирая в памяти различные приключения, в которых нам приходилось принимать участие вдвоем.

Я забыл сказать, что хотя чествовали собственно Холмса, но не забыли и меня: я был тоже приглашен на ужин и должен был выехать вместе с ним.

Признаюсь, я волновался с самого утра, и если бы не жена, я наверно опоздал бы. В 9 часов я был готов. На мне был фрак, украшенный докторским значком. Я торопливо натянул пальто, попрощался с женой и поспешно вышел из дома.

2

На входных дверях снаружи я увидел письмо на мое имя. Оно было приколото кнопкой.

Я торопливо вскрыл письмо и не мог не воскликнуть от изумления: в письме было поздравление от... лондонских воров и грабителей! В изысканно вежливой форме поздравляли меня, как неизменного спутника Холмса и историографа его подвигов, выражалось пожелание многих лет «совместной работы». Письмо было подписано председателем «главного лондонского клуба воров» — известным грабителем Джоном Джемсоном, по прозвищу «Стальной Лом». Его подпись была скреплена секретарем Вильямсом Пэджером, по прозвищу: «Не зевай». Далее следовали подписи около 30 членов клуба, которые добросовестно выписали свои имена и прозвища — «Пистолет», «Буравчик», «Ла-

комка», «Воробей», «Тюльпан», «Чертик», «Выгребай», «Маркиз», «Дантист», «Экспресс» и мн. др. В письме лежала свежая фиалка, которую воры рекомендовали мне одеть в петлицу фрака.



ПРЕЗИДИУМ ЛОНДОНСКОГО КЛУБА ВОРОВ.

Председатель	Товарищ предс.	Секретарь	Члены Президиума:
«Стальной Лом».	«Пистолет».	«Смокинг».	«Воробей».
			«Отмычка».

Признаюсь, это письмо меня встревожило. Я почувствовал в этой проделке что-то угрожающее не мне, конечно, а другу моему Холмсу. Я вернулся домой, бросился к телефону, дал номер Холмса. Из телефонного бюро мне ответили, что № 1667091 «не действует». Смутная тревога, мною овладевшая, превратилась в твердое убеждение, что Холмсу что-то угрожает. Жена, увидев мое расстроенное лицо, кинулась ко мне с расспросами: «Что случилось? Почему ты вернулся?»

Я вкратце рассказал ей о своих опасениях, показал письмо. Она побледнела, но, сохраняя присутствие духа, сказала дрожащим голосом: «Спешите к Холмсу!.. Ты ему нужен и Господь храни вас обоих!... Возьми револьвер!».

Я хотел было звонить в главное сыскное бюро, но не решился этого сделать, не узнав, в чем дело. Холмс, с его самолюбием, не простил бы мне фальшивой тревоги, которая могла его поставить в смешное положение.

Едва я выбежал из подъезда, как со мной столкнулся какой-то джентльмен, прекрасно одетый. Это столкновение было так неожиданно, что у меня с головы слетел цилиндр.

Едва я успел сообразить, в чем дело, как подбежал какой-то мальчишка, схватил мой цилиндр и исчез — словно в воду канул. Я посмотрел на господина, который стоял растерянный, тоже с обнаженной головой.

— У меня украли шляпу, — пробормотал он. — И у вас тоже? — учтиво осведомился он.

— Побежим догонять воров, — сказал он. — Я видел, как мальчишка с вашим цилиндром побежал туда, — и он махнул рукой в переулок, начинавшийся у моего дома. — А мою шляпу утащил вон тот оборванец... Я его догоню. Честь имею...

И джентльмен понесся в сторону, противоположную той, куда убежал мой цилиндр.

Я сразу понял, что джентльмен — участник проделки с моим цилиндром. Но мне некогда было заниматься такими пустяками — надо было спешить к Холмсу.

— Возвращаться домой за шляпой, или ехать так? — подумал я, стоя у подъезда. После краткого колебания я решил ехать без шляпы.



Едва я сделал несколько шагов, как ко мне подкатил кэб и кэбмэн любезно предложил везти меня. Я занес уже ногу на подножку экипажа, но сразу отдернул ее — я понял, что экипаж был подослан преступниками. Я поспешно отскочил от кэба и побежал к трамваю. Кэбмэн свирепо плюнул в мою сторону, хлестнул лошадь и быстро скрылся.

Едва я добежал до трамвая, который только что подошел, как около площадки оказалась толпа каких-то джентльменов, которые все зараз упорно лезли в вагон. Произошла давка, и какой-то верзила подставил мне ножку, и я растянулся на мостовой. Не успел я подняться, как с меня сдернули левый ботинок и вдруг толпа рассеялась.

3

«Что делать? ехать к Холмсу без шляпы и ботинка?» Это было и смешно, и рискованно. Стоял январь... Возвращаться домой? Но ведь этого, по-видимому, и хотели преступники. Я решил ехать во что бы то ни стало. У Холмса были и цилиндры, и ботинки и костюмы. «У него переоденусь» — решил я и влез в трамвай. Я уселся, поджав под себя разутую ногу, а голову обвернул шарфом.

Пассажиры вытаращили на меня глаза и стали перешептываться. Я стал пытливо всматриваться в их лица. Я чувствовал, что среди них есть мои враги. Но кто? И сколько их?

Какая-то толстая женщина вдруг встала и, желая выйти из вагона, пошла к выходу. По дороге она тяжелым сапогом наступила на мою единственную ногу. Я зашипел от боли, но мужественно выдержал адскую боль: я понял, что меня вызывали на скандал, на полицейский протокол... Хорошенькая девочка, лет девяти, сидевшая против меня с мамашей, долго порывалась что-то сказать мне, наконец, не выдержала и спросила:

— Сэр! а где у вас вторая нога?

Я промолчал. Холмс научил меня хладнокровию и выдержке. Кондуктор подошел ко мне и предложил взять билет. Я опустил руку в карман. Кошелек не оказался. Вместо кошелька я вытащил изящную карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел». Часов, моих любимых часов, золотых часов, которые так долго служили мне, тоже не оказалось!



Я не мог удержаться от проклятия. Приходилось выходить из трамвая. Франт, сидевший против меня, неприлично заржал. Я невольно сжал кулаки: самообладание покидало меня!

— У меня украли деньги, — сказал я кондуктору.

— Это случается очень часто, — не без иронии протянул кондуктор. — Тем не менее вам придется выйти из вагона.

Вдруг хорошенькая девочка, сидевшая против меня, конфузливо протянула мне деньги и сказала:

— Сэр! Мне жалко, что вы на одной ноге и без шляпы. Позвольте вам помочь!

Я мысленно благословил маленькую спасительницу и, взяв у нее деньги, хотел ей дать мою визитную карточку. Совсем забыв, что было написано на той карточке, что в карман подсунули воры, я протянул ей карточку с надписью: «Доктор Ватсон — осел».

Девочка прочла. Недоумение выразилось на ее личике и вдруг она, прижавшись к матери, воскликнула: «Он... Он

— сумасшедший. Мама!.. боюсь».

Франт сорвался с места и кинулся к кондуктору с требованием немедленно остановить трамвай и высадить меня. Кондуктор подошел и стал внимательно смотреть на меня. Смотрел долго, потом вдруг спросил:

— Вам нездоровится, сэр?

— Нет, сэр, — ответил я, напрягая все силы, чтобы сохранить хладнокровие. — Я совершенно здоров, чего и вам желаю.

— У вас голова в порядке? — вежливо осведомился кондуктор.

— В совершеннейшем.

Кондуктор с недоумением покачал головой и обратился к пассажирам с вопросом, мешаю ли я им или нет. В вагоне поднялись споры: одни кричали, что я мешаю, что сумасшествие заразительно, что они требуют моего удаления. Другие заступались за меня и уверяли, что я заслуживаю только сожаления. Некоторые, однако, выскочили на площадку и следили за мной оттуда, ожидая, когда я начну безумствовать. Выскочила и моя маленькая спасительница с матерью.

Кондуктор не знал, что ему делать. Франт горячился, рассказывая, что я сбежал из дома сумасшедших, что меня ищут по Лондону... Я был спокоен, как уличный фонарь, и ни на какие провокации не поддавался. В вагон явился контролер. Кондуктор начал ему что-то с жаром объяснять, показывая на меня пальцем. Контролер угрюмо посмотрел на меня, потом медленно стал приближаться. Остановился от меня шагах в четырех и, не подходя далее, сказал:

— Эй, вы! Как вас там?

Я спокойно назвал свою фамилию. Франт сорвался с места и закричал:

— Он — самозванец! Он назвал именем одного из самых почтенных лондонских врачей! Я д-ра Ватсона прекрасно знаю... Я лечусь у него.

Контролер посмотрел на него, посмотрел на меня, потом опять заговорил, обращаясь ко мне:

— Вы что же врете? Какой же вы Ватсон?

— А вам какое дело, кто я? — вдруг, теряя терпение, закричал я. — Ведь у других пассажиров вы не спрашиваете их имен?!..

Контролер опешил, тупо посмотрел на кондуктора и потом промямлил:

— Вы бы лучше вышли из вагона!

— Почему это?

— Публика требует!

Тут в вагоне опять начались споры: одни заступались за меня, — другие настаивали на моем удалении... Но мне было уже все равно: мы подъезжали к дому Холмса. Я встал вдруг на обе ноги и стремглав кинулся к выходу... Нескольким человек устремилось за мной. Теперь я видел своих врагов.

4

Выйдя из трамвая, я устремился к дому Холмса. К удивлению моему, около дома стояла толпа и дико хохотала, читая какое-то объявление. Я подбежал, втиснулся в толпу, совсем забыв, что я без шляпы и без ботинка. Я впился в афишу... Это был огромный плакат с карикатурами на Холмса. Тут же было витиеватое поздравление... от лондонских воров... Меня оттиснули в толпе. Какой-то усач давил меня плечом, какой-то оборванец отчаянно давил мне живот... Я понял, что все это неспроста и стал выбираться из толпы. Это было адски трудно: минут пять пришлось поработать локтями, выслушать кучу ругательств, подвергнуться тычкам и вдруг... вдруг оказалось просторно — толпа расступилась, и мне был предоставлен выход... Но, Боже мой, в каком я был виде! Пользуясь давкой, негодяи обрезали полы моего нового пальто, причем обрезали и фалды моего фрака. Я оказался в какой-то детской курточке... Что было делать? Бежать к полисмену и требовать снятия плаката, позорящего моего друга? Но я был в таком виде, что уж тут-то, наверно, меня прямо отвезли бы в дом су-

масшедших. Я бросился к подъезду, сопровождаемый диким хохотом негодяев... Я стремглав понесся по лестнице, прыгая через две ступеньки. У двери Холмса я перевел дух и дал резкий звонок. Никакого ответа!.. я стал колотить кулаками в дверь... Ни звука! Мне стало страшно!.. Ужасные мысли зашевелили мои волосы. Сердце останавливалось...

Я возобновил стуки. Вдруг одна из дверей на лестнице тихонько приотворилась и чей-то нос тревожно выглянул из-за двери. Я бросился к этим дверям... Но дверь моментально захлопнулась. За дверью раздался возглас ужаса и дверь стали запирают на ключ, на цепочку, на какие-то крючки и затворы. По-видимому, я был действительно страшен, со своим перекошенным лицом, без шапки, без сапога, в какой-то детской курточке.

Я терялся. Я не знал, что делать!.. Спуститься вниз?.. Позвать полицию? Но я был в таком виде! Да к тому же я не хотел вмешивать полицию. В такой торжественный день и вдруг полиция спасает того Холмса, который на тысячу голов выше полиции всего мира! Я стал осматривать дверь и вдруг увидел, что она заколочена снаружи несколькими крупными гвоздями. Их можно было выдернуть. Но чем? Я стоял и беспомощно озирался вокруг себя. Вдруг внимание мое было привлечено каким-то мешком, который лежал на площадке лестницы. На мешке была записка. Я схватил ее и с изумлением прочитал: «Доктору Ватсону». Текст записки был следующий: «Многоуважаемый доктор! Предвидя затруднения, которые вы, вероятно, испытаете, если пожелаете проникнуть к уважаемому юбиляру — мы великодушно предоставляем вам необходимые инструменты. Передайте наше искреннее поздравление маэстро. Мы были у него сегодня, но, к сожалению, некоторые обстоятельства помешали нам лично поздравить его и пожать его честную руку». Следовали подписи — те же, что и в записке, полученной мною сегодня утром.

Я принялся за дело. Медлить было невозможно. Надо было поспеть все уладить до приезда депутации. Я работал так, что моментально стер себе руки до крови. Но я не обращал внимания, выворачивал гвоздь за гвоздем. Наконец,

дверь открылась. Но боже мой! Что это?.. Вся прихожая была перевернута вверх дном. Огромный шкаф был придвинут к дверям кабинета Холмса. Дверцы шкапа были открыты настезь. Он был пуст. В углу на стуле сидела какая-то странная фигура в белых панталонах. Головы не было видно, рук тоже. Фигура не двигалась. Я выхватил револьвер и, протянув его перед собой, медленно стал подходить.



Вдруг мне показалось, что белые штаны стали дрыгать. Я невольно отскочил. Послышалось какое-то мычание. Я постоял. Потом решительно подошел к мычащей фигуре и увидел, что передо мной женщина, юбка которой была поднята на голову и завязана выше головы веревкой. Я быстро развязал веревку, обдернул юбку и увидел почтенную Алису Кембридж, экономку Холмса, полумертвую от ужаса, с завязанным ртом и руками... Я освободил почтенную даму... Она, по-видимому, узнала меня, но, не говоря ни слова, немедленно ударилась в истерику. Боже мой! я, доктор, такой истерики никогда не наблюдал в своей практике! Лекарств у меня под рукой не было — приходилось действо-

вать внушением. Я рявкнул на нее со всей яростью, какую только мог проявить, крепко потряхнул ее, даже, признаться, слегка треснул ее по шее. И она успокоилась.

Всхлипывая и дрожа всем телом, она стала рассказывать мне, что в шесть часов она услышала звонок, открыла дверь — и немедленно ей в нос бросили какого-то порошку, от которого она сейчас же лишилась сознания. Больше она ничего не помнила.

Увидев беспорядок в прихожей, пустой шкаф, переменявший свое обычное место, она всплеснула руками и хлопнулась в обморок на пол... Я решил не обращать на нее внимания и кинулся к шкафу. Хотел его отодвинуть. Но сил моих не хватило... Я вошел в шкаф и стал через заднюю стенку кричать: «Холмс! Холмс! Отзовитесь!». И вдруг, к великой радости моей, до меня донесся голос моего друга из кабинета: «Ватсон?.. Это вы?».

Голос Холмса заметно дрожал.

— Я! Я! — радостно орал я... — Как вы? здоровы?

— Здоров. Но только выйти не могу... Дверь не поддается... А телефон не действует. Я — в заключении. Пожалуйста, помогите мне выбраться!

Я сбросил с себя свою курточку, — остатки фрака, жилет, засучил рукава и навалился на шкаф. Но это монументальное строение из тяжелого резного дуба не поддавалось... Я чувствовал, как жилы напряглись у меня на лбу, кровь прилила к голове. Шкаф только вздрагивал, но с места не двигался. Я бросился к экономке, все еще лежавшей на полу, стал трясти ее, тер ей уши, дул ей в нос. Я кричал на нее, я ей грозил. Наконец, она открыла глаза.

— Идите скорее к соседу... напротив, — стал я торопливо говорить ей. — Только не делайте тревоги!.. Бога ради, не спускайтесь вниз!.. Скорее!.. Скорее!.. Попросите прийти сейчас же..!

Старуха поплелась, трусливо озираясь по сторонам. У выходной двери она остановилась и залопотала:

— Я боюсь! Я не пойду!

Но я так посмотрел на нее, что она моментально юркнула из двери на площадку. И через две-три минуты явил-

ся сосед Холмса. Увидев меня, он шарахнулся было в сторону, но я успел его удержать и вкратце рассказал, в чем дело.

Вдвоем мы налегли на шкаф, и он поддался. Образовался проход в кабинет. Холмс уже стоял у дверей. Секунда — и он вышел в прихожую. Вышел в халате, спокойный, хотя и бледный, с неизменной трубкой в крепко стиснутых зубах.

— Глупая проделка! — пропустил он сквозь зубы, и в стальных холодных глазах его загорелись искры гнева.

— Необходимо все привести в порядок, — сказал он холодно.

Общими усилиями мы передвинули шкаф на старое место. Закрыли дверцы. Сосед ушел домой. Холмс просил его держать все в секрете.

5

Я вошел в кабинет. Холмс уселся в кресло и еще раз сказал:

— Глупая проделка!

— Но, дорогой Холмс! что же нам делать? Сейчас явится депутация, а вы в халате! Ведь весь ваш гардероб раскраден!

Холмс затаился и, выпустив целый клуб дыма, спокойно сказал:

— Ну и вы, дорогой Ватсон, не в праздничном костюме!

Я огляделся. Я был в потной, мятой рубашке. Я совсем забыл все, что произошло со мной. Теперь все вдруг припомнилось и я стал торопливо и довольно несвязно рассказывать о том, что случилось со мной.

Холмс слушал с холодным вниманием. Ни один мускул не дрогнул на его стальном лице. Только бровь (левая) подымалась все выше и выше, да клубы дыма делались все больше.

— Покажите остатки вашего костюма! — сказал он наконец, когда я кончил свой рассказ.

Я пошел в прихожую и вернулся с остатками моего одеяния.

— Оденьтесь, — спокойно сказал Холмс.

Я напялил на себя жилет, фрак без фалд и детскую кацавейку вместо моего изящного, нового пальто.

Холмс холодно посмотрел на меня и сказал:

— В этом костюме вам нельзя ехать на ужин.

Такое равнодушие к моему несчастью меня задело.

— Ну и вам, дорогой Холмс, тоже неудобно ехать в халате!

Холмс промолчал. Но, видимо, мое замечание кольнуло его.

— Почему вы через окно не позвали кого-нибудь? — спросил я, желая переменить тему разговора.

Холмс посмотрел на меня и сквозь зубы процедил:

— Холмс помогает полиции, но у нее помощи не ищет.

Я смутился. Я понял, что мой вопрос был некорректен. Я не учел безграничного самолюбия Холмса. Я понял, как сейчас, в этот торжественный день своего юбилея, он страдал.

Вдруг раздался звонок. Экономка взвизгнула и кинулась на кухню. Мы посмотрели друг на друга.

— Я пойду открою, — нерешительно сказал я. — У меня с собой револьвер!

— Я сам открою, — холодно сказал Холмс.

— Но, Бога ради!.. Впрочем, это, вероятно, депутация?

— Нет, еще рано. Они приедут в одиннадцатом часу, а сейчас без десяти минут десять.

Холмс взял противогазовую маску, одел ее на лицо, а мне приказал быть наготове. Мы отправились к двери. Впереди стоял Холмс, а я за ним, положив к нему на плечо мой револьвер.

— Кто там? — спросил Холмс, не отворяя дверей.

— Из телеграфа... Дешечи, — услышался ответ. Мы переглянулись. Мой револьвер дрогнул на его плече.

— Самообладание, — презрительно бросил мне мой друг и вдруг широко распахнул дверь. Перед нами стоял почтальон с пачкой телеграмм и каким то узлом в руках. Увидев перед собой, вместо человеческого лица, противогазовую маску, он дико вскрикнул и собрался было катиться вниз по лестнице, но Холмс сбросил маску и успокоил его.

— Фу! как я напугался! — тяжело дыша, произнес почтальон. — Разве можно так пугать людей? — уже сердито стал он ворчать. — Вот, примите... Для вас куча депеш... Да еще у ворот кто-то сунул этот узел. Просил вам занести.

Холмс забрал депеши, а до узла не прикоснулся.

— Положите узел на площадку, — сказал он.

Почтальон с недоумением положил узел на каменный пол и, пожимая плечами, стал спускаться с лестницы, оглядываясь на нас.

Мы забрали депеши и смотрели на узел, лежащий у наших ног. По лицу Холмса я видел, какая гигантская работа происходила в его гениальном мозгу.

— Принеси, Ватсон, мою складную удочку, — сказал он наконец.

Я принес из кабинета складное удилище.

— Теперь мы отойдем от узла. Пойдем за дверь, — сказал Холмс. Мы отошли. Дверь совсем не закрыли — оставили щель. Холмс просунул в щель удилище и стал давить узел, постепенно усиливая давление. Жадными глазами наблюдал я узел. Признаться: я ждал взрыва. Но узел ворочался с боку на бок и только!

— Там что-то мягкое, — сказал Холмс. — Адской машины нет! Разверни узел, Ватсон.

Признаюсь, я бы предпочел, чтобы Холмс сам это проделал, но самолюбие заставило меня повиноваться. Присев на корточки, дрожащими руками я с трудом развязал узел и... там оказались два фрака, две жилетки, пара панталон и два пальто. Была и записка на имя Холмса... Опять поздравление от воров и любезное предложение ему и мне воспользоваться костюмами. Прибавлено было, что костюмы выкрадены из гардероба лорда Стуккея и что, конечно, лорд может признать на Холмсе свои костюмы, но что же

делать? Других костюмов они предложить не могут: фрак и панталоны Холмса они решили поместить в музей, открытый при лондонском воровском клубе. Следовали подписи.

На этот раз я увидел ясно, как по лицу Холмса пробежала какая-то судорога. Мой друг терял свое хладнокровие.

— Негодяи, — процедил он сквозь зубы.

— Однако, надо торопиться! — сказал я. — Придется одеться в костюмы уважаемого лорда Стуккея!

Холмс ничего не ответил и, сбросив халат, стал натягивать на себя панталоны лорда Стуккея... Я тоже... Через несколько минут мы были готовы. В костюмах лорда Стуккея нам обоим было тесновато.

6

Был уже одиннадцатый час... Депутация опоздала. Холмс ходил по комнате большими шагами — явный признак душевного волнения, которое он старался скрыть. Я хорошо изучил натуру моего друга.

— Это им так не пройдет, — наконец сказал он... — Подай депеши, Ватсон.

Я подал пучок депеш.

Но, о ужас! Все депеши были от лондонских воров... От Буравчика, от Стального Дома, Незевая, Пистолета, Выгребая, Экспресса — словом, от всех, от всех членов воровского клуба.

Все они посылали свои сердечнейшие поздравления и пожелания дальнейшей «совместной работы».

Холмс был бледен, как полотно. Мне было страшно смотреть на него.

Вдруг звонок. Холмс решительно отправился к двери. Я схватил его за рукав.

— Бога ради!.. Дорогой Шерлок!.. Возьмите маску, — лепетал я.

— Оставьте меня, Ватсон!.. Мне все равно.

И он остановился у дверей. Я стоял за ним с револьвером в руках.

Холмс спросил:

— Кто там?

— Отворите, дорогой Холмс, — раздался знакомый нам голос Чарльза Скотта, одного из полицейских агентов Лондона, — того Скотта, которого Холмс выделял среди бездарных его товарищей. С ним он работал всегда с особым удовольствием. Тот благоговел перед Холмсом и гордился своей близостью к нему, считая себя его учеником. Холмс, однако, не торопился открывать дверь. Он сказал:

— Если вы действительно Скотт, то скажите, что у меня в нижнем правом жилетном кармане?

— Зубочистка!.. зубочистка! из слоновой кости, в серебряной оправе! — раздался радостный голос из-за двери.

«Зубочистка» — это был условный пароль Холмса. Этот пароль знали только я да Скотт.

Холмс открыл дверь и в прихожую ворвался Скотт.

— Бога ради!.. Маэстро!.. Почему вы отказались ехать на торжество?

— Я?.. отказался?.. — не без удивления переспросил Холмс. — Я уже с полчаса жду обещанной депутации. И, признаюсь, ожидание это мне несколько наскучило!

— А ваша телефонограмма?

— Какая телефонограмма?

— Да вот, что вы послали четверть часа тому назад? Это знаете... такая неприятность! Министр вас ждет... Все готово... А вы вдруг отказываетесь!.. Я приехал, чтобы вас уговорить и немедленно вас привезти...

Мы переглянулись с Холмсом.

— Это... недоразумение, — сказал Холмс. — Я никакой телефонограммы не посылал... У... меня... даже... телефон почему-то не действует сегодня.

— Ах, как я рад. Как рад!.. Так скорее! скорее! — засуетился Скотт.

Мы стали надевать пальто. Еле влезли.

Потом мы поспешно стали спускаться с лестницы. Скотт на ходу рассказывал нам, какая с ним приключилась беда. На пути испортился его автомобиль. Шофер почему-то потерял сознание. Пришлось по дороге взять наемный автомобиль.

У подъезда какая-то толпа радостно приветствовала Холмса. Он холодно раскланялся... В толпе хохотали... Я почувствовал, что дело неладно. В толпе я узнал несколько знакомых лиц. Как будто здесь торчал и трамвайный франт.

Стиснув в руке револьвер, я поспешно юркнул за Холмсом в автомобиль и из предосторожности задернул занавеску. Автомобиль помчался, сопровождаемый какими-то нелыбыми криками.

Холмс был холодно-мрачен. Ни один мускул не дрожал на его лице. Скотт суетился и заметно волновался. Очевидно, и он сознавал, что творится что-то странное... Чтобы рассеять неприятное молчание, он стал рассказывать о предстоящем торжестве. Холмс молчал. Скотт говорил, что он счастлив, бесконечно счастлив, потому что ему, простому смертному, выпала высокая честь везти великого человека... Потом... Он стал говорить все медленнее... медленнее... Вдруг чихнул... Раз... Два... склонил свою голову ко мне на плечо (мы сидели с ним рядом на передней скамейке — Холмс один на задней) и уснул. Я хотел было разбудить его, но почувствовал, что и со мной творится что-то странное... Голова переставала работать... Обессиленный, я откинулся назад. Как сквозь сон я услышал сдавленный крик Холмса: «Откройте окно! окно!.. Нас усыпили»... И больше я ничего не помню.

7

...Я очнулся в большой освещенной зале. Около меня суетился какой-то субъект в маске, почему-то напомнимший мне трамвайного франта. Он старался привести меня в чувство. Давал что-то нюхать... На голове у меня был

компресс. Около меня сидел бледный Холмс... С другой стороны какие-то два оборванца, тоже в масках, поливали голову несчастного Скотта, который, однако, не подавал признаков жизни.



Наконец, очнулся и он. Мы удивленно смотрели друг на друга, смотрели вокруг... Зала была декорирована зеленью, цветами и национальными флагами. На возвышении стоял стол, покрытый красным сукном. Около стола, окруженный лавровыми деревьями, был поставлен бюст Холмса. За столом сидело несколько человек. Все в масках. В зале было много народу в самых разнообразных костюмах: были кавалеры во фраках, дамы в ослепительных костюмах, — были оборванцы в лохмотьях. Были красавцы и красавицы, были такие неприличные хари, что у меня мороз стал подирать по коже...

— Ну что, они готовы? — спросил какой-то джентльмен, сидевший по середине стола (очевидно, председатель).

— Готовы, — отвечал субъект, суетившийся около меня.

— Посадите уважаемых гостей на отведенные им места!.. Маэстро — на это кресло! — сказал председатель.

Мы усадились на указанные места.

— Объявляю торжественное заседание лондонского воровского клуба открытым, — сказал председатель. — Займите свои места.

Он встал и произнес следующую речь:

— Прекрасные дамы и уважаемые кавалеры! Сегодняшнее заседание нашего клуба посвящено чествованию величайшего в мире детектива — известного вам всем Шерлока Холмса. Вот он сам среди нас. Я предлагаю собранию поблагодарить юбиляра за его любезность, оказанную нам его посещением.

Раздались оглушительные рукоплескания. Поднялся крик и хохот.

Холмс был недвижим, как мраморное изваяние.

Председатель позвонил в колокольчик и шум стих.

— Прежде всего, уважаемый Холмс! — продолжал председатель, — позвольте высказать вам наше общее пожелание, чтобы вы в нашем обществе чувствовали себя легко и непринужденно. Вы поступили благоразумно, что предпочли нашу теплую компанию казенному холодному празднику в обществе бездарных полицейских ищеек, которые вас никогда не любили, вам всегда завидовали. Мы же — искренние поклонники вашего исключительного таланта... С вами работать нам было и лестно, и приятно. Вы многому научили нас. За это мы вам благодарны в высокой степени. Позвольте представить вам наш президиум. Я — Джон Джемсон, по прозвищу «Стальной Лом» — председатель воровского клуба. Моя специальность — громила. Несгораемые ящики, американские и французские замки... — Он вежливо поклонился Холмсу... — Товарищ председателя, — и Стальной Лом грациозным жестом указал на какого-то мрачного бродягу, сидевшего около. — Имени его точно не знаю, а прозвище — «Пистолет», беглый каторжник. Солидный человек, с хорошим стажем, и вам, как кажется, известен... по делу... по делу... По какому, бишь, делу ты известен Холмсу? — спросил он Пистолета.

— По делу о фиолетовом брильянте... Потом еще трагедия в Ливерпульском экспрессе, — важно прохрипел Пистолет.

Я вздрогнул. Это были мрачные, кровавые дела.

Холмс был неподвижен.

... — Секретарь клуба... Вилльям Смоккинг. По прозвищу: «Не зевай». Это юноша, как вы видите, из высшего света. Его специальность такая интимная, что я предпочитаю об ней умолчать.

Секретарь поднялся, сделал изящный полупоклон в сторону Холмса и сел на место.

... — Члены президиума: ... «Воробей»... «Тюльпан»... «Чертик»...

Все они вставали и отвешивали поклоны Холмсу.

... — Теперь, господа! — торжественно произнес председатель. — Я предоставляю слово нашему уважаемому товарищу «Выгребай», который сообщит вам биографию юбиляра.

Выступил «Выгребай» и прочел по бумаге краткий очерк жизни Холмса. Очерк был составлен объективно и дельно. Я услышал упоминание и моего имени.

Выгребай окончил, поклонился Холмсу и отошел в сторону.

... — Слово предоставляю «Воробью», — сказал председатель. — Он сообщит нам статистические данные, хранящиеся в нашем архиве в двух шкафах, носящих название: «Холмс № 1» и «Холмс № 2». Должен сказать вам, как представителю королевской полиции, — обратился он к Скотту, что уважаемый юбиляр в нашем архиве занимает места более, чем сыскная полиция всего Соединенного Королевства.

Скотт сконфуженно крикнул.

Вышел Воробей. Он имел вид настоящего ученого, в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в очках, одетых на маску... Тусклым, монотонным голосом он стал приводить цифры, одни цифры дел, раскрытых Холмсом, дел нерешенных им, цифры лиц, попавших из-за Холмса в тюрьму, на срочное заключение, на каторгу, на виселицу...

В зале сделалось тихо. Я слышал явственно, как колотилось мое сердце. Тук... Тук... Холмс был бледен.

Когда Воробей насчитал, как сейчас помню, 83 повешенных, он сделал паузу...

Председатель встал и сказал: «Прошу всех присутствующих почтить память погибших вставанием»... Все поднялись...

— Уважаемые гости, — обратился к нам Стальной Лом, — будьте любезны, встаньте и вы.

Мы поднялись.

Секунду все постояли молча. Председатель дал знак, и все опустились на места.

Воробей продолжал свою статистику. Он сравнивал на цифрах работу официальной полиции и Холмса. Сравнение было уничтожающее для полиции Лондона... Я помню, что по данным Воробья, в 1889 году один Холмс открыл удачно 545 дел, а лондонская полиция, в составе более тысячи агентов, раскрыла лишь 31 дело... В зале раздалась смехи. Скотт усиленно пыхтел.

Воробей закончил свой доклад сопоставлением цифр дел, открытых разными «мировыми сыщиками», «чемпионами сыска». Оказалось, что Холмс раскрыл около 12000 дел, Нат Пинкертон — около 5000, Картер — 2000... Следовали имена французских, итальянских, испанских детективов. На последнем месте стоял русский сыщик Путилин. За ним значилось 9 открытых дел... Зал огласился хохотом, рукоплесканиями, криками: «Да здравствует Холмс! Чемпион сыска!.. Король детективов!..»

У меня отлегло от сердца... Я искоса посмотрел на Холмса. Легкая краска показалась на его лице... Он тихо поднялся и сделал неопределенный поклон в пространство.

Зала пришла в неистовый восторг... Все ревели от восторга. Председатель дал зале выразить свой бурный восторг и позвонил.

— Слово предоставляется нашему историографу — товарищу «Отмычке», — возгласил он.

Вышел Отмычка, толстенький, кругленький субъект, и в пространной речи стал излагать историю замечательнейших преступлений, открытых Холмсом... Должен сказать, что речь его направлена была, главным образом, против меня. Ведь, я был, так сказать, «официальным историком» Холмса. Оратор указал, что основная точка зрения моя неправильна, что я стою на устаревшей «идеалистической точке зрения» и совсем не учитываю новых идей «исторического материализма». Это было справедливо. Не умаляя достоинств Холмса, оратор ловко провел идею о значении масс, говорил, по-моему, слишком много о «классовом самосознании». Закончил он свой доклад перечнем фактических ошибок, которые я допустил в своих очерках, слишком субъективно представив деятельность Холмса. Признаюсь, мне было немного неловко. Я вспомнил, что и Холмс неоднократно удерживал меня от излишней идеализации.

Отмычка кончил и отошел с поклоном в сторону. Председатель предоставил слово «Маркизу».

— Господа, — сказал он. — Это будет заключительное слово! Оно будет посвящено выяснению той роли, какую в истории и развитии воровства сыграл Холмс. Товарищ наш Маркиз, как вы знаете, отлично окончил курс в Оксфордском университете. Он — юрист по образованию и только обстоятельства жизни заставили его переменить профессию, хотя он и не прервал еще связей с тем обществом, из недр коего вышел. Прошу внимательно вслушаться в его речь!

Маркиз заговорил. Голос его показался мне страшно знакомым. Я заметил, что и Холмс словно насторожился.

Маркиз говорил красиво и очень толково. Он говорил о том, что Холмс первый воспользовался в деле сыска индуктивным методом. Честь применения и развития этого

метода принадлежит ему. Он первый поставил дело сыска на научную почву. Но этим самым он содействовал тому, что поднял интеллектуальное развитие воров. Изучая по-неволе его приемы, тонкие и научные, и они стали подводить научные обоснования своей работе. Раньше воры были примитивны, — теперь они — тонкие специалисты, которым приходится изучать и логику, и психологию, а также химию, физику, следить за своим умственным и физическим развитием, за быстрым ростом науки во всех ее областях. Всем этим мы обязаны гениальной деятельности уважаемого юбиляра, — говорил он. — И мы можем почтить его лучше всего тем, если существующие при нашем клубе «Высшие курсы воровства» украсим его знаменитым именем, — так закончил Маркиз свою речь, которую я передал вкратце.

Едва он произнес последние слова, зала огласилась восторженными криками.

Председатель позвонил и сказал:

— Согласно ли почтенное собрание с предложением Маркиза, которое им сделано с согласия президиума?

— Согласно! согласно! — раздались восторженные голоса.

— Баллотировать не надо?

— Нет! Нет! Протестов нет! — кричали все... — Единогласно!..

Председатель обратился к Холмсу:

— Я счастлив, — сказал он, — довести до вашего сведения, что в сегодняшнем торжественном заседании нашего клуба единогласно постановлено наши молодые курсы украсить вашим почтенным именем. Чтобы вы были уверены, что просветительное учреждение наше вполне солидное, я прошу секретаря сообщить вам некоторые сведения касательно жизни наших курсов.

Секретарь поднялся и сообщил, что курсы существуют уже пять лет, состоят из пяти отделений по специальностям: «воровство», «грабеж», «убийство» — курсы практического характера — и два курса «теоретические»: «воровская технология» и «воровская медицина». Каждое отде-

ление разделяется на секции. Читаются лекции и ведутся практические занятия. Цель курсов — создание кадра узких специалистов. Окончило курсы в текущем году 556 лиц. Из них мужского пола — 285, женского — 269, — неизвестного пола — 2 (в зале смех). По первому отделению (все виды воровства) — 234 (75% женщин), по второму (виды грабежа) — 119 (90% мужчин), по третьему (виды убийств) — 149 (60% женщин), по четвертому (технология) 58 (41% мужчин), по пятому (медицина) — 11 (90% женщин). «Женщины все по секции отравлений», — прибавил он.

Секретарь окончил. Председатель обратился к Холмсу с вопросом, не пожелает ли он услышать поздравления от окончивших в текущем году курсы. Холмс молчал.

— Молчание ваше принимаю за согласие, — галантно сказал председатель и дал знак. К нам подошла группа воровской молодежи с высшим образованием. Сказано было несколько приветственных речей. Поднесен был венок из бледных роз.

Потом председатель дал знак, и оркестр сыграл туш в честь юбиляра. Снова бешеные крики восторга. Холмс опять поднялся и поклонился в пространство.

Когда радостные крики замолкли, председатель торжественно сказал:

— Официальная часть нашего торжества закончена. Сейчас мы перейдем к развлечениям. Но прежде я считаю своим долгом, в знак уважения к юбиляру, поднести ему то, что для него является одной из самых драгоценных и необходимых вещей... Секретарь, передайте юбиляру этот предмет.

Секретарь подошел к Холмсу и протянул ему что-то. Я вытянул шею, сгорая от любопытства. Холмс взял поданную вещь в руки и... вздрогнул. Я увидел, что у него в руках была его собственная трубка, его любимая неизменная трубка, оставленная им на письменном столе, когда мы выходили со Скоттом.

Я понял, что в наше отсутствие воры опять залезли в комнату Холмса.

Председатель заметил волнение Холмса и сказал:

— Сначала мы хотели приобщить эту трубку к вашим вещам, которые украшают наш музей, комнату, вам посвященную. Там ваш фрак, ваши панталоны и пальто. Но потом, обсудив вопрос в президиуме, мы решили, что лишать вас трубки было бы жестоко. А потому не откажитесь принять ее обратно... Если желаете, можете курить... Секретарь, подайте табак уважаемому Холмсу.

Секретарь подал коробку с табаком. Холмс с недоверием покосился на табак и не решался взять.

Заметив это, председатель сказал:

— Уважаемый Холмс. Сегодня вы — наш гость, почетный гость. Поверьте, мы — джентльмены. Сегодня вы нас не опасайтесь. Завтра — мы враги, сегодня — друзья. И, поверьте, мы так ценим ваше любезное посещение, что не позволим себе ничего для вас неприятного или опасного. Законы гостеприимства священны и для воров.

Холмс набил трубку табаком и стал курить. Я инстинктивно полез в карман за портсигаром, забыв, что на мне чужие панталоны. Опустил руку в карман... и вытащил связку отмычек.

Председатель дал знак секретарю и тот подал мне и Скотту ящик с сигарами. В зале наступило оживление... Задымились папиросы, сигары, трубки. Раздался смех. Какая-то воровка громко взвизгнула — очевидно, ее щипнули.

Председатель позвонил и сказал:

— В последний раз «ура» в честь Холмса и его друзей!

— Уррра!! — заревела зала.

— Теперь, — продолжал председатель — мы перенесем Холмса на руках в наш кабаре. Прошу товарищей убийц и грабителей исполнить эту торжественную церемонию. Заседание объявляю закрытым!

К Холмсу подошли какие-то мрачные субъекты с ужасными рожами и подняли его на своих могучих плечах.

Процессия тронулась. Мы со Скоттом шли за Холмсом.

В кабаре мы с председателем уселись за отдельным столиком. Подано было шампанское... отличной марки... Пили за Холмса, за меня, за Скотта... Он сиял от удовольствия... Все кричали «ура». Потом что-то закусывали. Опять пили шампанское. Погреб воровского клуба был оборудован великолепно. Пили ликеры с кофе. В это время шло на эстраде представление кинематографа. Все картины были посвящены деятельности Холмса, и мы имели удовольствие видеть отрывки из самых замечательных наших подвигов. В одной сцене фигурировал и Скотт. Надо было видеть его блаженную физиономию. «Очаровательно!» — шептал он, глотая рюмку за рюмкой. Признаюсь, и мне делалось все веселее и веселее. В сущности, эти воры оказались преотличными ребятами. Надо им было отдать справедливость, — они прекрасно организовали наш праздник. Такое оживление и изысканная любезность в то же время! Даже Холмс, видимо, оживился. Легкая улыбка, не лишенная тени тщеславия, иногда скользила по его выразительным тонким губам. Первое отделение кончилось. Признаюсь, я был здорово навеселе и блаженно посматривал вокруг себя. Вдруг на экране появилась надпись: «Похищение экономки Шерлока Холмса» — «сильно комическая». И мы увидели хорошо знакомую мне квартиру Холмса, увидели, как там суетились какие-то неизвестные мне люди в масках около почтенной Алисы Кэмбридж, которая отбивалась от них кухонным полотенцем. Сцена была смешна до того, что я начал хохотать до слез. Кабаре грохотало от хохота. Вдруг я нечаянно взглянул на Холмса. Он широко открыл глаза и даже рот. Такая тревога была на его лице... Я сразу перестал хохотать и не спускал с него глаз. Признаюсь, это было нелегко. Глаза закрывались сами собой, а руки делали в воздухе какие-то непонятные и ненужные движения.

— Что... это... значит? — слегка запинаясь, спросил Холмс председателя.

Тот ласково наклонился к Холмсу и отчетливо (я помню, что он сказал именно очень отчетливо):

— Это значит, маэстро, что мы произвели полную выемку в вашем помещении! Вплоть до вашей экономки.

— Когда вы... это... успели сделать?.. — спросил Холмс.

— Часа два назад!

— А... теперь... который час? — заплетающимся языком спросил Холмс.

— Сейчас?.. Сейчас... второй час ночи! — сказал председатель, посмотрев на часы.

— Как же вы... успели все снять на фильм? и проявить? — спросил Холмс.

— Постарались, маэстро! Для вас! У нас имеются усовершенствованные аппараты, своя мастерская, — с улыбкой ответил председатель.

— Но что же вы... еще увезли?.. кроме экономки, — тревожно спросил Холмс.

— Все!.. Только шкаф дубовый остался! Даже туфли взяли!..

— А архив мой?

— И архив тоже изъяли!

Холмс приподнялся. На него было страшно смотреть.

— Мой архив? в ваших руках?..

— Весь, маэстро, весь! И лаборатория ваша! Все в музее!.. у нас... Можете убедиться!..

Холмс дышал тяжело. Пот выступил на его высоком энергичном лбу. Потом он вдруг опустился на стул и закрыл лицо обеими руками. Председатель сочувственно смотрел на великого человека. Вдруг Холмс отнял руки от лица. Его прекрасные глаза были полны слез. Я н и к о г д а не видал его таким!.. Я н и к о г д а не забуду этого лица! Хмель соскочил с меня. Я хотел подбежать к нему, поднялся со стула, но вдруг покачнулся и икнул на всю залу.

Председатель укоризненно посмотрел на меня и покачал головой. Я грузно опустился на стул.

— Вы... победили меня, — глухо сказал Холмс... И потом вдруг закричал на всю залу (я даже вздрогнул от неожиданности. Да, я помню ясно, что я вздрогнул):

— Эй вы! как вас там! черт вас возьми!.. Давайте бутылку виски.

— И содовой? — спросил председатель.

— К черту содовую! — заревел Холмс.

— Вот так-то лучше будет, — радостно сказал председатель, хлопнул в ладоши, и через минуту перед Холмсом стояли две бутылки виски.

Он стал пить. Боже мой! Как он пил! Я хотел дать ему дружеский совет воздержаться, но икнул опять на всю залу.

— Пей, Ватсон! Пей, старый друг! Мы... побеждены! — говорил Холмс, вливая в себя стакан за стаканом.

Я не осмелился спорить с ним и тоже стал глотать стакан за стаканом... Мы чокались с ним. Чокались с председателем... Еще с кем-то... Я помню смутно... будто Холмс пил с председателем на брудершафт. А может быть, это я пил... Помнится, Холмс обещал председателю прочесть на воровских курсах специальный курс об окурках. Случайно я посмотрел на Скотта... Но его за столом не оказалось. Я заглянул под стол... Он был там. Лежал на спине, блаженно улыбался и заплетающимся языком повторял: «о...ч-ча...ро...ва...тель...но!»». На сцене что-то пели, плясали. Потом помню, что председатель скомандовал: «Маски долой». Потом помню, что все плясали и на сцене, и в зале. Мне тоже хотелось плясать, но я не мог. Качали Холмса. Потом качали меня... После чего мне сделалось совсем нехорошо... Больше ничего не помню...

10

...Я очнулся у себя в комнате... На голове был компресс... Около кровати на стуле сидела моя жена и скорбно смотрела на меня. Я приподнялся и сначала ничего понять не мог. Потом я вспомнил все и стал подыматься...

— Лежи! Лежи! — сказала мне жена. Укоризной зазвучала ее речь. Так говорят с опасно-больным. И вдруг

мысль о Холмсе пронизала мой мозг.
— Где Холмс? — быстро спросил я.



— Где же ему быть?.. Вероятно, дома... — недовольно ответила жена и потом, не будучи в состоянии сдержать себя, прибавила:

— Как ты неосторожен!.. Ты же — доктор! Сам понимаешь, как вредно так пить!

— Как я попал домой? — спросил я.

— Тебя привели... Вернее, п р и н е с л и какие-то незнакомые мне люди, — тихо ответила жена. — Признаюсь, мне было стыдно за тебя!

— Ах, Мери!.. Если бы ты знала!.. Какой ужас! Какой вчера произошел ужас! — воскликнул я. Вероятно, лицо мое выразило такое страдание, что добрая жена моя испугалась.

— Прими *cali bromati*... Я приготовила... Дай я переменно компресс... Ты нездоров... Не волнуйся... Лежи спокойно... —

— Ах, Мери, не надо *cali bromati*. Дай скорее стакан виски. Это необходимо. И скорее одеваться. Скорее! скорее!

Она покачала головой и сказала:

— Я не знаю, что с тобой вчера было. Но ты явился... вернее, тебя принесли в какой-то кацавейке, без шляпы, в

одном ботинке... Где ты был вчера? Ведь ты поехал к Холмсу?

Я вскочил на ноги и бессвязно стал рассказывать ей о случившемся... Она, по-видимому, плохо понимала меня. Но по мере моего рассказа лицо ее покрывалось бледностью. Глаза расширялись. Она даже ухватилась за спинку стула. Когда я кончил, она воскликнула :

— Боже мой! Я ничего не понимаю! Или ты рассказываешь мне свой кошмар или... действительно произошло что-то страшное! Поезжай к Холмсу. Я поеду с тобой. Знаешь... что? Позвони к нему по телефону!

Я подбежал к телефону. Позвонил. «Скорее: № 1667091... Что? Вы Холмс?.. А кто? Кто говорит? Что?.. Доктор Ватсон... Да-да... Ммм... Что такое? Следы преступления. Не понимаю. Ааа... Хорошо! Через полчаса? Хорошо». Я бросил трубку и в отчаянии упал в кресло.

— Что такое? Что тебе сказал Холмс? — дрожащим голосом заговорила жена с испугом глядя на меня.

— Ах. Мери!.. Холмса нет! Там хозяйничают они!

— Кто они?

— Да все эти негодяи! Они мне сказали, чтобы я не смел приезжать раньше, чем через полчаса! Они сказали, что «оставляют следы преступления»... Ничего не понимаю. Ключ от квартиры будет на лестнице, на подоконнике, — сказали они.

— Что это значит?

— Не понимаю...

11

Через полчаса я выбежал из своей квартиры. На улицах газетчики кричали: «Удивительное приключение. Пропал знаменитый детектив Шерлок Холмс. Предполагается преступление. Воры скрали сыщика. Исключительное событие. Сыскная полиция на ногах».

— Опоздал! — подумал я.

Но оказалось, что газеты раньше полиции узнали о случившемся. И, когда я входил в подъезд дома Холмса, туда же к подъезду подкатил автомобиль начальника полиции. Он вышел из автомобиля, сытый и довольный, пожал мне руку и с усмешкой сказал мне:

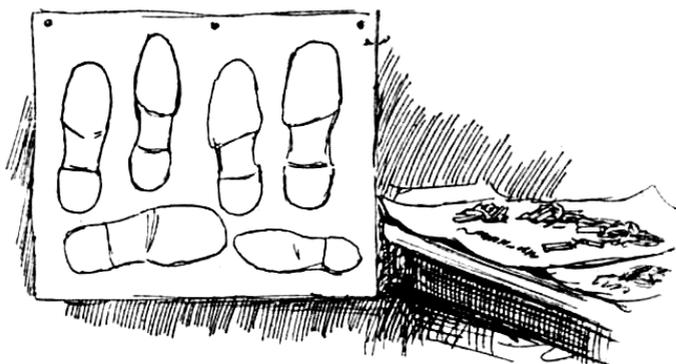
— Вот так история! Ну кто бы мог предполагать, что с нашим маэстро произойдет такой казус? Добро бы с нами, грешными.

Нескрываемое злорадство слышалось в его речи.

— Радуетса, скотина, — подумал я.

Несколько агентов следом за нами поднялись по лестнице. Без труда я отыскал ключ, открыл дверь и мы вошли.

Квартира была пуста. Один дубовый шкаф зиял открытыми дверцами.



На подоконнике в кабинете Холмса я нашел аккуратно разложенные кучки грязи — и около записку: «Это для анализа — грязь с наших сапогов». Рядом правильные кучки пепла от папирос и десяток окурков — и опять записка: «Пепел и окурки для установления табачных фирм». Тут же висел лист бумаги с аккуратно вычерченными размерами сапожных подошв, с запиской: «Снимки с наших подошв». На стене углом было написано: «Доктор Ватсон — осел».

Начальник полиции громко захохотал, и от хохота затрясся его живот.

— Мерзавцы! Они еще издеваются!.. Ну и доберусь я до них!

Повертевшись по квартире некоторое время, он сказал:

— Ну, кажется, здесь мне делать нечего. Заезжайте через час ко мне в бюро. Побеседуем. А пока посидите здесь. Сейчас явится следователь. Расскажите ему, что знаете, — и он ушел.

Я остался один. Трудно передать словами, какая безумная тоска овладела мною, когда я ходил один по пустым комнатам, когда я стоял в «бывшем» кабинете Холмса. Здесь стояло его любимое кресло. Здесь были полки с его книгами, с его архивом, — замечательным, единственным архивом!

«Это ужасно! Это ужасно!» — говорил я вслух, и голые стены какими-то невнятными отзвуками откликались на мои восклицания. Было жутко.

Явился следователь. Стал записывать мое длинное показание, причем несколько раз, ухмыляясь, поглядывал на меня и даже пожимал плечами.

— Может быть, проспится и явится. Вот, как вы, — наконец сказал он с усмешкой. Я чуть не наговорил ему дерзостей. Кажется, он весь мой рассказ принял за бред пьяного человека.

Через час я был у начальника бюро. Сперва и он позволил себе шутливо отнестись к моему рассказу, но я сумел убедить его, что дело серьезное. Мой рассказ о «воровском клубе» в Лондоне, о «воровских курсах» озадачил его.

— Быть не может! У меня в Лондоне? Воровской клуб? Воровские курсы? Черт возьми! этим стоит заняться, — сказал он.

Через два часа я был дома и уже все толково рассказал жене. Я терял голову. Не знал, что делать... Вдруг я вспомнил о талантливом помощнике Холмса — маленьком Джеке, который с толпой товарищей не раз оказывал услуги моему другу. Может быть, он знает что-нибудь. Его лукавую мордашку я как будто видел в толпе, стоявшей около автомобиля, когда мы садились в него. Я позвонил по телефону к тому лавочнику, через которого мы всегда вызывали

Джека.

Через час мальчишка был у меня. Я его не сразу узнал. Взъерошенный и бледный, он был неузнаваем. Я сразу набросился на него с расспросами. Он сначала упорно молчал, а потом вдруг решительно сказал:

— Знаете, уважаемый доктор Ватсон. Я больше в это дело вмешиваться не стану. И на ваши вопросы отвечать не желаю.

— Что это значит? — воскликнул я.

— А то значит, что когда вы уселись в автомобиль, я сзади уцепился.

— Ну?

— Что, ну?.. Меня заметили, отцепили, отвели в какой-то подвал, да так выдрали, что я всю жизнь помнить буду.

— Тебя выдрали?

— Так, как и отец родной меня никогда не драл! Вот как. Драли, да приговаривали: «Тебе, щенок, в школе учиться надо, а ты по улицам шляешься! Слежкой занимаешься!.. Учись! Учись! Учись!» Вот как выпороли!.. А теперь прощайте, доктор. Мне некогда!.. Надо уроки готовить.

И он ушел, нахлобучив картуз.

Я развел руками.

Прошел день. Прошел другой. Газеты трещали всякую ерунду. Мое участие в этой истории сделалось общеизвестным, и мне отбоя не было от интервьюеров. В конце концов они почему-то знали больше, чем я им рассказывал. Например, меня допрашивали: «Правда ли, что в ваших брюках вы нашли карточку с надписью: “Доктор Ватсон — осел”?» Этого я никому не говорил. Откуда они это узнали?

Мне сделалось известным (все от этих всеведущих газетчиков), что министр полиции делал доклад королю о пропаже Холмса. Но так как его величество в момент доклада был рассеян, то на докладе написал резолюцию: «Прочел с удовольствием». Министр полиции осмелился повторить свой доклад, и тогда его величество, вникнув в дело, над словом «с удовольствием» надписал «не» и волнистой линией соединил «не» с «удовольствием». В вечерних газетах было сообщено, что король выразил не-удовольствие по поводу исчезновения Холмса!

Через несколько дней пропал величайший бриллиант из короны короля. Потом исчезло драгоценное кольцо королевы. Обнаружены были дерзкие кражи со взломами в нескольких банках. Лондон всполошился. Полиция потеряла голову. Без Холмса она была беспомощна. Министр полиции пригласил начальника бюро и так намылил ему голову, что тот вызвал меня и стал советоваться, что ему делать. Я не знал, что ему сказать.

— Не вызвать ли из Америки Ната Пинкертон и Ника Картера, а из Парижа Арсена Люпена? — спросил он.

Я пожал плечами. Мне было больно за Холмса. Приглашать из заграницы второстепенных детективов, чтобы спасти его, великого Холмса! Сама мысль об этом была оскорбительной для меня! Но, пожалуй, это было единственное средство спасти Холмса. На лондонскую полицию я не надеялся!

— Вызовите, — сказал я со вздохом.

Я забыл сказать, что Скотт заболел белой горячкой и бушевал в больнице, упорно гонял чертей с докторских носов и просил свезти его обратно в «воровской клуб».

Через две недели я имел «удовольствие» беседовать с тремя мировыми детективами, которые заседали у начальника бюро в его кабинете. Я подробно (в сотый раз) повторил всю историю. Нат Пинкертон слушал внимательно, задавал вопросы. Он показался мне самым дельным из трех. Картер был просто болван. От него несло спиртом так, что сидеть с ним рядом было неприятно. Он совсем не слушал меня и только рассматривал свои огромные кулаки, покрыв-

тые рыжей шерстью. Люпен спросил только, были ли хорошенькие между воровками и каковы были туалеты.



Выслушав мой пространный доклад и мнение начальника полиции, Пинкертон деловито спросил: зачем его, собственно, вызвали — искать Холмса или драгоценности, похищенные ворами? Картер попросил стакан грогу, а Люпен зевнул и небрежно сказал, что во всем этом деле он не видит для себя ничего интересного, так как, по-видимому, в настоящем деле не замешаны женщины, а он интересуется исключительно «дамскими» делами.

Начальник полиции торопливо ответил Пинкертону, что просит его заняться обоими делами. Пинкертон ответил сухо, что это его «не устраивает», так как раздвоит его внимание, и потому он предпочитает заняться только отысканием драгоценностей. И тут же с американской беззастенчивостью стал торговаться о премии.

Я попытался отстоять интересы моего друга, стал говорить об «идейном интересе» дела, вытащил из портфеля

кусочки грязи и пепла, все окурки и снимки с подошв (все «следы преступления», оставленные ворами в квартире Холмса).

Пинкертон усмехнулся и сказал, что вся эта д р я н ь (он так и сказал: д р я н ь; это его собственные слова!) его не интересует, что у него «другие приемы», «другая школа». Я мысленно выругал его «дубиной» и тщательно завернул в бумажку все «следы преступления».

Начальник полиции поспешно прервал меня и сказал Пинкертону:

— Коллега! Конечно, вы правы! Ну, займитесь сначала бриллиантами. Холмс подождет. Ведь если он жив (а я убежден, что он здоровствует), то, конечно, и останется жив, а бриллианты могут заплыть так далеко! Значит, я могу доложить г. министру, что вы согласны заняться бриллиантами?

Пинкертон сухо поклонился.

На следующий день по телефону я был вызван к Картеру. Он был болен. Голова была перевязана. Физиономия с правой стороны опухла страшно и глаза не было видно. Огромный синяк красовался вместо глаза.

— Видите, доктор... Я немного занемог! — прохрипел он. — Подлечите меня, чтобы я через два дня мог уехать в Америку!.

— Что с вами?

— Пустяки!.. Вчера зашел в бар. Немного перехватил! Вышло недоразумение с одним субъектом. Ну, я его боксировал. Самое замечательное, что сегодня получил неизвестно от кого письмо с предложением немедленно уезжать в Америку. А в письме чек на весьма внушительную сумму и билет на пароход. Это меня устраивает!.

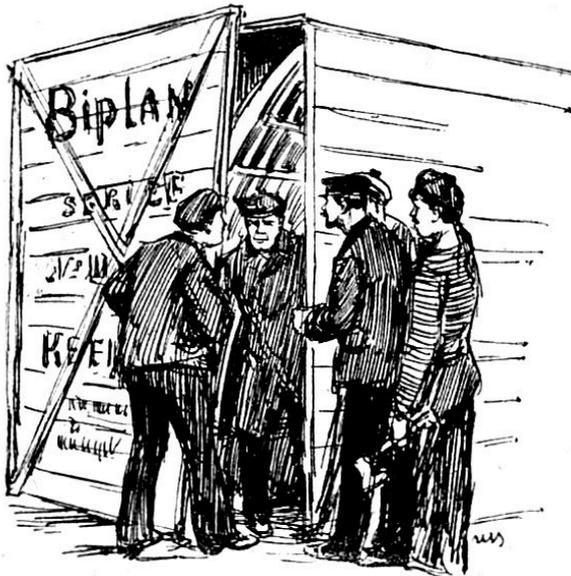
Я прописал ему примочку и посоветовал воздержаться от посещений бара.

Люпен тоже уехал очень скоро. Рассказывали, что и он получил чек.

Нат Пинкертон повертелся около недели в Лондоне и тоже скоропалительно отправился восвояси, заявив, что телеграммой вызван в Америку «по экстренному делу».

13

Прошло еще с неделю времени. Как-то утром мне подали письмо. Я узнал руку Холмса. Письмо было из Норвегии, из Бергена. Друг мой писал с парохода «Морской лев», который отплыл из Англии в полярную экспедицию.



Из письма я узнал, что Холмс пришел в себя в ящике с аэропланом, который был погружен на пароход для нужд полярной экспедиции. Придя в себя, он стал стучать. Стуки его привлекли внимание команды. Он был извлечен из

ящика. Он решил принять участие в экспедиции, цели которой его очень заинтересовали. Кроме того, он серьезно стал изучать рациональную постановку рыбных промыслов. Возможно, что этим он и займется.

Тяжело было читать это письмо! Бедный Холмс! Бедный «король детективов»! Мир лишился тебя!

Валентин Катаев

Из романа

«ПОВЕЛИТЕЛЬ ЖЕЛЕЗА»

Племянник Шерлока Холмса

Кто из читателей не слышал имени великого английского сыщика Шерлока Холмса?

Я не сомневаюсь, что его слышали многие.

Это имя известно всем, хоть немного знакомым с английской литературой по увлекательным произведениям Конан-Дойля.

Многие из читателей держатся совершенно лишнего оснований мнения, что Шерлок Холмс на самом деле не существовал и что эта поистине непревзойденная фигура великого криминалиста ни более ни менее, как фантазия маститого писателя.

Спешу разуверить.

Шерлок Холмс действительно жил в Лондоне на Бейкер-стрит и действительно совершал чудеса сыска.

Доказательством может служить мой роман, в котором с этой же главы начинает действовать знаменитый сыщик Стэнли Холмс — племянник великого Шерлока.

Но прежде чем ввести в роман эту интересную во всех отношениях фигуру, я хочу познакомить читателя с обстоятельствами, сопровождавшими появление на свет Стэнли Холмса.

Положительный читатель готов мне задать весьма разумный вопрос: как у Шерлока Холмса мог быть племянник, когда его единственный брат Майкрофт Холмс был застарелым женоненавистником и одним из ревностных членов клуба холостяков? Постараюсь ответить на этот вопрос как можно подробнее.

В один прекрасный вечер, когда Шерлок Холмс сидел в своей холостой квартире на Бейкер-стрит и рылся в архиве, отыскивая интересующую его заметку, раздался пронзительный звонок.

— По резкости звонка можно судить, что у дверей стоит какой-то в высшей степени взволнованный джентльмен, — предположил Холмс, пока экономка, почтенная мисс Гудзон, открывала дверь.

Раздались тяжелые, поспешные шаги, и в комнату ввалился брат Шерлока, Майкрофт Холмс. Он, не здороваясь, повалился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами, Майкрофт? Говорите, прошу вас. Я вижу, что с вами случилось какое-то большое несчастье, — спросил Холмс, — я предполагаю, что только какое-то очень важное событие могло привести вас ко мне в столь поздний час.

Майкрофт тихо застонал с такой неподдельной тоской, что даже выдавший виды Шерлок Холмс побледнел:

— Говорите же, говорите! — повторил он.

Майкрофт тяжело соскочил с кресла и, задыхаясь, забегал по кабинету.

— Это... это... ужасно... — забормотал он, — я не перенесу этого.

Шерлок не более минуты смотрел на своего брата.

Потом он улыбнулся краем губ и сказал:

— Садитесь, Майкрофт, и постарайтесь успокоиться. Ваше несчастье не так ужасно. Ребенка можно будет отдать в приют или какой-нибудь почтенной женщине на воспитание.

— Откуда вы знаете, что мне подкинули ребенка?! — закричал Майкрофт Холме, краснея до корней волос. — О Шерлок, вы видите мои мысли, как у себя на ладони. Как вы это узнали?

— Как я узнал? Да очень просто. Путем логических выводов, которые привели меня к этому, как выяснилось, довольно разумному умозаключению. Я превосходно знаю ваш уравновешенный характер и ваши привычки. Я знаю, что вы не покинете вашей квартиры, даже если бы государству грозила гибель. За всю свою жизнь вы только один раз пожаловали меня своим посещением. Если не ошибаюсь, это посещение было вызвано исчезновением чертежей Брюс-Партингтонз; несмотря на огромную государственную важность этого дела, вы были внешне совершенно спокойны. Из этого следует вполне естественный вывод, что ваше посещение и ваш расстроенный вид вызваны каким-то личным несчастьем. Я великолепно знаю, что если бы вашей

жизни угрожала опасность, вы не были бы так расстроены, как сейчас. Следовательно, это предположение естественно отпало. Дальше. Зная ваш характер, я остановился на том, что ваш расстроенный вид вызван только опасением, что какое-то чисто внешнее событие может вывести вас из привычной жизненной колеи. Сопоставляя этот вывод со свежим пятном на ваших полосатых брюках, я пришел к заключению, что вы держали на коленях младенца, который угрожает вашему спокойствию, холостяцкому укладу жизни. Чужой младенец не мог бы вас так сильно расстроить. Следовательно, этот младенец ваш. Теперь расскажите, как вас утраздило довести это дело до такого позорного конца и как эта блондинка, которую по-видимому, зовут Мэри, смогла околдовать такого солидного и положительного джентльмена, как вы?

— О Шерлок, Шерлок! — простонал толстый Майкрофт, — вы видите меня насквозь. Откуда вы знаете, что она блондинка и что зовут ее Мэри?

— Кольцо с инициалом «М», которое я заметил у вас при последнем нашем свидании в клубе, и золотистый женский волос на вашем пиджаке говорят сами за себя, любезнейший Майкрофт.

После этого расстроенный Майкрофт рассказал Шерлоку Холмсу все.

Она была официанткой в клубе и в последнее время угрожала подкинуть ребенка. Он относился к этому скептически и надеялся, что все уладится само собой, пока наконец (о Боже мой!) сегодня, выходя из квартиры, он не наткнулся на подкинутого младенца...

Одним словом, после зрелого обсуждения этого происшествия братья решили, что отдавать ребенка в приют безнравственно и что Майкрофт, как честный человек, должен ребенка усыновить.

Так оно и произошло.

Младенец принял славную фамилию Холмса и был наречен в честь дедушки Стэнли.

Описанное выше событие произошло в 1899 году.

Исполнив свой долг перед читателями, я перейду к дальнейшему развитию романа.

Стэнли Холмсу было тридцать лет. Он был высок, сухощав и очень силен. Его большой, выпуклый лоб мыслителя, зачесанные назад волнистые волосы, горбатый нос, вечная трубка во рту и умение играть на скрипке – все это делало его сходство с покойным дядюшкой почти разительным.

Отдав себя с самого детства сыску, Стэнли Холмс пошел по стопам великого дяди, по смерти которого он поселился в знаменитой квартире на Бейкер-стрит.

Сидя в своем уютном кабинете с вечной трубкой в зубах, Стэнли Холмс был погружен в размышление.

— Традиции моего великого дяди, — думал знаменитый сыщик, — исполняются мною в точности. Я никогда не берусь за мелкие неинтересные дела. Я жду большого интересного дела, такого дела, которое дало бы мне возможность прогреметь. Но, как это ни странно, с самого начала моей деятельности я еще не имел ни одного такого дела, которое было бы достойно меня, носящего славную фамилию Холмса. Но я не теряю надежды. Я уверен, что рано или поздно мой час пробьет...

Размышления знаменитого криминалиста были прерваны резким телефонным звонком.

— Алло! У телефона Стэнли Холмс. Кто говорит? Что? Министр колоний? Очень, очень приятно. Ага... Да... да... сейчас еду!

Стэнли Холмс положил трубку и позвонил лакею.

— Пальто и шляпу, — сказал он, — я приеду через час. За это время, Джон, вы приготовьте мой чемодан для продолжительного путешествия.

С этими словами Стэнли Холмс вышел из дому.

КОММЕНТАРИИ

Предлагаемая читателю антология расширяет и дополняет выпущенные нами ранее в серии «Новая шерлокиана» издательства Salamandra P.V.V. публикации русской дореволюционной шерлокианы. В число их входят книги *Шерлок Холмс и дело «Огонька»* (2013), *Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России* (2011) и *Похождения Шерлока Холмса в Сибири* (2014) П. Орловца — полностью включившие всю сохранившуюся шерлокиану писателя — а также двухтомник *Загробный гость и Черный ворон* (2014), представивший ряд шерлокианских пастিশей П. Никитина.

Хотя некоторые из собранных нами произведений переиздавались в тех или иных многотиражных популярных изданиях либо «шерлокианских» альманахах и сборниках — например, в двухтомнике *Приключения Великого Детектива Шерлока Холмса* (Екатеринбург, 1992) и серии составленных и изданных А. А. Лапудевым альманахов *Мистер Шерлок Холмс* (М., 2003-2014), ранее не предпринималось попыток объединить в одном издании русскую шерлокиану первой половины XX века. В этом смысле настоящая антология является беспрецедентной.

Издание не претендует на абсолютную полноту — имеются обрывочные сведения о других произведениях, не сохранившихся в крупнейших библиотеках России. Тем не менее, в антологии представлены все наиболее заметные и выявленные на сегодняшний день произведения русской дореволюционной и советской предвоенной шерлокианы.

Вне рамок антологии остались театральные пьесы. Мы также не видели смысла включать в издание пастিশи П. Орловца и П. Никитина, которые уже были переизданы нами и сегодня достаточно хорошо известны читателям. Однако в антологию вошел материал книги *Шерлок Холмс и дело «Огонька»*, а собственно «дело», представленное в ней фрагментарно, дано здесь в полном объеме.

Идея части 2-й, «По городам и весям», была в свое время подсаказана нам А. А. Лапудевым, составителем вышедшей в нашей серии книги *Агентство Пинкертон* (2015). Пользуясь случаем, издательство выразить глубокую благодарность А. А. Лапудеву за предоставленные для антологии материалы.

В текстах безоговорочно исправлены очевидные опечатки. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

На заглавных листах частей использованы иллюстрации С. Пейджета к произведениям А. Конан Дойля. В оформлении обложки использована афиша кинофильма *Шерлок Холмс* режиссера А. Паркера (1922).

А. Ш.

К. Н. В. Шерлок Холмс в России

Впервые: *Новое время* (иллюстрированное приложение). 1905. № 10367, 8 (21) января.

С. 53. ...*дог-карт* — от англ. *dog cart*, высокий двухколесный охотничий экипаж с местом для собак.

С. 56. ...*отель... отель, только не мой* — Здесь обыгрывается франц. *hôtel*, означающее также «особняк».

В. Рудин. Загадочное объявление

Впервые как отдельное изд.: В. П. Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком: (Из воспоминаний недавнего прошлого). СПб., 1907. Под авторским именем в сб.: В царстве тайны: Сборник новейших рассказов... Пер. Рудина. СПб, 1914, куда В. Рудин включил два собственных рассказа.

С. 67. ...«*толцйте и отверзится*» — церковнослав. пер. Мф. 7:7, Лк. 11:9, в синодальном пер.: «стучите, и отворят <вам>».

[Г. С.]. Нож танцовщицы

Впервые как: К.-Дойль. Нож танцовщицы: (The knife <sic!> of a dancing girl): Последние приключения Шерлока Холмса. Пер. с рукописи. СПб., 1908. Публикуется в новой ред.

С. 101. ...*Макс Нордау* — М. Нордау (1849-1923) — врач, писатель, социальный критик, деятель сионистского движения, автор широко известной в России кн. *Вырождение* (1892).

С. 125. *Verschwunden!... — Verdammt! Wie und wo?* — Исчез! Проклятье! Куда и как? (нем.).

С. Соломин. Конец Шерлока Холмса

Впервые: *Синий журнал*. 1911. № 26.

С. Я. Соломин (наст. фам. Стечкин, 1864-1913) — беллетрист, публицист, революционный деятель. Учился в Петровской земледельческой и лесной академии. Дважды (в конце 1880-х и в 1910-х гг.) был в ссылке, в 1905 г. сотрудничал с Г. Гапоном. С 1894 г. публиковал в различных газетах и журналах статьи, очерки и фельетоны, в 1907 г. издавал журнал *Пережитое*. Автор бытовых и любовных рассказов, двух НФ-повестей, фантастических и детективных рассказов.

Н. Михайлович. Три изумруда графини В.-Д.

Впервые как отдельное изд.: Михайлович Н. Три изумруда графини В.-Д.: (Из воспоминаний петербуржца о Шерлоке Холмсе). СПб., 1911.

С. 152. ...*недавно в одном из наших журналов начали появляться рассказы о деятельности Хольмса в Москве и других городах России* — Видимо, речь идет о серии рассказов о приключениях Шерлока Холмса в Москве, Одессе и Баку, напечатанных в журн. *Огонек* в марте-мае 1908 г. и связанных с шерлокианской мистификацией журнала (см. вступ. статью).

С. 167. ...*«je laisse Claire dans la famille de mon amie, et dans quelques jours...»* — «Я оставляю Клару в семье моего друга, и через несколько дней...» (фр.).

С. 206. *Mon Dieux!* — Бой мой! (фр.).

С. 209. ...*Арсен Люпен* — Ко времени написания повести кон-
фронтация или соперничество Шерлока Холмса с героями других
авантюрно-детективных романов или «выпусков» давно стала об-
щим местом. Еще в 1906-7 гг. создатель «вора-джентльмена» Ар-
сена Люпена М. Леблан (1864-1941) опубликовал в *Je sais tout*
ряд произведений о столкновении Люпена и Холмса: *Sherlock Hol-
mès arrive trop tard*, *La Dame blonde*, *La Lampe juive* (в связи с со-
ображениями авторских прав соперник Люпена был позднее пере-
именован в «Херлока Шолмса»). В России в 1908 г. вышла
«феерия-драма» «князя Мышкина» (И. И. Данского) *Победи-
тель Шерлока Холмса «Нат Пинкертон»*, *король сыщиков*.
Пьеса А. де Горссе и В. Дале *Arsène Lupin contre Herlock Sholmès*
была в 1909 г. дважды переведена на русский язык и в пер. М.
Шевлякова и С. Феодоровича поставлена Н. А. Горским (под
назв. *Арсен Люпен и Шерлок Хольмс*) в петербургском Екате-
ринском театре в начале января 1910 г. В том же году вышли
первые серии немецкого пятисерийного кинофильма В. Ларсена
Арсен Люпен против Шерлока Холмса. Наконец, в 1909 г. П. Ор-
ловец заставил Холмса состязаться с Натом Пинкертоном в кн.
*Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в
России*.

А. Бухов. Конец Шерлока Холмса

Рассказ написан в 1918 г. Публикуется по: *Антология сатиры
и юмора России XX века*. Т. 40 (М., 2000).

А. С. Бухов (1889-1937) — беллетрист, юморист, сатирик, фе-
льетонист, до революции сотрудник и известнейший автор журн.
Сатирикон и *Новый сатирикон*. С 1920 г. в эмиграции, издавал
и редактировал в Литве газ. *Эхо* (1920-1927). После возвращения
в СССР в 1927 г. публиковался в советских сатирических изданиях;
по собственным заявлениям на допросах, был осведомителем
ОГПУ-НКВД. В 1937 г. был арестован и расстрелян «за шпион-
скую деятельность». Реабилитирован в 1956 г.

В. Сиповский. Двадцатипятилетний юбилей Шерлока Холмса

Впервые: *Мир приключений*. 1924. № 1, за подписью В. С.

В. В. Сиповский (1872-1930) — видный литературовед, историк литературы, педагог, прозаик, автор исследований о Карамзине, Пушкине, русской прозе XVIII в., пролетарской поэзии. Как писатель опубликовал под псевд. В. Новодворский приключенческо-трагедийные романы *Путешествие Эраста Крутолобова в Москву и Петербург в 30-х годах XIX столетия* (1929) и *Коронка в пиках до вала: Тайна одной промышленной компании* (1930).

С. 253. ...*cali bromati* — т. е. бромистый кали, седативное средство.

В. Катаев. Из романа «Повелитель железа»

Роман советского классика В. П. Катаева (1897-1986) *Повелитель железа* печатался в 1924 г. в харьковском журн. *Пламя* и в 1925 г. в извлечениях в московском *Экране* (под псевд. Г. Такаев и загл. *Шива-разрушитель: Фантастическая повесть из жизни современной Индии*). Первое книжное изд.: Катаев В. *Повелитель железа: Авантюрный роман с прологом и эпилогом*. Вел. Устюг, 1925.

Оглавление

<i>А. Шерман. Бейкер-стрит, Петербург. Русская шерлокиана первой половины XX века</i>	7
<i>Три изумруда графини В.-Д.: Пастиши и пародии</i>	
К.Н.В. Шерлок Холмс в России	50
В. Рудин. Загадочное объявление (Моя встреча с Шерлоком Холмсом)	65
[Г.С.]. Нож танцовщицы. Последние приключения Шерлока Холмса	89
С. Соломин. Конец Шерлока Холмса	140
Н. Михайлович. Три изумруда графини В. Д. (Из воспоминаний петербуржца о Шерлоке Холмсе)	151
А. Бухов. Конец Шерлока Холмса (Из записок доктора Ватсона)	215
В. Сиповский. Двадцатипятилетний юбилей Шерлока Холмса. Из записок доктора Ватсона	223
В. Катаев. Из романа «Повелитель железа»	263
Комментарии	268



Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.